

СЕКРЕТНАЯ ИНФОРМАЦІЯ О СИЛѢ И СОСТОЯНІИ КИТАЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Донесеніе графа *Саввы Владиславича Рагузинскаго*, по возвращеніи его изъ Китая, императрицѣ Аннѣ. Рагузинскій выѣхалъ въ Россію въ 1702 г., подъ именемъ *Греческаго купца*, хотя родомъ былъ Иллиріецъ. Онъ занялся торговлею въ Россіи, имѣлъ контору въ Архангельскѣ, торговалъ въ Италію, и пользуясь милостями Петра Великаго, употребленный имъ при многихъ важныхъ дипломатическихъ дѣлахъ, приобрѣлъ огромное имѣніе и чины, купилъ себѣ титулъ графа въ Италіи, а Петръ наградилъ его чиномъ надворнаго совѣтника и помѣстьями. При Екатеринѣ I-й отправили его съ большимъ посольствомъ въ Китай, поручивъ ему кончить возникшіе тогда споры и несогласія; въ Октябрѣ 1726 г. прибылъ онъ въ Пекинъ, гдѣ прожилъ до Мая 1727 г., но безуспѣшно. На границѣ Китайцы возобновили съ нимъ переговоры, и потомъ 20-го Августа онъ утвердилъ прежніе договоры и установилъ образъ торговли съ Китайцами и постоянное мѣсто ея въ Кяхтѣ (что безъ измѣненій остается и донынѣ), хотя было притомъ упомянуто и о Русскихъ караванахъ въ Пекинъ. Владиславичъ воротился въ Москву уже въ Декабрѣ 1728 года; онъ умеръ въ 1738 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника. Все собранныя имъ о Китаѣ свѣдѣнія привелъ онъ въ порядокъ и поднесъ Императрицѣ въ 1731 году. Полное заглавіе рукописи его: *Секретная информация о силѣ и состояніи Китайскаго государства, и о прочемъ, сочин. тайн. сов. и ордина Св. Александра кавалеромъ, Иллирійскимъ графомъ*

Савою Владиславичемъ, бывшимъ въ характеръ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Дворѣ Китайскомъ, 1731 г. въ Москвѣ. — «Дерзаю подданныйше поднести В. И. В.,» говоритъ авторъ въ посвященіи, «сочиненную моими трудами малую сію книжцу, что могъ въ бытности моей въ Пекинѣ и при границахъ провѣдать секретно и слышать публично, которая въ себѣ содержитъ отчасти историческое слѣдованіе, отчасти же секретную информацию о силахъ и состояніи Китайскаго государства и о пограничномъ между двумя имперіями состояніи, и мню, что оная книжца счастливому В. В. имперію, нынѣ и потомству, для извѣстія не бесполезна, наипаче въ томъ, что происходило съ 1680-го до 1729 года, по мое отбытіе съ границъ.» Объясняя далѣе, что прилагаетъ карту пути своего, отъ Москвы до Пекина, и другую границу Россіи съ Китаемъ, авторъ прибавляетъ: «все рабски прошу повелѣть всемилостивѣйше принять, и по времени для В. В. любопытія прочесть, и ежели въ чемъ, яко человекъ, или отъ недовольнаго въ Россійскомъ діалектѣ искусія, или отъ реляцій, каковы мнѣ были сообщены, безъ вымысла и погрѣшилъ, не положить во гнѣвъ, но неисчерпаемымъ Вашего монаршескаго милосердія источникомъ великодушно прикрыть.» Въ заключеніе говоритъ авторъ, что объ исполненіи имъ порученнаго ему дѣла были отъ него особыя доношенія. Въ предисловіи указываетъ онъ на подробныя извѣстія о Китаѣ, если кто любопытенъ знать, въ Словарѣ Морери, книгѣ І. Ф. Гемелеса, нап. въ Венеціи 1719 г., тамъ же печатанной, въ 1716 г., книгѣ іезуита Форести, и книгѣ *падровъ* іезуитовъ, нап. въ Анверсѣ (Антверпенѣ), а на Русскомъ въ рукописи Спафарія, которую весьма хвалитъ, «кромѣ нѣкоторыхъ фаболъ, что можетъ быть самъ не видѣлъ, и какъ отъ другихъ слышалъ, такъ писалъ.» Прежде подробнаго исчисленія главъ своей книги, говоритъ авторъ: «Я начинаю писать краткую информацию о Китайскомъ имперіи, колико могъ разсудить, что вѣрному подданному и министру добросердечному должность зазываетъ подданныйше поднести своему государю, для скораго понятія, что происходило до порученной мнѣ комиссіи и для предувѣдѣнія о Китайскомъ имперіи, а нѣчто мало и для любопытія, сколько я могъ извѣститься въ моей бытности при Дворѣ Китайскомъ и при границахъ болѣе трехъ годовъ отъ персонъ искусныхъ и

достоверныхъ.» Мы печатаемъ любопытное сочиненіе Владиславича съ списка, засвидѣтельствованнаго его рукою и весьма красиво написаннаго. Въ концѣ его отмѣчено: «Такова оригинальная книжца съ приобщеніемъ двухъ ландкартъ поднесена Е. И. В. въ кабинетъ графомъ Владиславичемъ, Декабря 27 дня 1731 года, въ Москвѣ». — Р. Р. В.

ГЛАВА I.

О родословіи Китайскаго имперіи.

Начало сего имперіи хотя гораздо темно и полно баснями, однакожь признается чрезъ слѣдующія знаменованія.

Пишутъ, что первый владѣтель Китая былъ *Футео*, *Фокви* или *Фоки*, который началъ государствовать прежде Р. Х. въ 2952 году, и что съ восьмью или девятью принцами выбранными владѣлъ онымъ государствомъ 737 лѣтъ, даже до *Таміу*, который въ 2207 г. вступилъ на престолъ и учинился самодержцомъ, сочиня оный наслѣднымъ своей фамиліи.

1. *Хіа*. Сія фамилія издала 17-ть императоровъ Китаю и владѣли лѣтъ 458, дондеже *Кинтамъ*, выгнавъ *Кіе*, послѣдняго вышепереченной династіи, за непорядки и ослабленія ихъ управленія, утвердилъ свою

2 фамилію *Ксамга*, которая издала 28 императоровъ, во время 644 лѣтъ, изъ которыхъ послѣдній, *Кею*, привлеки на себя гнѣвъ народа за чрезмѣрное свое свирѣпство, отчаявся, сжегъ себя въ своей палатѣ.

3. *Вуамъ*, или *Вувамъ*, восшелъ на престолъ съ своею фамиліею *Кева*, издалъ 35 императоровъ во время 874 лѣтъ. Подъ сею династіею начали Татары досаждать Китайцамъ съ нападеніями и грабежемъ.

4. *Квамъ-Сіамъ* ввелъ фамилію *Чина*, которая владѣла четырьмя принцами 43 года. *Ксіоамти*, сынъ названный вышеписаннаго *Квамъ-Сіамъ*, построилъ

славную стѣну, длиною малымъ чѣмъ меньше 3000 верстѣ, вышиною въ 10 аршинѣ, толщиною около 6 аршинѣ, которая окружаетъ большую часть имперіи, для удержанія набѣговъ Татарскихъ, непрестанно досаждающихъ Китайцамъ; укрѣпилъ оную стѣну частыми башнями, четверугольными, по старинному, одна въ виду другой чрезъ всю длину, какъ на мѣстѣ равномъ, такъ и по вершинамъ невосходимыхъ горъ, что и нынѣ видно; наполнилъ оную миліономъ солдатъ для пресидіи. Сіе строеніе окончено въ пяти токмо лѣтъхъ, употребля третію часть своихъ подданныхъ въ работу изъ всего государства, что около 60 миліоновъ работниковъ повсягодно работали.

5. *Каоцу*, прежде называемый *Леупамъ*, учредилъ свою фамилію *Гана*, которая съ 25 императорами владыла 426 лѣтъ. Подъ императоромъ Венти, третімъ сей фамиліи, вымышлена бумага писчая, 173 лѣта кругомъ прежде Р. Х., также и печатаніе книгъ. Вути, пятый императоръ, расширилъ завоеваніе свое въ Татарію и въ Индію, по ту сторону Ганга рѣки, покоривъ Пегу и другія государства, съ употребленіемъ пушекъ, во время его вымышленныхъ, кругомъ 140 лѣтъ прежде Христа. Въ первомъ году 11-го императора сей фамиліи, называемаго *Гіао пимти*, родился Господь нашъ І. Х.

6. *Коамевамъ*, вступя во владѣтельство съ своею фамиліею *Геугана*, или *Гевана*, не государствовалъ болѣе 44-хъ лѣтъ, владѣніемъ несчастія и смятенія исполненнымъ.

7. *Ксику-вуги* ввелъ фамилію *Чина*, отъ нѣкоторыхъ почитаемую ту же, что четвертая, вышереченная, отъ нѣкоторыхъ же разная. Сія фамилія издала Китаю 15 императоровъ, во время 155 лѣтъ. Государствованіе ихъ было смятеній и бунтовъ исполнено.

8. *Каоку-вуги*, или *Ліеву*, глава фамиліи *Сума*, которая съ восьмью императорами государствовала 59 лѣтъ. Подъ сею династіею раздѣлено было имперіумъ Китайское въ государства сѣверное и полуденное, подъ двумя императорами, съ чѣмъ умножилось и несогласіе междоусобное и партіи съ непрестанною войною между обоими владѣтелями.

9. *Каоти*, прежде называемый *Сіао таокимъ*, ввелъ новую фамилію *Чи*, которая имѣла пять императоровъ въ 23 года владѣнія.

10. *Каопу-вуги*, прежде называемый *Сіаоіенъ*, учредилъ фамилію *Леама*, которая владѣла 55 лѣтъ четырьмя императорами.

11. *Каоко-вуги*, называемый и *Кимпасіенъ*, вшедъ на престолъ, ввелъ свою фамилію *Вина*, которая имѣла черезъ 33 лѣта пять императоровъ.

12. *Каоку-венти*, прежде называемый *Янкіенъ*, былъ глава фамиліи *Суа*, которая государствовала, подъ тремя только императорами, 29 лѣтъ.

13. *Ксинъ Іоати*, прежде называемый *Ли івенъ*, утвердилъ фамилію *Тамга*, которая владѣла 20-ю императорами 289 лѣтъ. Во время сей династіи Евангеліе проповѣдано было въ Китаѣ и христіанство позволено, понеже *Каокумъ*, 3-й императоръ сей фамиліи, построилъ церкви истинному Богу и многіе прочіе показали ревнители къ вѣрѣ христіанской. Степные Татары во время 8-го императора *Таикумъ* возмутили войною Китай.

14. *Таикумъ*, прежде называемый *Кувемъ*, ввелъ свою фамилію *Геулеамъ* на престолъ, которая только двумя императорами владѣла 16 лѣтъ.

15. *Куамъ кумъ*, отъ генерала войскъ вошелъ на престолъ съ своею фамиліею *Геутама*, которая съ че-

тырьмя императорами владѣла токмо 13 лѣтъ, всегда въ войнѣ междоусобной, отъ чего и уничтожена.

16. *Каоку же*, который возвелъ свою фамилію *Геучинъ* на имперіумъ, государствовалъ съ сыномъ своимъ токмо 11-тъ лѣтъ, также въ непрестанной войнѣ.

17. *Лиу кивенъ*, онъ же называемый и *Каоку*, восшелъ на престолъ съ своею фамиліею *Гевана*, или *Геугана*, которая въ четыре лѣта государствованія своего, или болѣе смятенія, своимъ наследникомъ окончилась.

18. *Тайку*, прежде называемый *Когвей*, глава фамиліи *Геукса*, съ тремя императорами владѣла 9 лѣтъ, которыхъ послѣдній, *Кумти*, остався младенецъ, ограбленъ былъ короны отъ своего дяди, т. е. управителя вмѣсто его.

19. *Тайку*, который учредилъ свою династію подъ именемъ *Сума*, или *Сумга*, издавшую 18 императоровъ Китаю въ 319 лѣтъ; совокупилъ въ тишину десять владѣтельствъ *Манджу*, сирѣчь, полуденныя; покорилъ *Нанкинъ* измѣнный; наследникъ его выгналъ *Татаровъ*, которые ввелись были, *Татары Нючи*, потомъ и сами вступили и утвердились въ *Пекинъ* и держали за собой болѣе 100 лѣтъ, дондеже изгнаны были отъ западныхъ *Татаровъ Самархандскихъ*, слѣдующей фамиліи.

Кублай, великій ханъ западной *Татаріи*, побѣдитель *Азіи* восточной и большей части *Индіи*, учинився силенъ, былъ призванъ отъ *Китайцовъ* въ помощь для освобожденія отъ *Нютскихъ Татаровъ*, или восточныхъ. Сей великій ханъ жилъ въ *Самархандѣ* и имѣлъ при себѣ *Николая Венеціанина* первымъ своимъ министромъ статскимъ, а сына его *Марка Павловыхъ*, *Венеціанина* въ арміяхъ своихъ однимъ изъ первыхъ полководцовъ своихъ.

По требованію *Китайцовъ* послалъ оный великій

ханъ Кублай трехъ своихъ сыновъ, Темуръ, Монгу и Гопіеліе со множествомъ войскъ. Послалъ же и Николая и Марка Павловыхъ вышеписанныхъ, отца съ сыномъ, Венеціаниновъ въ Китай. Сіи Татары вшедши яко вспомощники для выгнанія Татаровъ восточныхъ Нютскихъ, послѣ данной помощи требованной и освобожденія сѣвернаго Китая отъ помянутыхъ Нюковъ, удержали оный за собою. И увидя счастье и случай способный оружію своему объявили и полуденной странѣ Китая покореніе, и не упусти оружія изъ рукъ, по совету Николая и чрезъ храбрость Марка, которые имѣли съ собою инженеровъ Италіянцовъ, осаждая города и покоряя провинціи, на концѣ завладѣли всемъ Китаемъ, и великій ханъ Кублай опредѣлилъ сына своего большаго Темура въ императоры.

20. Темуръ убо, который назвался *Кеикумъ*, отъ Китайцовъ и Манжуровъ признавъ подъ именемъ *Чингисъ-хана*, вшедъ на престолъ Китайскій, учредилъ свою фамилію, *Ивена*, которая съ девятью императорами, владѣла 89 лѣтъ. И по приведеніи имперія въ тишину внутри и снаружи, велѣлъ выкопать славный каналъ, по которому можно плыть судами отъ одного края до другаго такого великаго владѣнія, болѣе 2,000 верстъ. Сіе строеніе вѣчно прославило имя его, но вѣще еще защищеніе христіанству, которое проповѣдано было свободно въ Китаѣ отъ священниковъ, пришедшихъ съ Маркомъ Павловымъ Венеціаниномъ. Употребилъ экспедицію морскую для покоренія себѣ Японскаго острова, но не удалось, за малымъ искусіемъ флота Китайскаго, который не можетъ противостати морскому непостоянству. И оный флотъ большимъ числомъ поврежденъ отъ погоды и принужденъ возвратитися безъ дѣйства.

21. *Тайку*, или Гумву, или Ку, отъ приватнаго человека, хотя нѣкоторые мнятъ его произойти отъ фамиліи императоровъ Китайскихъ, сперва съ малою свитою разбойниковъ, а потомъ умножа слѣдователей своихъ, съ сильными партіями и союзами, сочиня порядочную армію, освободился отъ ига Татаръ западныхъ Самархандскихъ и возвратилъ имперіумъ своей Китайской націи, или паче сущей своей фамиліи *Мима*, или Таминга, которая съ 16-ю императорами владѣла 276 лѣтъ. Владѣющей сей династіи, государства Лаосъ, Тункингъ, Кочинчина и прочіе, къ западу Китая граничащія, ему покорилися. Татарове Самархандскіе, которые предъ тѣмъ владѣли Китаемъ, старались возвратить себѣ потерянное имперіумъ, чинили много зла, однакожь на концѣ отогнаны. — Лимаонъ, морской разбойникъ (1560 г.), со 124 кораблями, раззорялъ города и приморныя мѣста Китайскія подъ императоромъ Ксикума, 11-мъ сей фамиліи. Онъ разбойникъ побѣжденъ отъ Гишпанцовъ Филиппинскихъ острововъ, призванныхъ въ помощь отъ Китайскаго императора чрезъ адмирала Омонкона, который во имя соврена (государа) своего, за такое дѣло соглашается и обѣщаетъ Гишпанцамъ позволяти проповѣдь евангельскую по всему имперію, и многія прочія награжденія и прерогативы, чего ради посланы отъ Гишпанцовъ четыре монаха, которые приняты въ Китаѣ со всякою вольностію и учтивостію, однакожь и паки оттуду высланы назадъ, какъ скоро Китайцы услышали побѣду надъ разбойникомъ. И тако не устояли на своемъ словѣ и обѣщаніи, когда уже отъ разбойника страха болѣе не было. — Макао городъ (1578 г.) построенъ отъ Португальцовъ на острову каменномъ Китайскомъ съ позволеніемъ императора. Послѣ сего времени дѣла Китайцовъ ослабѣли, по-

неже слѣдующіе императоры весьма далися въ забавы и непостоянства, уничтожили употребленіе оружія, толико нужное для охраненія государства, кромѣ того оставя владѣтельство въ руки министерскія, выбранныя по склонности, а не по достоинству дѣла. Сіи учинилися толикими тиранами надъ подданными, для собранія себѣ богатствъ, между тѣмъ и Татары Манжуры, которые кочевали по обимъ сторонамъ рѣки Амура и степей околичныхъ, даже до великой стѣны Калганской, которая Китайское государство окружаетъ, подъ командою семи тайшей или главъ толикихъ ордъ, пришли между собою въ ссоры границъ ради, а отъ ссоръ въ явную междоусобную войну, въ которой часть авантажъ имѣвшая выбрала себѣ хана, названнаго *Нюка ханъ* (1620 г.).

Сей началъ владѣть своими со всякою склонностію и любовію, что привлекло другихъ многихъ Татаровъ кочевныхъ и Мунгаловъ, а наипаче многихъ изъ тѣхъ, которые въ изгнаніи Самархандцовъ разсыпались были по степи Татарской, ему покорились, съ чѣмъ усилилъ своихъ слѣдователей, старался, дабы непрестанно учились въ экзерциціи военной по Татарскому обыкновению, то есть, ѣздить верхомъ и стрѣлять изъ лука, дабы не уронить старинную военную науку, что дало Китайцамъ причину подозрѣнія, а наипаче что Нюка ханъ хотѣлъ дать дочь свою въ жену другому нѣкоторому хану Татарскому, или Мунгальскому. Сіе понеже не угодно было Двору Пекинскому, употребили всякія посредства пресѣчь таковой союзъ, предвидя что укрѣпило бы ихъ силу. И отъ того времени почали досаждать и обижать всѣхъ Манжуровъ, пріѣзжающихъ въ Китай для торга съ собольми, лисицами, бѣлкою, коренемъ жинсемъ и прочими вещьми. Наипаче имѣя подозрѣніе на Нюку хана, призвали его

ко Двору подъ видомъ дружбы, якобы для почести и одаренія (понеже онъ былъ по нѣкоторымъ кондиціямъ Китайскій подданный и подъ властію Китайскаго императора), а когда прибылъ ко Двору Китайскому, то отравили его (1623 г.). Сіе возмутило всю Татарію Манжурскую и разъярило весьма такимъ образомъ, что выбрали въ ханы сына его. Сей жаловался Двору о смерти отца своего чрезъ министровъ учиненной и просилъ императора дать ему судъ. Но императоръ тогда бывшій, Ванъ ліе, не токмо сатисфакціи не далъ Нюкѣ хану (такъ называющуся и сыну), но еще по совѣту министровъ своихъ не отвѣтствовалъ на жалобу, ему представленную. Отъ чего наивяще разъярившися Татары, получивши случай зимы, что воды замерзли, рѣкою Вало, Яло, или Логанъ, прошедши стѣну въ Леаотунгъ, нечаянно съ партією въ 8,000 человекъ, взяли городъ Тайвентъ и много убитка причинили всей околичности. Умножившимся же силою даже до 50,000 числомъ покорилъ едва не всю провинцію Леаотунгъ подъ свою власть. Что услыша Китайцы, собравшися числомъ даже до 600,000, кромѣ помощи Кореановъ, напали на Нюку хана, который по завоеваніи Леаотунга названъ именемъ Китайскимъ Тіенъ мингъ и разорялъ набѣгами даже въ виду Пекина, откуда наполненъ грабежемъ и добычею возвратился въ Леаотунгъ и приготовился принимать Китайцовъ, но еще пошелъ къ нимъ напротивъ, собравъ силы до 70,000, и далъ баталію такъ жестокую, хотя и было 600,000 Китайцовъ, что положилъ на полѣ болѣе 50,000 и прочихъ разогналъ. И тако растерялось толь многочисленное воинство, сочиненное лучшими солдатами и капитанами Китайскими, а и изъ Татаровъ болѣе число побито, и принуждены были, оставя все отъ

нихъ завоеванное, возвратиться въ свои степи для собранія новыхъ войскъ и утвержденія.

Умершу Нюкъ хану Тіень мингу (1628 г.), наслѣдствовалъ по немъ сынъ его Нюка ханъ Тіень цунгъ, или Тіень Цунъ, во время, что и Китайскій императоръ Тіень ки умре, и наслѣдствовалъ послѣ его несчастливый императоръ Кумъ кимъ, или Сумъ ки.

Ханъ же Нюковъ Тіень цунгъ, слѣдуя войнѣ, покорилъ всю часть сѣверную Китая, даже едва не до Пекина подъ свою власть, но не осмѣлился атаковать сущую столицу Пекинскую, понеже не имѣлъ пушекъ. Между тѣмъ и онъ умре и наслѣдствовалъ по немъ сынъ его Ксунгъ теу, или Ксунки, преумный принцъ, который больше ласкою и учтивостію, употребленною съ Китайцами, нежели оружіемъ, упредилъ свои вѣкторіи. Въ то время весь Китай былъ въ смятеніи за множествомъ недовольныхъ и разбойниковъ, которые съ партіями и бунтомъ, а потомъ, умножившися, формальными войсками воевали и грабили города и провинціи Китайскіе. Между сими нѣкоторый Лингузъ, или Ликунгъ, показался такъ сильнымъ, что по завоеваніи многихъ провинцій пришелъ и подъ Пекинъ, въ который чрезъ измѣну вшелъ, что услышавъ императоръ Кумъ кимъ, или Сумъ ки, вышеупомянутый, повѣсилъ поясомъ въ сущемъ своемъ саду, а Лингузъ измѣнникъ натитуловался императоромъ Китайскимъ.

Узанквей, генералъ Китайскій, который обрѣтался съ сильною арміею противъ Татаровъ въ Леаотунгъ, услышавъ несчастіе отечества своего, паденіе столицы мизерное окончаніе императора государя своего, не зная что чинить, разсудилъ за лучшее прибѣгнуть къ помощи Татаровъ Манжурскихъ для освобожденія Китая отъ измѣнниковъ, съ надеждою, что утиша такимъ

образомъ междоусобную войну, онъ на концъ могъ бы, послѣ награжденія помощниковъ, собрать разсыпанное воинство и принудить Татаровъ не вступать въ имперіумъ, а возвестъ на престолъ имперіальскую фамилію. Того ради послалъ великое посольство къ Нюкѣ хану Тіень Цунгу, съ обещаніемъ неисчисляемаго богатства, ежели онъ, соединясь съ нимъ, поможетъ выгнать измѣнника Лингуса, на что Татарове (которые не могли бы инаго желати) съ охотою склонились, и совокупя обѣ арміи выгнали изъ столицы Пекинской разбойника, а владѣніе за собою удержали.

Въ то же время, когда Татарове вступили побѣдителями въ Пекинъ, Нюка ханъ Тіень Цунгъ обрѣтался въ единомъ изъ городовъ Лсаотунга жестоко боленъ, призвавъ брата своего Амаванга и вѣрнѣйшихъ своихъ министровъ, сказалъ имъ, что онъ обрѣтается при смерти и рекомендовалъ имъ сына своего, еще младенца отъ шести лѣтъ, надѣясь, что къ оному покажутъ ту же вѣрность, какъ всегда имѣли къ нему, и съ тѣмъ скончался.

Амавангъ и Татарове, хотя приунывшие о смерти принца своего, однакожь безъ потерянія времени устремились съ младенцомъ къ столицѣ Пекинской, и возвысивъ на престолъ, огласили его императоромъ подъ именемъ Ксунхи, и принявъ надзираніе племянника и владѣтельство имперіи, Амавангъ, дядя его, который до совершеннаго возраста утолилъ съ неизреченною премудростію вся смущенія Китая и покорилъ завоеваніемъ все государство племяннику своему, утвердѣя фамилію его, 22-ю, Чима (въ 1645 г.), которая и нынѣ владѣтъ и имѣла до днесь три императора съ нынѣ владѣющимъ.

Амавангъ, не яко дядя и опекунъ, но яко истинный отецъ съ племянникомъ своимъ всегда поступалъ,

ибо оружіемъ и совѣтомъ утвердилъ императорскую корону всего Китая въ фамиліи того племянника своего Ксунхи, чего для хотя онъ и достоинъ былъ, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти, снабдѣнъ быти знаками вѣчной памяти, однакожь онъ Ксунхи злѣо неблагодарнымъ послѣ его смерти себя показалъ, по-неже кости его изъ могилъ выкопавъ, наивяпшую суровость надъ трупомъ его явилъ, повелѣвая ради безчестія разбросать ихъ по площадямъ разныхъ провинцій, притомъ съ наужаснымъ позорищемъ указалъ палачу, отрубя голову его, бросить ее въ мѣсто злодѣевъ. И сіе воспослѣдовало отъ того, что нѣкоторые изъ фаворитовъ его, а изъ злодѣтелей Амаванга, донесли ему, якобы онъ великіе насильства или неправды многимъ показалъ и будто весьма жестоко поступилъ надъ своимъ роднымъ братомъ, вторымъ дядею его императорскимъ, котораго онъ въ тюрьму посадя, въ отчаяніе привелъ смерти себя предать, хотя оный дядя его побѣдилъ было славнаго разбойника и Китайскаго тирана Канкенкуна, или Каменкуна, который гораздо утвердился было въ государствахъ, или королевствахъ Хонана, Нанкина и Суквена, гдѣ имѣя 300,000 войскъ подъ командою своею, неслыханною суровостію и жестокостію поступалъ, такъ, что отъ него въ небезопасности находилась тогда нетвердо основанная имперія Татаръ Манжуровъ, или Нюковъ.

Впрочемъ сей государь украшенъ былъ изрядными достоинствами, токмо погрѣшилъ неблагодарностію, которую онъ надъ дядею своимъ показалъ, какъ выше изображено, также наполненъ былъ лицемѣрнаго обмана (хотя сіе есть природное всѣмъ Китайцамъ обыкновеніе) въ обхожденіи своемъ съ чужестранными, какъ ниже сего слѣдуетъ.

Нѣкій Коцессиндо, Квесиновъ сынъ и племянникъ

нѣкотораго Китайца, который, воспріявъ христіанскую вѣру, нареченъ былъ Николаемъ, съ нѣсколькими тысячами судовъ, отъ отца своего ему оставленными, немалое раззореніе приморскимъ Китайскимъ городамъ чинилъ, отъ чего не токмо прочіе города и мѣста въ великомъ страхѣ и опасеніи находились, но и славная столица Нанкина, которая величиною и пространностію превосходитъ всѣхъ знатныхъ городовъ сего свѣта и гдѣ въ древнихъ временахъ Китайскіе императоры столицу свою имѣли, и сей городъ едва отъ него не взятъ и грабежемъ въ конечное раззореніе не приведенъ былъ. Онъ же завоевалъ островъ Формозу, въ которомъ 70 крѣпостей и городовъ, и безъ всякаго сомнѣнія покорилъ бы себѣ наибольшую часть Китайскаго имперіи, или по послѣдней мѣрѣ всѣ приморскія мѣста, ежели императоръ Татаринъ Ксунхи пространными обѣщаніями своими не привелъ бы Голландцовъ къ сочиненію и заключенію союза съ нимъ противъ того капара, и обѣщалъ имъ всякую вольность въ Китайской коммерціи, да сверхъ того многія иныя льготы и благоугожденія, понеже армія его императорская прежде прибытіи Голландской арміи въ одной баталіи весьма отъ того пирата разбита была.

Голландцы, съ 25-ю военными кораблями, бывшими подъ командою адмирала Балтазара, соединясь съ Китайскимъ флотомъ, и вступя въ баталію съ тѣмъ капаромъ, многочисленный его флотъ разбили и островъ Формозу освободили и Китайцы всемъ островомъ вспоможеніемъ Голландцовъ завладѣли, чего для Императоръ Китайскій пословъ своихъ отправилъ къ помянутому адмиралу съ слѣдующимъ письмомъ, именемъ его императорскимъ. въ трибуналъ, называемомъ Лопу, писаннымъ, при которомъ ради полученія толь знатной побѣды послалъ къ нему такъ малый презентъ,

что удивленія достойно, а именно 1000 лановъ серебра, которые сочиняютъ около 1400 рублей, да 30 косяковъ камокъ. А что касалось до коммерціи, повелѣлъ тому послу своему объявить, что когда отъ вицероя Батавскаго, именемъ рѣчи посполитой Голландской въ Пекинъ послы отправлены будутъ, тогда съ удовольствіемъ Голландской націи о коммерціи поставлено будетъ. Къ сему слѣдуетъ письмо :

Я ханъ посылаю сію грамату къ адмиралу Голландскому Балтазару.

Я люблю чужестранныхъ, какъ сосѣдственныхъ, такъ и отдаленныхъ земель, яко подобаетъ императору. Наипаче же надлежитъ взаимное добродѣтельство показать надъ тѣми, которые намъ добро дѣлаютъ, и надлежитъ совершенное награжденіе тѣмъ учинить, которые въ поступкахъ своихъ честными себя показали. Увѣдомился я, что ты честно поступилъ, а для того посылаю къ тебѣ людей съ подарками. Такожъ я слышалъ, что ты, Балтазаръ, дружелюбительно, вкупѣ съ моими военными морскими начальниками былъ въ баталіи, отъ чего признаваю, что ты гораздо доброжелателенъ къ моему имперію и къ моимъ подданнымъ, какъ явствуетъ отъ того, что разбилъ капаровъ, которые, яко птицы для прибыжища, или укрыванія, огнизились, и нынѣ то ихъ гнѣздо вовсе раззорено. Знатное вспоможеніе, котораго я всегда для раззоренія и разогнанія внутреннихъ непріятелей отъ Голландцовъ уповалъ, совершенно нынѣ явилось. И для того надлежитъ мнѣ нѣкоторыми подарками тебя снабдить, и писалъ къ тебѣ сіе письмо, которое ты, купно съ подарками, при ономъ къ тебѣ отправленными, соблаговоли принять, содерживая письмо съ надлежащимъ почтеніемъ.

Подписано: *Конгъ Н-й.*

По прошествіи же нѣсколькихъ лѣтъ вицерой Батавскій Іоаннъ Мазуки, именемъ рѣчи посполитой Голландской отправилъ въ Пекинъ двухъ пословъ, съ великими подарками къ Императору и къ министрамъ, а помянутые послы были: Петръ де Гоеръ и Іаковъ де Кезеръ, которые въ Пекинъ были со всякою учтивостію приняты и содержаны, но посредственно ода-

ренны, понеже хотя подарки отъ нихъ привезенные въ 300,000 ланакъ и состояли, однакожь взаимно имъ данные едва и 1000 сочинили. А отъ вышерѣченнаго трибунала съ аффектаціею отвѣтъ учиненъ на письмо вицерея, представляя ему морскіе страхи, непостоянство вѣтровъ и хладность своего государства. И что императоръ, не желая подданнымъ Голландскимъ никакого раззоренія, для того позволяетъ имъ отправлять чрезъ восемь лѣтъ въ Китайское государство токмо двухъ кораблей купеческихъ, товарами нагруженныхъ, токмо бѣ на оныхъ людей болѣе что по 100 человекъ не было, изъ котораго числа только 20-мъ позволялось ко Двору пріѣхать, а прочіе бы безъ сѣзда на тѣхъ корабляхъ пребывали. И что по прибытіи тѣхъ 20 персонъ въ Пекинъ, тогда бы имѣли прочіе, выгрузя свои товары, складывать ихъ въ городъ Кантонъ. Такъ Его Императорское Величество повелѣваетъ, въ надеждѣ, что сіе и Голландцамъ угодно быть имѣетъ. Сіи суть истинныя его слова, понеже выписаны изъ письма къ вицерю писаннаго, отъ чего явствуется непостоянство и неблагодарность Китайцовъ.

По совершенномъ разбитіи того пирата вознамѣрился богдыханъ Ксунхи вовсе перевести императорскую фамилію старую Китайцовъ, состоящую въ одной только персонѣ Юмлія, послѣдняго несчастливаго императора фамиліи Таминга, сына императора Кумкина, который уходомъ ретировался было къ Пегунскому Королю, къ которому оный Ксунхи пословъ своихъ отправилъ съ требованіемъ его и съ угрозытельнымъ объявленіемъ вооруженною рукою въ его владѣнія наступить, ежели онъ ему въ руки не предастъ его. Пегунскій Король, опасаясь раззоренія своего государства, принужденъ былъ вручить его присланнымъ отъ

Ксунхи посламы, которые, по силѣ даннаго имъ въ Пекинѣ указа, въ той же Пегунской столицѣ помяну- таго Юмлія удавить приказали, а двухъ императрицъ, мать и жену сего несчастливаго, привезли въ Пекинѣ, гдѣ оныя съ почтеніемъ, достоинству ихъ надлежа- щимъ, до кончины жизни своея содержаны и тамо вѣкъ свой свято въ христіанской вѣрѣ препроводили. Нѣкоторые пишутъ, якобы и императоръ Юмлія въ христіанскомъ законѣ преставился.

Слухъ носится, якобы той императорской фамиліи Таминга и нынѣ находится въ городѣ Квангкесі единъ принцъ, который со всею своею фамиліею христіан- скую вѣру исповѣдуетъ, но нынѣшній ханъ, подъ претекстомъ религіи, намѣренъ всю оную фамилію искоренить.

Ксунхи, по утишеніи всѣхъ смятеній своего госу- дарства и утвержденіи своемъ на престолѣ, отъ пе- чали, причиненной ему отъ смерти нѣкоторой своей возлюбленной, именемъ Кліа, умре, и оставилъ на- слѣдство престола второму сыну своему Камхи, отцу нынѣ владѣющаго Іонгъ-Чинга, и сіе по учрежденіи 4-хъ опекуновъ изъ знатнѣйшихъ, ибо оный сынъ его тогда былъ токмо 8-ми лѣтъ.

Сей Камхи, въ молодыхъ будучи лѣтахъ, нема- лую склонность показалъ къ математическимъ нау- камъ, которыя ему отъ патра Вербіеста, іезуита, и прочихъ его товарищей показаны, за что они съ ве- ликимъ почтеніемъ отъ сего младаго императора со- держаны были. И навѣяще влюбясь въ тѣ науки, не преминулъ всегда къ обученію оныхъ трудовъ при- лагать. Но едва пришелъ въ возрастъ, немалое смя- теніе въ государствѣ его возбуждено отъ того гене- рала Узанквеа, отъ котораго Татары Манижуры нынѣш- няго владѣнія возведены на Китайскій престолъ. И

хотя онъ Узанквей между тѣмъ временемъ находился въ королевствѣ Ксенси при владѣніи столицы его Сигана, которая отъ императора Ксунхи въ награжденіе ему пожалована была, однакожь увидя себя окружена отъ многихъ Пекинскихъ партизантовъ, озлобленныхъ отъ жестокаго правительства вышеупомянутыхъ 4-хъ опекуновъ во время малолѣтствія императора Камхи, и возбужденъ отъ любви и вольности отечества своего, и отъ надежды, что освободя оное отъ ига чужестраннаго Татарскаго владѣнія, собственной своей націи оное паки препоручить можетъ, собралъ многое число войскъ, съ которымъ завоевалъ королевства Ксенсіа, Суквена и Юнама, и по недолгомъ потомъ времени Квенкева и Хукванга, понеже въ союзъ вступили съ нимъ не токмо вицерой Квантунга и Фокіена, но и тайнымъ образомъ къ тому поставленъ былъ отъ хана Тангутскихъ Мунгаловъ, который войну объявилъ ему Камхи, претендуя отобрать отъ него престолъ, которымъ прежде завладѣли Самархандскіе принцы, нарицаясь той фамиліи исходящимъ. Но сей отъ Камхи, со вспоможеніемъ ему отъ восточныхъ Нютскихъ Татаръ, или Манжуровъ, или Дауровъ, учиненнымъ, побѣжденъ былъ. А между тѣмъ, владѣнія ради, немалое произошло несогласіе между Узанквеемъ и прочими его Китайскими адгерентами, или содѣйственниками, и не хотя одинъ другому покориться, часть отъ оружія Камхи побѣждена, другая же между собою раззорилась. Только Узанквей тѣмъ доволенъ быть могъ, что по недолгомъ потомъ времени съ титуломъ хана нѣкоторой части Китая умре и тѣмъ Камхи при спокойномъ владѣніи всего имперія остался.

Камхи, по окончаніи междоусобной войны, отъ которой во всемъ Китайскомъ государствѣ великія чрезъ восемь лѣтъ смуты происходили, и по утишеніи

внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, всякое стараніе свое приложилъ къ отвращенію всѣхъ злыхъ возсѣдствъ, которыя ему съ другихъ сторонъ случиться могли, наипаче со стороны имперіи Всероссийскаго.

Во время государствованія блаженныя и вѣчно-достойныя памяти царя Алексѣя Михайловича, нѣкоторый Тунгузскихъ Татаръ начальникъ, именемъ Гантимуръ, освободясь отъ ига Китайскихъ Манжуровъ, съ ордою своею перешелъ въ Россійскую сторону къ Амуру, при которой рѣкѣ кочевалъ. И по присланному съ Россійскаго Двора указу милостиво принять и подарками награжденъ. Но когда онъ въ знакъ подданства нѣкоторое число соболей поднесъ, по обыкновенію прочихъ подданныхъ Татаръ, въ Сибири пребывающихъ, тогда Россіяне съ наивящею охотою къ нему склонность показали, ибо соболи, которые въ тѣхъ странахъ рѣки Амура ловятся, пригожествомъ и цѣною превосходятъ прочихъ Сибирскихъ соболей. Той Гантимуровой фамиліи и нынѣ находятся двое, которые хотя съ титуломъ избранныхъ князей, однакожь ради пьянствованія ихъ мало почитаются.

Многіе подданные Россійскіе казаки, ради пользованія себѣ такой драгоценной ловли соболей къ тѣмъ мѣстамъ Амура прибѣгали, однакожь для наивящаго утвержденія себя во владѣніи тѣхъ мѣстъ, прилежнымъ своимъ стараніемъ выходили себѣ отъ Россійскаго Двора указъ, которымъ позволялось имъ въ тѣхъ мѣстахъ крѣпость построить, чего для дана была коммиссія Аѳанасью Пашкову, который на нѣсколько дощаникахъ изъ Енисейска поплылъ рѣками Тунгузскою и Ангараю, и мимо города Иркутска вѣхалъ въ озеро Байкаль, которое ради своей величины едва не отъ всѣхъ моремъ нарицается, понеже около его живущіе сказываютъ, якобы оное длиною въ 1500

верстѣ, а шириною по мѣстамъ и болѣе и меньше 100 верстѣ, и что кромѣ малыхъ острововъ, къ западу одинъ великій островъ находится именемъ Ольхонъ, фигурою овальною, на 300 верстѣ кругу. Кажется, что сіе мѣстоположеніе наилучшее и безопаснѣе есть къ строенію крѣпости, которая могла бѣ быть яко ключъ всей восточной Сибирской страны, безъ всякаго опасенія силъ Мунгалскихъ Татаръ.

Вышереченный Пашковъ, переѣхавъ озеро Байкаль и вѣхавъ въ рѣку Селенгу, оною рѣкою поплылъ до рѣки Хилка, и оттуда до мѣста, называемою Плотища, а отсюда сухимъ берегомъ въ трои сутки пріѣхавъ къ рѣкѣ Ингодѣ, тамо построилъ новыя суда, на которыхъ по той и по Онону рѣкамъ поплылъ (сіи рѣки, соединясь съ рѣкою Ингодою, лишаются собственнаго имени и единымъ именемъ называются Шилка), даже до устья рѣки Нерчи. И тамо, между Нерчею и Шилкою, за великимъ изобиліемъ лѣсовъ, которыми оное мѣсто окружено, построилъ онъ крѣпость деревянную при рѣкѣ Нерчѣ, которая впадаетъ въ Шилку. Она крѣпость отъ Россіянъ названа Нерчинскъ, а отъ Китайцовъ Нипковъ.

Изъ Нерчинска поплылъ онъ потомъ рѣкою Шилкою, и въ четверы сутки прибылъ къ устью рѣки Аргуна, которая течетъ изъ рѣки Хайлара. И та сторона Аргунская границею между Россійскою и Китайскою имперіями причитается, а помянутыя рѣки, соединясь съ рѣкою Шилкою, собственнаго своего имени лишаются и единымъ токмо Амуромъ называются.

Сія рѣка Амуръ зело велика есть, по которой могутъ плыть всякой линіи военные корабли, ибо въ нее впадаютъ многія иныя немалыя рѣки, наипаче вышеоображенныя Ононъ и Ингода, которыя потомъ Шилкою называются, какъ выше показано, и нынѣ

изъ Россіи теченіе имѣютъ. Впадаютъ въ нее великія рѣки: Аргунь, которая граничитъ, да Наунъ и Чингалъ, которыя истокъ свой изъ Китайскаго владѣнія въ странахъ Даура имѣютъ. — Плывучи по Амуру, отъ устья Аргуни день ѣзды онъ остановясь, на лѣвой сторонѣ построилъ крѣпость, называемую Албазинъ, и снабдилъ оную потребнымъ гарнизономъ, а ниже Албазина, по берегамъ рѣки Амура построилъ крѣпостцы или остроги, на рѣкахъ Ція и Кумира (которыя въ Амуръ впадаютъ), да по островамъ иныя малыя крѣпостцы для собиранія ясака отъ Татаръ, кочующихъ въ тѣхъ странахъ по берегамъ всего Амура, даже до восточнаго моря, въ которое Амуръ впадаетъ. И сія рѣка между двумя полуостровами, Кореемъ Китайскимъ и Эдсо, или Камчаткою, Россійскимъ.

Такими аванжаами внутрь Маньчжурской земли входя Россіане, не токмо не малое безпокойство причиняли Хукерскимъ Татарамъ въ ловлѣ соболей и иныхъ звѣрей, но и прочимъ Даурамъ, Китайскимъ подданнымъ, во владѣніяхъ своихъ. Такіе поступки въ сомнѣніе и въ опасеніе привели Китайскаго императора Камхи, понеже по недолгопрошедшимъ примѣрамъ, что онъ смятенія и несчастливья войны принужденъ былъ претерпѣть отъ Китайцовъ, ему противныхъ, и отъ Мунгаловъ едва не приведенъ былъ къ лишенію новозавоеванной имперіи, хотя сей народъ Мунгалскій малолюдентъ былъ и къ войнѣ никакого искусства не имѣетъ. Кольми паче надлежало было ему опасаться Россіанъ, которые храбростію и искусствомъ воинскимъ украшены суть.

Но когда себя увидѣлъ освобожденна отъ междоусобной войны и отъ Мунгаловъ, намѣреніе воспріять предупредить и пресѣчь Россіанамъ дальнія ихъ распространенія къ Амуру, и для того велѣлъ объявить

Россійскимъ коммендантамъ Нерчинска и Албазина, чтобъ они не токмо подданнымъ его никакое безпокойство чинить не дерзали и ясака не собирали, но такожь бы, раззоря Албазинъ и прочія отъ нихъ построенныя крѣпости, ретировались. Однакожь комменданты, или не важный на сіе отвѣтъ учинили, или объявили ему, что они безъ именнаго своего государя указа того чинить не дерзаютъ.

Россійскій Дворъ (1684), притворяя себя, якобы о томъ требованіи ихъ извѣстія не имѣетъ, повелѣлъ отправить въ Китай, съ характеромъ посланника, государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ переводчика Николая Спафарія, ради установленія коммерціи, наипаче же для наивящаго описанія и осмотра тѣхъ странъ, толь къ извѣстію потребнаго. Однакожь Китайскій дворъ кредитива его принять и до себя допустить не восхотѣлъ. И тако принужденъ былъ онъ безъ исполненія данной ему комисіи о коммерціи паки назадъ возвратиться.

Китайскіе министры сіе къ его суровости и въ негодіяціяхъ несклонности причитали (какъ въ прошломъ 1720 году объявлено было отъ самого императора Камхи отправленному чрезвычайному посланнику г-ну Измайлову), однакожь упрямство или не снисхожденіе его состояло въ томъ, что онъ представленное ему желаніе ихъ исполнить не восхотѣлъ.

Потомъ богдыхановы министры объявили ему Спафарію при отъѣздѣ его, чтобъ Россійскіе подданные воздержались отъ показанія обидъ Хукерамъ и Даурамъ ихъ, такожь чтобы они очистили берега рѣки Амура отъ крѣпостей, по преданіи измѣнника Гантимура тамо построенныхъ, ибо тѣ мѣста издревле насѣдственнаго ихъ владѣнія были.

На такое ихъ предложеніе и требованіе никакого

отвѣта не учинено. Чего ради Богдыханъ отправилъ некое число войскъ въ верхъ по Амуру, повелѣвая имъ раззорить всѣ тѣ крѣпости, которыя отъ Россіянъ построены были, и крѣпость Албазинъ осадить. И для того отправлены были отъ Россійскаго Двора съ грамотою государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ подьячіе Никифоръ Венюковъ, да Иванъ Фаворовъ, въ которой грамотѣ изображено было бывшее отправленіе Спафарія съ извиненіемъ въ показанныхъ его поступкахъ, и сіе за невѣдѣніемъ обхожденія Пекинскаго Двора, и что впредь, для окончанія случившихся на границѣ несогласій, отправленъ будетъ съ Россійской стороны полномочный посолъ.

Вышепомянутые подьячіе по возвращеніи своемъ изъ Пекина подали ответную грамоту (гордымъ, по ихъ обыкновенію, Китайскимъ стилемъ сочиненную), объявляя въ оной, что пребывая они въ несомнѣнной надеждѣ отправленія полномочнаго посла, прогрессы свои подъ Албазиномъ продолжать не будутъ.

Сія крѣпость обведена была палисадомъ внутри земли Дауровъ, и два года предъ тѣмъ Китайцы, плывъ рѣкою Амуромъ, съ артиллеріею и сухопутными войсками, нечаянно напали на ту крѣпость, которая отъ комманданта Алексѣя Толбузина, за неимѣніемъ довольнаго гарнизона, по заключеніи капитуляціи сдана Китайцамъ, а онъ принужденъ былъ съ своими ретироваться въ крѣпость Нерчинскую. Но по прибытіи его Нерчинскій коммандантъ Иванъ Власовъ, съ выговоромъ трусости и малодушія, назадъ паки отправилъ его Толбузина для отобранія помянутой крѣпости, придавъ ему начальника казаковъ Аванася Бейтона, 1500 вооруженныхъ людей и 5 пушекъ съ потребною аммуниціею.

Толбузинъ, по возвращеніи своемъ въ Албазинъ,

оставленный отъ Китайцовъ городъ по возможности своей старался въ наикрѣпчайшее состояніе новопостроенными валами и глубокимъ рвомъ привести, около чего съ полгода трудился, и едва оныя новыя постройки къ совершенному для обороны того окончанію приведены, то Китайцы, на 150 судахъ, называемыхъ бусахъ, на которыхъ была артиллерія ихъ и по 40 военныхъ людей на каждомъ, со вспоможеніемъ сухопутной арміи, въ первыхъ числахъ Іюля мѣсяца пришли подъ городъ, въ тожь время, что отправленные съ Россійской стороны вышеупомянутые подъячіе изъ Пекина возвратились.

Въ 5-й день приступа вышереченный коммендантъ Алексѣй Толбузинъ изъ непріятельской пушки убить и Бейтонъ принялъ команду того города, а Китайцы принуждены были, по силъ полученнаго указа изъ Пекина, осаду того города въ облокъ превратить. И сіе въ надеждѣ прибытія Россійскаго министра для постановленія и заключенія мира, котораго ради за годъ до того отправленъ былъ полномочнымъ графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, при которомъ было 500 Стрѣльцовъ и съ 1400 людей Сибирскаго гарнизона.

Съ такою малою силою прибылъ онъ Головинъ въ Селенгинскъ (1688 г.), гдѣ принужденъ былъ весь тотъ годъ пребыть для отогнанія разныхъ Мунгальскихъ партій, которыя Россіянамъ не малое безпокойство причиняли въ тѣхъ странахъ, гдѣ Россіяне въ 1664 г. построили крѣпость Селенгинскую, трудами Гаврила Ловцова съ товарищи, на берегу Селенги рѣки, съ 250 верстъ отъ Байкальскаго моря. Однакожь графъ Головинъ въ бытность свою тамо помянутую крѣпость въ лучшее состояніе привелъ, и укрѣпя ее нѣсколькими пушками, въ Россійское подданство при-

велъ семь Мунгальскихъ тайшей, хотя изъ нихъ шесть, по отъѣздъ его графа Головина, будучи отягчены отъ Россійскихъ коммендантовъ, въ тѣхъ странахъ пребывающихъ, наруша присягу вѣрности и оставя часть своей команды въ Россійскомъ подданствѣ, къ Китайцамъ перешли.

Мунгальская сія нація тогда не подъ Китайскимъ владѣніемъ находилась, какъ нынѣ, но своихъ собственныхъ владѣльцовъ имѣли съ титуломъ ханства, и нѣкоторыхъ малыхъ князей съ титуломъ тайшей, противъ которыхъ войну тогда объявилъ было Шаджинъ Зезенъ Барикчи Буштуханъ Калмыцкій, который и въ крайнее раззореніе приведенъ. Сія война была причиною, что Китайскіе полномочные министры не дерзнули тогда сухимъ путемъ прѣхать въ Селенгинскъ для мирнаго договора съ Россійскимъ министромъ, понеже Богдыханъ тайнымъ образомъ помогалъ Очирою, хану Мунгальскому, и прочимъ тайшамъ, противъ которыхъ помянутый буштуханъ воевалъ, чего для принуждены были водою ѣхать въ Нерчинскъ съ знатымъ конвоемъ сухопутныхъ войскъ.

Графъ Головинъ по возможномъ учрежденіи и установленіи добраго порядка въ тѣхъ странахъ Селенгинска, къ Нерчинскому пути свой продолжалъ, гдѣ находились Китайскіе министры, между которыми хотя и всѣ были особы знатныя, однакожъ первенство имѣлъ Самготу, знатнѣйшая того государства особа и ханскій дядя, при которыхъ было довольно число войска и артиллеріи. И съ тѣми министрами въ имѣвшихся разныхъ конференціяхъ, по отнятіи всѣхъ препятствій и препонъ, мирный трактатъ заключили, въ которомъ назначены и учреждены были границы между сими двумя имперіями, а именно: съ устья рѣки Горбицы, слѣдуя по вершинамъ каменныхъ горъ близъ

рѣки Амура до самого моря, а по Шилкѣ рѣкѣ до вершинѣ рѣки Аргуни и въ верхѣ по той рѣкѣ до ея же устья.

Но между симъ временемъ, по коварному Китайцевъ подговору, съ 1500 юртъ Татаръ Россійскихъ подданныхъ въ ихъ сторону перешло, и тѣ народы нынѣ называются Онхоты. И послѣ того возгордятся богдыхановы министры возумножили свои претензіи, требуя за границу мѣсто, называемое Святой Носъ, которое по берегу западнаго моря лежитъ, и тѣмъ они могли бы присовокупить къ области своего государя не токмо Ламское море, но и наибольшую часть Камчатки. И тому воспослѣдовали черезъ 17 дней великіе споры, съ непрестанными угрозами нарушенія мира и употребленія оружія, но чрезъ посредство патровъ іезуитовъ, которые съ Китайскими министрами изъ Пекина были отправлены, а именно: патра Томаза Перейры, съ товарищи, Августа въ 27-е тогожъ года заключенъ оный трактатъ, какъ о томъ обстоятельное извѣстіе въ государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи имѣется; въ первомъ же пунктѣ того трактата изображено, что земли и рѣки, лежащія между каменными горами къ Амуру, начиная отъ вершинѣ тѣхъ горъ до моря, между рѣкою Удаю, не разграничены да пребудутъ, пока для разграниченія впредь комиссары туда отправлены не будутъ.

Хотя въ семъ трактатѣ о вольности коммерціи и поставлено было, однакожъ непостоянные Китайцы противно тому трактату поступали, понеже временемъ запрещали пріѣздъ Россійскаго каравана въ Пекинъ, временемъ переносили въ Ургу и Наунъ, а временемъ, подъ разными претекстами, запрещая оный и въ тѣхъ мѣстахъ черезъ пять или шесть мѣсяцовъ, обвиняли Россіянъ въ томъ, что они комиссаровъ своихъ, по

силъ Нерчинскаго трактата, для разграниченія земель, между рѣкою Удою и помянутыми каменными горами лежащихъ, не отправили. Притомъ требовали возвращенія подданныхъ ихъ бѣглецовъ, въ области Россійской находящихся, и раздѣленія земель и границъ между Всероссійскою имперіею и Мунгальскою землею, сказывая, якобы отъ Россіянъ безпрестанно насильственнымъ образомъ отымались земли отъ Мунгаловъ подданныхъ Китайскихъ, и что надлежитъ Россіянамъ на тѣ мѣста и рубежи возвратиться, при которыхъ во время заключенія Нерчинскаго трактата находились.

Тогда съ Фед. Алексѣев., какъ выше упомянуто Нерчинскій миръ съ принужденіемъ заключенъ, токмо въ пользу Китайскую въ томъ трактатѣ постановлено помянутую крѣпость Албазинъ раззорить, все земли, къ оной крѣпости принадлежащія имъ уступить, но чтобъ позволено было жителямъ все имѣнія свои въ Россійское государство перевезть, и что рѣки и земли, лежащія между каменными горами (которое мѣсто за границу признано было) и рѣкою Удою, которая впадаетъ въ море Лама, да пребудутъ до времени не разграничены. Они сіе постановили съ такимъ намереніемъ, чтобъ имъ способнѣе было при потребномъ случаѣ возбудить и разсѣять всякія несогласія, какъ выше упомянуто, и потомъ съ обѣихъ сторонъ, Августа въ 20-й день, подписанъ и размѣненъ оный трактатъ.

По заключеніи того Нерчинскаго трактата и по возвращеніи посла графа Головина въ Иркутскъ, Буштуханъ отправилъ къ нему нѣкотораго своего придворнаго, именемъ Даржана, съ объявленіемъ, что онъ по внушенію и наставленію Россійскаго Двора въ прошедшемъ году объявилъ было войну всемъ Мунгальскимъ владѣльцамъ, а наипачь Кутухтѣ, началь-

нику идолопоклонства ихъ, и Очирти хану, сильному владѣльцу въ иной странѣ Мунгальской степи, которыхъ онъ побѣдилъ и разбилъ. Чего для требовалъ, чтобъ Россіяне, будучи въ несогласіи съ тѣми Мунгалами сильное нападеніе на нихъ чинить не преста-вали, понеже они великое утѣсненіе отъ него претер-пѣваютъ. На сіе ему отвѣтствовано, что Россійскій Дворъ для вспомошествованія ему въ томъ его жела-ніи потребныя мѣры воспріиметь, но между тѣмъ, чтобъ онъ ко всеконечному ихъ раззоренію крайнее свое стараніе приложилъ. По отправленіи того отъ Буштухана присланнаго, посолъ графъ Головинъ от-правилъ Иркутскаго казака Григорья Кибирева вы-вѣдать, въ какомъ состояніи и сколь сильны суть вой-ска Буштухановы и какая надежда въ Россійскую пользу отъ нихъ быть можетъ?

Между симъ временемъ Буштуханъ съ своими вой-сками вшелъ внутрь Мунгальскихъ земель, даже до рѣки Курулюна, и дальнія обиды и раззоренія имъ чинить могъ, ежели бы оспа между его войсками не явилась (отъ сей болѣзни, за неискующемъ леченія, якобы отъ моровой язвы тѣ народы пропадаютъ), отъ которой наибольшая часть умерла, а прочіе оставшіе-ся отъ самого Китайскаго императора, который на по-мощь Мунгаламъ со множественнымъ войскомъ при-шелъ, разбиты и разсыпаны по берегамъ рѣки Толы, откуда Буштуханъ ретируясь съ малымъ числомъ сво-ихъ войскъ, которые къ бунту были возбуждены отъ племянника его Араптаи Вана, послѣдняго контайши, убитъ.

Сей по такомъ измѣнническомъ дяди своего убій-ствѣ насильственными (*наследственными?*) владѣніями его обладалъ, и въ непрестанной войнѣ съ Мунгалами былъ, которые увидя себя въ несостояніи, не токмо

противъ такого сильнаго владѣтеля воевать, но ниже оборонительно поступать, принуждены были Китайской странѣ въ подданство себя предать, въ которомъ и по нынѣ находятся.

Китайцы, по претерпѣннѣ многихъ чувствительныхъ отъ него имъ показанныхъ обидъ и раззореній, всячески старались его къ миру склонить, но онъ всегда злобствуя и нападая на тѣхъ и на сихъ, никакихъ ихъ предложеній не принималъ. Понеже хотя вся сила Контайшина состоитъ въ 30,000 военныхъ людей, или мало болѣе, однакожь можетъ всегда противиться 100,000 Мунгаловъ и Китайцовъ, которые имѣя полевую, хотя и малую артиллерію, и лучший порядокъ, или регулярство въ воинскомъ дѣлѣ, никогда не дерзаютъ на него нападать. За трудностію перевозки изъ Китая провіанта чрезъ непостижимыя, сухія Мунгальскія степи неизреченное изживеніе и великія денежныя суммы отъ Китайцовъ въ сей войнѣ издержаны, которая и до нынѣ продолжается.

Въ прошломъ 1634 году, Алтынъ ханъ, Мунгальскій владѣлецъ, который съ ордами своими въ странахъ и околичныхъ земляхъ Красноярскихъ кочевалъ, съ братьями и дѣтьми, и со всеми его владѣнія людьми, во время царствованія блаженныя и вѣчно до стойныя памяти царя Михаила Ѳеодоровича Россійскому имперію въ подданство себя отдалъ, о чемъ въ 1636 году трактатъ заключенъ, подтвержденъ и подписанъ отъ него самого, отъ отца и учителя его Лаба Даинъ Мергенъ Лонзы, и отъ двоюроднаго брата его Дуралъ Табуна.

По смерти помянутаго Алтынъ хана и по вступленіи въ наслѣдство сына его Лозунъ хана, для возобновленія того трактата, отъ отца его о подданствѣ заключеннаго, отправлены были отъ него посланцы

Ачиска Бакша и Тума съ товарищи къ Россійскому Двору, и сіе воспослѣдовало въ 1665 году, во время государстванія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти царя Алексѣя Михайловича.

Во время сей конгайшиной войны, нѣкоторые изъ наслѣдниковъ сего Лозунъ хана угрозами, а иные обманомъ и великими обещаніями, приведены въ подданство Китайскаго имперіа, и можетъ быть, что Россійскіе, въ Сибирскихъ странахъ пребывающіе комменданты, или о семъ извѣстія никакого не имѣли, или препятствовать и тому противиться не могли. И нынѣ единъ изъ той фамиліи находится именемъ Бубе Бели въ подданствѣ Китайскаго государства, и имѣетъ владѣніе свое близъ рубежа Красноярскаго уѣзда и озера Косогола. Сей имѣетъ подъ своимъ владѣніемъ съ 5000 Мунгаловъ Магометанскаго закона, именуемыхъ Урянхи, отъ рѣки Ури, по берегамъ которой они кочуютъ. И хотя войска его немногочисленны суть, какъ упомянуто, однакожъ храбростію превосходятъ всѣхъ прочихъ Мунгаловъ.

Владѣлецъ Бубе Бели жестокій есть непріятель Россіянамъ и весьма не покоряется Китайцамъ, ибо всегда въ готовности для сопротивленія имъ пребываетъ и безъ всякаго опасенія явно объявляетъ, что ежели отъ Китайцовъ малая обида ему показана будетъ, безъ дальняго отлагательства въ протекцію Россійскаго государства онъ себя предастъ, съ которымъ въ сосѣдствѣ владѣніями находится и искони съ Россійскими союзство и подданство имѣли.

Китайцы, хотя великое подозрѣніе и опасеніе отъ него имѣютъ, однакожъ притомъ и почитаютъ, и паче другихъ подарками его снабждаютъ, употребляя его въ нужнѣйшихъ воинскихъ случаяхъ противъ контайши. И подлинно, ежелибы сей владѣлецъ, будучи

въ сосѣдствѣ контайшинныхъ границъ, не былъ столь сильный, то прочіе Мунгалы, хотя и многочисленныя, ему контайшъ противится не въ состояніи были бы.

Трактатъ Алтынъ хана и сына его Лозанъ хана и преданіе въ подданство Россійской коронѣ семи тайшей Табунутовъ и прочихъ подданныхъ, притомъ и измѣна ихъ, все то изображено въ статейномъ спискѣ моего посольства, понеже о томъ я въ бытность мою въ Пекинъ великія претензіи имѣлъ съ министрами тамошняго Двора.

Въ три года по заключеніи Нерчинскаго трактата (1692 г.) отправленъ былъ отъ Россійскаго Двора въ Пекинъ посланникомъ Елеазаръ Избрантъ, для постановленія коммерціи по силѣ того трактата, но Китайцы не токмо въ разсужденіе взять его предложенія, но и кредитивъ его принять не восхотѣли, чего для принужденъ былъ, кромѣ показанной ему приватной пріемности, ни съ чѣмъ возвратиться.

Китайскій Дворъ, который токмо ради гордости ни къ которому государю пословъ своихъ не отправляетъ, отправилъ въ 1712 году посольство къ Аюкъ хану Калмыцкому, Россійскому подданному, между которыми главный былъ Исани Адагада Тулешинъ (сей былъ третій опредѣленный министръ для заключенія трактата и разграниченія границъ со мною, въ прошлыхъ 1726, 1727 и 1728 годахъ) и Джунда Яту, съ 4-мя товарищами, знатными особами; свита же ихъ вся состояла въ 34-хъ персонахъ всякаго званія, между которыми было четверо Калмыковъ, подданныхъ помянутаго Аюки хана.

Помянутые послы пріѣхали въ Селенгинскъ, откуда въ 1713 году путь свой продолжали черезъ Сибирь до Казани и до Ахтубы рѣки близъ Царицына,

гдѣ тогда обрѣтался оный Аюка ханъ, которому подали отправленный къ нему съ ними богдыхановъ листъ, съ требованіемъ, чтобы онъ войну объявилъ контайшъ и вооруженною рукою на него шелъ, понеже онъ отъ показанія обидъ Мунгаламъ, подданнымъ Китайскимъ, отнюдь воздержаться не хотѣлъ. На такое ихъ требованіе никакой склонности и снисхожденія Аюка ханъ не показалъ, и отвѣтствовалъ, что онъ подданный Россійскаго государя, и безъ повелѣнія ни на кого воевать не можетъ, развѣ кто войною на него наступать будетъ, то принужденъ отпоръ чинить.

Чего для Китайскіе министры, которымъ приданы были въ провожатыхъ полковникъ Дунаевъ и толмачъ Іаковъ Загузинъ, въ 1715 году паки назадъ возвратились, черезъ Саратовъ, Казань и Сибирь до Селенгинска и оттуда въ Пекинъ, при которомъ посланъ былъ съ Россійской стороны архимандритъ Иларіонъ, для отправленія тамо святой службы, ради находящихся въ Пекинъ Греческаго закона всякихъ чиновъ людей, гдѣ онъ, по не весьма долгомъ времени и умре.

Вышепомянутый Тулешинъ, по-возвращеніи своемъ въ Пекинъ, не токмо своему государю обстоятельное извѣстіе подаль о слабомъ тогдашнемъ состояніи Сибири, о слабости городовъ и крѣпостей ея и о малолюдныхъ гарнизонахъ оныхъ, но и книгу въ печать выдалъ, въ которой именно изъяснены всѣ мѣста и крѣпости Сибирскія, не безъ урона чести Россійскаго имперіа.

Хотя между сими двумя имперіями мирнаго нарушенія не было, ниже коммерція запрещена, и потому надлежало оной распространиться, однакожь отъ непостоянныхъ поведеній Китайскихъ въ слабое состояніе приведена была, паче же что обстоятельный и

способный порядокъ къ произведенію оной въ лучшее состояніе еще не установленъ былъ.

Блаженные и вѣчно достойныя памяти Е. И. В., Петру I-му, который разными военными случаями, а наипаче Шведскою войною будучи обязанъ, время не допустило оружіемъ взять на Китайцовъ сатисфакцію въ показанномъ отъ нихъ нарушеніи трактатовъ. И для того вознамѣрился къ себѣ привлечь Китайскій гордый Дворъ учрежденіемъ отчасти чести прежняго титуловъ Китайскаго императора и отправленіемъ своей императорской грамоты безъ внесенія и включенія своего полнаго титула, за подписаніемъ собственной своей руки и приложеніемъ государственной печати (съ которой копія въ архивѣ государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ находится), съ чрезвычайнымъ посланникомъ и лейбъ-гвардіи капитаномъ г-мъ Измайловымъ, при которомъ былъ секретаремъ посольства Иванъ Глазуновъ.

По прибытіи поманутаго посланника въ Пекинъ, и по отнятіи учивенныхъ ему въ дѣлѣ церемоніяла многихъ препятствіяхъ, не токмо честно принять, но позволено ему грамоту Е. И. В. Всероссійскаго самому хану вручить, чего прежде у нихъ не бывало. Потомъ поднесъ онъ г-ню Измайловъ отправленные съ нимъ подарки, состоящіе въ драгоценной мягкой рухляди и прочее. Взаимно даны ему честные подарки и показаны полезныя пріемности, однакожь никакой сатисфакціи получить отъ нихъ, ниже о коммерціи, о которой повелѣно было ему всякое стараніе свое приложить, потребное учрежденіе основать могъ, понеже Китайцы посторонними и разными претекстами отговаривались, а именно: 1) чтобы границы, которыя не разграничены были во время посольства графа Головина и Сомготы, были разграничены; 2) чтобы раз-

граничены были такожъ и другія границы, между Россійскою имперіею и Мунгалскими Китайскими подданными, требуя, чтобы границею назначено было море Байкаль (прежнее отечество Кутухты, начальника Мунгалской вѣры), даже до рѣки Ангары, представляя, что многіе Россійскіе города на ихъ земляхъ построены; 3) чтобъ возвращены были имѣли многіе бѣглые подданные Китайскаго имперіа Мунгалы, которые послѣ установленія Нерчинскаго мира въ Россійскую область ретировались, или перешли. И о семъ они съ помянутымъ Измайловымъ не весьма учтиво указомъ писали, и хотя онъ г-нъ Измайловъ во всѣхъ ему данныхъ комиссіяхъ поступалъ, какъ надлежитъ вѣрному подданному и министру благоразумному, однакожъ отъ того варварскаго и гордаго народа токмо исходатайствовалъ, что позволено было въ Китайское государство пустить караванъ, который, съ комиссаромъ Истоппниковымъ, чрезъ долгое время на границѣ стоялъ.

По возвращеніи г-на Измайлова (въ 1722 г.) къ Россійскому Двору, который по полученіи извѣстія его негоціаціи хотя и не весьма доволенъ быть могъ, однакожъ для случившейся новой войны противъ Персін, притомъ и смерти Китайскаго императора Камхи (на престолъ котораго восшелъ 4-й сынъ его Юнгъ Тшангъ, нынѣ владѣющій императоръ), принужденъ былъ все то до времени оставить, въ надеждѣ, что доброе согласіе между сими двумя имперіями возобновлено и постановлено быть могло, ибо сей новый императоръ, восшедъ на тотъ престолъ, къ которому, какъ слухъ носится, нареченъ былъ 14-й сынъ, по силѣ и требованію доброй политики, опасаясь чтобъ внутри имперіи отъ природныхъ своихъ братьевъ какое бы смутеніе возбуждено не было, сосѣдственную Россію

раздражить не дерзнулъ, или не хотѣлъ. — Возвратимся на умершаго императора Камхи.

Онѣй императоръ Камхи, отъ разныхъ женъ своихъ имѣлъ 70 сыновей, кромѣ дочерей; нѣкоторыя изъ нихъ дочери выданы за владѣльцовъ, а прочія такъ остались. Изъ сыновей же 22 въ живыхъ остались и ханской крови наследственными принцами признаются, изъ которыхъ, по старому Китайскому обыкновению, по волѣ отеческой, testamentомъ одинъ на престолъ возводимъ бываетъ, а прочіе живутъ всегда въ чести и довольствѣ. И сіи особливаго имени себѣ не имѣютъ, но токмо называются: 1-й принцъ, 2-й принцъ, 3-й, 4-й, и проч.

Первый наследный принцъ онѣго императора Камхи всегда подъ карауломъ содержанъ былъ отъ отца и отъ владѣющаго брата своего, и надѣются что уже и умре. Второй такожъ въ заточеніи держанъ былъ; третій хотя и живъ, однакожъ малое отъ него опасеніе имѣется, понеже не совершеннаго разума. Четвертый, нынѣ владѣющій, называется Юнгъ Тшингъ. Пятый и седьмой живы; восьмой лишень живота отъ нынѣ владѣющаго брата своего. Нѣкоторые говорятъ, якобы 9-й, 10-й и 12-й не въ живыхъ, а иные якобы въ заточеніи находятся. Тринадцатый въ славѣ, милости и верховнымъ министромъ при братѣ. Четырнадцатый, который отъ отца наследникомъ престола Китайскаго нареченъ былъ, смерти преданъ. Пятнадцатый и 16-й въ жестокомъ заключеніи пребываютъ, а нѣкоторые гласятъ, что уже и смерти преданы; 17-й отчасти при милости; 20-й, 21-й и 22-й, будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ, мало объ нихъ въ народѣ слухъ носится, и живы ль или не живы не вѣдаютъ.

Нынѣ владѣющій императоръ имѣетъ два сына, которые именемъ втораго и третьяго нарицаются, но

сей послѣдній въ немилости отца своего пребываетъ, и никто вѣдать не можетъ, ежели такая немилость къ его собственнымъ непотребнымъ порокамъ, или къ злости родителя его приписана и причтена быть имѣетъ. Онъ же императоръ имѣетъ еще третьяго сына, именемъ шестаго, который для воспитанія врученъ матери. И хотя отецъ, ради показуемаго ума и добраго нрава, любить его, однакожь въ народѣ объ немъ недовольное извѣстіе имѣется. И въ такомъ состояніи нынѣ Китайская императорская фамилія находится, что никому неизвѣстно, ежели кромѣ помянутыхъ болѣе у него сыновей или дочерей имѣется.

Китайцы же при нынѣшнемъ владѣтелѣ толь иначе показуя себя непостоянными, въ Пекинѣ не хотѣли пустить второй караванъ Россійскій, отправленный комиссаромъ Третьяковымъ, и временемъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ запрещали коммерцію въ Ургѣ. Чего для Россійское министерство писало въ Селенгинскъ агенту Лоренцу Дангу, чтобъ онъ письмомъ своимъ Китайскому Двору представилъ, что впредь всякія препятствія дружескимъ образомъ отняты и къ доброму согласію приведены будутъ. Токмо между тѣмъ отъ Китайцовъ повелѣно было помянутому каравану путь свой до Пекина продолжать. Чего для посланъ былъ тогда указъ къ бывшему Сибирскому губернатору, князю Алексію Михайловичу Черкасскому, чтобъ онъ къ границамъ отправилъ кого нибудь человека разумнаго изъ дворянъ, для розыска и отданія ихъ перебѣжчиковъ, къ чему наряженъ и посланъ Тобольскій дворянинъ Степанъ Фефиловъ, которыхъ бѣглецовъ нашлось токмо 84 человека, хотя отъ Китайцовъ многое число востребовано было. И тѣ бѣглецы по указу Всероссійскаго императора Петра I-го поручены отъ помянутаго агента Данга, въ Селен-

гинскъ, двумъ Китайскимъ министрамъ, Олондаю и Алегамбъ Тегуту, которые прежде принятія помянутыхъ бѣглецовъ притворились писать къ Россійскому Сенату съ представленіемъ всякаго добраго желанія къ продолженію дружбы и коммерціи, токмо бы разграничены были границы. Взяли они тако жъ съ собою въ Пекинъ паспортъ, данный каравану, съ обѣщаніемъ, что какъ скоро ко Двору своему прибудутъ, то безъ всякаго отлагательства присланъ будетъ указъ, которымъ повелѣно будетъ пустить тотъ караванъ въ Пекинъ.

По прибытіи оныхъ министровъ въ Пекинъ, Олондай, ради злоумышленныхъ своихъ поступковъ, или ради иной причины, казненъ смертію, а Тегутъ о караванѣ и слова молвить не дерзнулъ, и потому никакой о караванѣ изъ Пекина отвѣтъ не присланъ, ниже о взятомъ отъ помянутыхъ двухъ министровъ въ Пекинъ Всероссійскомъ императорскомъ паспортѣ ничего не упомянуто. Чего ради, въ прошломъ 1725 году, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, по отправленіи погребенія вѣчнодостойной славы Е. И. В. Петра I-го, государя супруга своего, и по отложеніи глубокаго траура, намѣреніе воспріяла, для возобновленія мира и взаимной дружбы, учрежденія и установленія коммерціи, отправить новое посольство въ Китай, наипаче же для разграниченія земель, понеже отъ сего происходило между сими двумя имперіями немалое несогласіе. И по сему воспріятому намѣренію определено отправить меня ко Двору Китайскому чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ, съ свитою 120 персонъ. И при отправленіи моемъ посланъ со мною знатный подарокъ, состоящій въ драгоценной мягкой рухляди и въ прочихъ

Европейскихъ дорогихъ вещахъ, и прибылъ я въ Пекинъ Октября въ 21-й день, 1726 года.

По разведеніи многихъ споровъ и препятствій, въ имѣвшихся черезъ три года, какъ въ Пекинъ, такъ и на границъ, 58-ми конференціяхъ, обо всемъ соглашено, и трактатами, первымъ пограничнымъ, 1727 г. Августа 20-го, при рѣкѣ Буръ, а вторымъ генеральнымъ, 1728 года, Іюня 14-го числа, при Кяхтѣ размѣнено, состоящимъ въ 11-ти пунктахъ, зело Россійскому имперію полезныхъ, между которыми пункты суть главнѣйшіе:

Подтвержденіе вѣчнаго мира и преданіе забвенію всехъ прошлыхъ несогласій. Разграниченіе между Россійскимъ имперіемъ и Мунгальскою землею, Китайскими подданными, земель, близъ на 4,000 верстъ. Установленіе доброй дружбы и коммерціи на двухъ мѣстахъ пограничныхъ повсядневно, а въ Пекинъ каравану черезъ каждые три года торговать, продавать и покупать безпошлинно. Дворъ посольскій и торговый и церковь православнаго Греческаго исповѣданія, для Россійскаго пристанища, ханскимъ издивеніемъ построена, при которой христіанскую вѣру исповѣдывать не возбранено, и для службы Божіей четыре священника Россійской націи и 6-ть школьниковъ на ханскомъ жалованьи держать постановлено. Пословъ, посланниковъ и курьеровъ равномерно принимать и провожать. Сенату съ Сенатомъ о дѣлахъ государственныхъ списываться. Все прочее равномерно расположено: перебычки оставлены въ томъ государствѣ, гдѣ пребывали; граница очищена, разведена и знаки по ней и караулы учреждены, что отъ обоихъ счастливыхъ владѣтелей за благо принято и апробовано, и все оное изображено подробно въ трактатъ, который въ архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ обрѣтается.

ГЛАВА II.

О силѣ Китайскаго имперіи главныхъ городовъ, жителей и погодныхъ приходовъ въ казну.

Въ Китайской имперіи замыкаются 15 провинцій, столь великія, что имѣя всякая толь многое число городовъ и людей, легко королевствами назваться могутъ, ибо кромѣ 155 столичныхъ городовъ, которые суть въ первомъ рангѣ, и въ которыхъ бываетъ резиденція, считаются еще 1312 великихъ и знатныхъ 2-го и 3-го ранга городовъ. И сіи многочисленностью и прочимъ ко удовольствованію ихъ суть тако украшены, что въ иной области главными и столичными почтены быть могутъ, не упоминая меньшихъ городовъ и селъ, стѣнами окруженныхъ, которыхъ ежели всѣ нумеровать, съ 3000 сказываютъ. Токмо большая половина запущена и раззорена, хотя видъ строенія и знакъ городища еще обрѣтается.

Вышеизображенныя провинціи суть: Пекинъ, къ сѣвернымъ странамъ лежащая, которая именемъ столицы, гдѣ Дворъ Китайскій резидуетъ, именуется; Ксанси, Ксенси, Ксантиунгъ, Хонанъ, Суквентъ, Хуквангъ, Кямси, Нанкинъ или Кямнанъ, прежде бывшая императорская резиденція въ полуденныхъ провинціяхъ, Зекянъ, Фокенъ, Квантунгъ, Квамси, Юнанъ, Квенкею. Къ симъ причитается полуостровъ Корея, подданное королевство Китайскому императору или имперію. И хотя подлиннаго извѣстія о числѣ городовъ сего королевства не имѣется, однакожь подлинно вѣдаемъ, что изобильно въ ономъ находятся золотыя и серебряныя руды, поля къ сѣянію пшена сорочинскаго, пшеницы, хлопчатой бумаги, шелку, и все то, что къ содержанію человѣческому потребно быть можетъ.

Всѣ ихъ города построены фигурую треугольною или четырехугольною. Стѣны городовъ изъ жженого, или изъ сушеного иа солнцѣ кирпича построены, съ башнями четырехугольными по древнему обыкновенію. И ни одинъ изъ тѣхъ городовъ можетъ формальную, восьмиденную, по нынѣшнему Европейскому обыкновенію учиненную осаду вытерпѣть. И хотя въ оныхъ многочисленный гарнизонъ имѣется, наипаче же въ тѣхъ, которые называются воинскія крѣпости, которыхъ великое число считается, кромѣ вышеупомянутыхъ городовъ, однакожъ Китайское воинство за весьма слабое почтено и уничтожено быть имѣетъ.

Въ главномъ городѣ всякой провинціи резидуетъ одинъ вице-король, которые по соизволенію Китайскаго богдыхана перемѣняемы бываютъ. Однакожъ слухъ носится, якобы въ три года, чрезъ которые ordinarily перемѣна имъ бываетъ, одинъ вице-король, безъ отягощенія государственной казны, можетъ съ полумилліона ефимковъ въ пользу себѣ получить, хотя и опредѣленнаго жалованья не имѣетъ. Но потомъ, когда они съ такимъ богатствомъ ко Двору возвращаются, то часто случается, что или отъ ненависти министровъ, или отъ скупости и лакомства владѣющаго, отнятіемъ того богатства въ убогое состояніе приведены бываютъ.

Хотя о доходахъ Китайскаго богдыхана и о числѣ душъ многіе историки не согласно писали, однакожъ никто не писалъ, чтобъ меньше 200 милліоновъ душъ было, включая императорскую фамилію и всѣхъ бонзовъ, то есть, подламъ ихъ служителей. И сіе вѣроятно быть можетъ, ибо всѣ города и деревни и прочія поселенныя ихъ мѣста наполнены суть людьми. И говорятъ, какъ о семъ многіе писали, что третья часть Китайцовъ, наипаче тѣхъ, которые живутъ въ

провинціяхъ къ полуденной сторонѣ лежащихъ, жилище свое на судахъ по рѣкамъ имѣютъ, такъ, что въ тѣхъ теплыхъ странахъ путешествуя и приближаясь къ городу въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки, или отъ озера построенному, является, яко второй великій городъ, отъ тѣхъ судовъ сочиненный, между которыми временемъ 5-ть или 6 часовъ плыть можно. Имѣютъ они на сихъ судахъ жилище свое, аки бы были поселены на сухопутномъ мѣстѣ, и такихъ судовъ по нѣкоторымъ рѣкамъ бываетъ до 50,000. Однимъ словомъ, всѣ рѣки въ тѣхъ странахъ, яко поселенныя кажутся.

Такимъ же образомъ описатели того государства несогласно пишутъ о доходахъ Китайскаго богдыхана. Однакожъ по генеральному мнѣнію годовые его доходы состоятъ въ 200 милліонахъ унціяхъ серебра, или ефимковъ. И сіе тако жъ вѣроятно быть можетъ, ибо всѣ его подданные, не токмо подушныя или, поземельныя деньги (хотя тѣ земли паханы или не паханы суть) платить принуждены, но всякаго званія мануфактуръ безчисленное множество имѣется и должны пошлинъ по 5 процентовъ за оныя платить. И какъ слухъ носится, въ городъ Нанкинъ отъ одной бумаги и китайки, кромѣ другихъ доходовъ, пошлинъ по милліону золота собирается.

Здѣсь кратко описуется главное состояніе того пространнаго имперія, и сіе по извѣстіямъ, каковы получены отъ персонъ всякой вѣры достойныхъ и потому что самимъ засвидѣтельствовать было можно. Однакожъ ежели любопытные совершенное и обстоятельное о всемъ извѣстіе имѣть похотятъ, могутъ прочесть тѣхъ авторовъ, которые о семъ государствѣ, хотя и съ похлѣбствомъ, довольно писали.

ГЛАВА III.

Описаніе стольнаго Китайскаго города, называемаго Пекина.

Пекинъ, или *Пекингъ* (неизвѣстно, ежели по имени сего города вся та провинція тако именуется, или именемъ провинціи сей городъ тако нареченъ), прежде сего *Ксунтіеномъ* назывался. Состоитъ оный въ 40° вышины, безъ 5', да во 144° долготы. Лежитъ оный среди степи между горами, и раздѣленъ на двѣ части, первая полъ именемъ Татарскаго, вторая полъ именемъ Китайскаго городовъ.

Называемый *Татарскій городъ* построенъ фигуною четырехугольною, на трехъ Итальянскихъ миляхъ со всякой страны, всего 12 миль, и имѣетъ 9 воротъ. Въ семъ городѣ живутъ нынѣ владыющіе въ Китаѣ Манжурскіе Татары, войска ихъ и ближніе придворные служители богдыхановы, которые отъ него ко всемъ военнымъ и гражданскимъ дѣламъ употреблены бывають.

Въ называемомъ *Китайскомъ городѣ*, который построенъ былъ по завоеваніи Китайскаго имперіи отъ Манжуровъ, премногіе люди всякаго званія живутъ. Сей городъ величиною противъ прежде помянутаго Татарскаго города быть можетъ, ибо 4 Гишпанскихъ миль, то есть, съ 19 Россійскихъ верстъ кругъ того города считаются. Фигурою же не такою, понеже съ двухъ сторонъ, съ полуденной и съверной, длиною неравенъ съ восточною и западною стороною. Съ съверной стороны одною токмо стѣною отъ того Татарскаго города раздѣляется. Въ семъ городѣ имѣются 7 воротъ, и по сему во всемъ Пекинѣ, съ вышеизображенными стараго города 9-ю воротами, всего 16-ть воротъ, а при каждахъ воротахъ по большой

дорогъ поселены великія слободы. И тако кругъ стѣнъ сихъ двухъ Пекинскихъ городовъ 7 миль Гишпанскихъ, или 21 миля Итальянскихъ, или съ 34 Россійскихъ верстъ считаютъ. Слобода къ западной странѣ лежащая паче другихъ населена, ибо все то, что сухимъ путемъ привозится, чрезъ ту слободу въ городъ входитъ.

Главныя или большія улицы отъ сѣверной къ полуденной, а отъ восточной къ западной странѣ учреждены, и оныя суть равномерно прямы, длинны и широкія; меньшія жъ, отъ В. къ З. лежащія, раздѣляютъ въ равныя острова всѣ тѣ мѣста, которыя между ними и большими улицами остаются. Оныя же имѣютъ собственныя свои имена, яко бы: улица Сродниковъ ханскихъ, Бѣлой башни, Льва, Желѣза, Вялой рыбы, Водки, и проч. Но самая лучшая улица называется *Шіанъ ганъ кай*, то есть улица Вѣчнаго покоя, и сія улица поселена со стороны востока до запада, а до сѣвера отъ стѣнъ императорскаго дворца, съ полуденной же стороны отъ разныхъ коллегій и палатъ знатныхъ персонъ оканчивается, она же 130 пядей ширины имѣетъ.

Дворы поземные суть, и хотя знатныя персоны великія палаты имѣютъ, однакожъ они внутри двора построены, такъ, что съ лица, кромѣ большихъ воротъ и по сторонамъ построенныхъ малыхъ домовъ, въ которыхъ живутъ домашніе ихъ служители, купцы, художники или лавочники, нѣго видѣть невозможно. Находятся такіе, что тремя или четырьмя степенями выше построены, и разными порожими дворовыми мѣстами и сѣнями раздѣлены, и по сторонамъ оныхъ разное, прямою линіею произведенное строеніе имѣется. Въ первыхъ строеніяхъ живутъ самоподлые служители, во вторыхъ ближайшіе, въ другихъ сами господа, а въ прочихъ жены ихъ.

Дворы ихъ такъ изрядно покрыты, что пригожествомъ разныхъ фигуръ и добротою черепицы превосходятъ всѣхъ прочихъ, токмо подволоки такъ не тверды, что будучи тростями сплетены и бумагою, ordinarily бѣлою, или разноцвѣтною, обклеены, не безъ опасности жителямъ быть можетъ, потому что ежели когда погода возстаетъ, они вѣтромъ, какъ парусы наполняются, отъ чего черепица или известь можетъ пасть (яко же часто случается) и тѣмъ не безъ малой вреды жителямъ въ оныхъ бываетъ.

Во всякой ихъ свѣтлицѣ имѣетъ одна изъ четырехъ стѣнъ быть деревянная рѣшетка, которая сверху до низу бѣлою бумагою обклеена, понеже не имѣя окошекъ, ниже окончинъ, чрезъ которыя свѣтъ получить могутъ, того употреблять принуждены суть. Тако жъ во всякой ихъ свѣтлицѣ имѣется при стѣнѣ (по Турецкому обыкновенію) кирпичная, съ известью, или съ глиною построенная, одна яко бы лавка, или полоть, подъ которымъ ради зимняго времени поддѣланы печи, и на сихъ настлавъ рогожу или войлокъ, сидятъ и спать.

ГЛАВА IV.

Описаніе дома богдыхана Китайскаго.

Императорскій дворецъ построенъ среди большаго Татарскаго города къ полуденной сторонѣ, и квадратными, двойными, каменными стѣнами обведенъ. Въшняя или первая стѣна изъ кирпичей построена, 16-ти пядей вышины, длиннику же съ полуденной и полунощной сторонъ двухъ Итальянскихъ миль, ширина же съ вост. и зап. сторонъ одной токмо мили, такъ, что кругъ всей той стѣны считаются 6-ть Итальянскихъ миль или 9 верстъ Россійскихъ.

Сія стѣна со всякой стороны къ срединѣ имѣетъ одинъ ворота, и каждыя сіи ворота по сторонамъ имѣютъ по двѣ калитки, и потому со всякой страны той стѣны имѣются по трои ворота, изъ которыхъ среднія большія ворота всегда заперты, токмо ради императора отпираются, а прочія двѣ калитки съ утра до вечера всегда растворены для входящихъ и выходящихъ изъ дворца; токмо ворота и двѣ калитки, имѣвшіяся къ полуденной странѣ, всегда полузапорены бывають. По каждымъ воротамъ для караула учреждено по 40 Татаръ Манжуровъ, съ начальниками ихъ, ибо токмо для карауловъ дворцовыхъ и городскихъ воротъ опредѣлено 3,000 военныхъ людей. Сія первая стѣна называется *Ксунанъ-цинъ*, то есть, Императорская стѣна.

Внутренняя или вторая стѣна, которою обведенъ дворецъ, вышиною и толщиною превосходитъ первую, хотя и сія стѣна толстымъ кирпичемъ построена и зубцами украшена. Она съ сѣверной и полуденной странъ $1\frac{1}{2}$ Итальянскихъ миль длины имѣетъ и четверть мили ширины, и по сему токмо $3\frac{1}{2}$ кругу имѣетъ, то есть, съ небольшимъ $5\frac{1}{2}$ верстъ, и около сей стѣны имѣются такъ же четверы ворота, съ великими сводами и аркадами. Къ полуденной и сѣверной странамъ по три таковыя жъ, какъ въ первой стѣнѣ изображено. Прочія жъ двой ворота, которыя къ В. и З., обыкновенныя суть.

Надъ сими воротами и надъ четырьмя углами той стѣны имѣются 8 башней чрезвычайной величины, однакожъ непорядочной архитектуры, и такія башни покрыты черепицею, желтою краскою покрашенною.

У каждыхъ воротъ разставлены для караула по 40 Татаръ съ двумя офицерами, и токмо однимъ мандаринамъ, канцелярскимъ и дворцовымъ служителямъ

въ оныя входить позволяется; прочимъ же не знатымъ персонамъ, которые не показавъ маленькой, косяной или деревянной дощечки, на которой изображено имя и мѣсто, гдѣ служить имѣють, входить запрещено.

Кругомъ сей второй стѣны широкій и глубокий ровъ выкопанъ и каменными плитами обложенъ, и въ ономъ не токмо множество воды, но и хорошей рыбы имѣется, а для перехода людямъ такожь изрядный мостъ построенъ.

Между сими двумя стѣнами, на пространномъ порожке мѣсть, многія не великія палаты, фигурыю круглыя и четырехугольныя, и иныя для всякой нужды жилища обрѣтаются. На семъ же мѣсть, съ вост. стороны, подлѣ первой стѣны течетъ рѣка, на которой хотя суть многіе мраморные мосты, однакожь тѣ, которые въ самомъ дворцѣ находятся, пригожествомъ зѣло сихъ превосходятъ.

Къ западной сторонѣ, гдѣ помянутое порожее мѣсто пространное есть, имѣется озеро, рыбою изобильное, длинна около версты, и на самомъ узкомъ мѣсть того озера построенъ каменный мостъ, который украшенъ по обѣимъ сторонамъ арками или кругами триумфальными; на прочемъ же мѣсть, съ восточной и западной странъ, пространныя и широкія улицы суть, гдѣ многіе служители и дворцовые художники живутъ.

О апартаментахъ же хановыхъ, которые сею второю каменною стѣною, называемою *Чау*, обведены, нѣкоторые сказываютъ, якобы 12, а иныя, что токмо 9 суть апартаментовъ, но мы только 7 видѣли, по неже въ 7-мъ апартаментѣ дана была намъ аудіенція. И сѣи хотя въ одной линіи слѣдуютъ, однакожь разными площадками раздѣлены. Во всякомъ апартаментѣ имѣется великая зала, старинной архитектуры,

на деревянныхъ столбахъ лаковой работы. На тѣ залы, понеже выше пола построены, надлежитъ взойти по мраморнымъ ступенямъ, чисто удѣланнымъ и съ лица и съ боковъ. И взошедъ перво на то мѣсто, которое выше пола построено и балясами обведено, оттуда потомъ надлежитъ въ залу входить.

Убранство тѣхъ залъ не богатое есть, токмо потолоки одни лаковаго дѣла. Однакожь одна изъ четырехъ стѣнъ, отъ которой свѣтъ получаютъ, а именно въ которой двери приделаны и которая къ полуденной сторонѣ стоитъ, вся въ деревянныхъ рѣшеткахъ лаковой работы, къ которымъ приклеена бѣлая бумага, вмѣсто стекла или хрусталя. И сія стѣна вмѣсто окошекъ употребляется для полученія свѣта, какъ выше упомянуто въ описаніи партикулярныхъ домовъ. Полъ той залы едва не всегда фарфоровый или, по послѣдней мѣрѣ, самаго изряднаго мрамора. И въ срединѣ той залы, противъ среднихъ дверей, поставленъ близъ стѣны амвонъ, который за престолъ почитается. Сей амвонъ деревянный есть и краснымъ лакомъ украшенъ, на которомъ вырѣзаны крылатые змѣи (гербы тѣхъ императоровъ) и иные цвѣтные узоры суть тако же съ лица и по сторонамъ или бокамъ. Въ самой срединѣ по одной лѣстницѣ, которая разделены столбиками, на которыхъ курятся благовонные духи. Никакого балдахина въ томъ аудіенцъ-каморѣ не имѣется, токмо поставлено въ срединѣ (амвона) кресло, лаковой же работы, на которомъ настланъ тюфякъ, собольимъ мѣхомъ покрытый, который не толще 3-хъ перстовъ, широкъ и длиненъ $1\frac{1}{2}$ аршина, на которомъ, поджавъ ноги (по Турскому обыкновению) сидитъ богдыханъ. Сіе кресло прислонено къ стѣнѣ, которая тако же рѣзбою и лаковою работою украшена.

На полу сидятъ, поджавъ ноги, принцы богдыхановой фамилиі, всѣ министры и прочіе знатные персоны, всякой на своемъ маленькомъ тюфякѣ, сирѣчь подушкѣ, которую имѣетъ всякъ на себѣ принести, когда богдыханъ присутствуетъ; въ залѣ жь отдаютъ служителямъ своимъ несть.

Хотя дворецъ императорскій есть чрезвычайной величины, однакожь мы никакого богатства въ ономъ не усмотрѣли, только имѣется поперекъ пятого двора весьма изрядный каналъ, который по обоимъ берегамъ обкладенъ мраморомъ и мраморными балясами обведенъ, на серединѣ котораго построены суть пять мостовъ. Такожъ при залѣ того жь двора поставлены два великіе льва мѣдныхъ литыхъ. А при 7-й залѣ имѣются четыре великія мѣдныя чаши, наполненныя водою, въ которыхъ входитъ около 120 ведръ, а съ обѣихъ сторонъ тѣхъ воротъ, которыя разделяютъ первый дворъ со вторымъ, поставлены два столба бѣлаго мрамора, на которыхъ вырѣзаны многія крылатыя змѣи. И болѣе сихъ выше изображенныхъ вещей иное къ удивленію достойное въ томъ дворцѣ не видѣли.

Стѣны по сторонамъ тѣхъ дворовъ зѣло убого убраны, понеже потолки ихъ бумажные, а къ стѣннымъ рѣшеткамъ, для получения свѣта, бумага приклеена.

Сады и огороды при дворѣ ханскомъ превеликіе суть, въ которыхъ больше старыхъ лѣсныхъ и прочихъ деревь, якобы въ пустынѣ, нежели цвѣтки и овощи по Европейскому обыкновенію обрѣтаются. Какими жь уборами украшены апартаменты императорскіе, въ которыхъ самъ ханъ живетъ, или жены его, того намъ вѣдать невозможно, ибо не токмо всѣмъ чужестраннымъ запрещено въ оныя входить, но и не

всѣмъ дворцовымъ служителямъ, кромѣ однихъ евнуховъ позволено, которыхъ отъ 12-ти до 7,000 всѣ Китайскіе ханы прежде сего содержали, а нынѣшній ханъ нѣкоторыхъ переказнилъ для грабежа, а нѣкоторыхъ выгналъ, дабы жалованья туне не давать; токмо 700 для гвардіи женской оставилъ, изъ которыхъ при себѣ только 12-ть держитъ и сіи суть подобны его внутреннимъ адъютантамъ.

Съ описанія вышепоказанныхъ строеній Пекинской столицы разсудить можно и о прочихъ городахъ сего пространнаго государства. И хотя городовая стѣна сей столицы зело высока и толста, изъ крупнаго кирпича построена, однакожь просто, и такимъ образомъ, какъ и стѣны прочихъ городовъ, о которыхъ ниже сего, въ 5-й главѣ, изображено.

Еслибы непріятельская армія вознамѣрилась Пекинскую столицу взять (отъ которой зависитъ завоеваніе всего государства) довольно бы было оную такимъ образомъ осадить, или обложить, чтобъ чрезъ мѣсяцъ никакой провизіи изъ околичныхъ мѣстъ получить она не могла. И тако бы она принуждена была сдаться съ голода, каковъ причиненъ быть можетъ отъ многочисленныхъ ея жителей, которыхъ 6-ть миллионовъ внутри стѣны причитаютъ, и оныя питаются дневною покупкою провизіи, ибо провіантъ, какъ въ ту столицу, такъ и во всю провинцію, изъ всего имперіи привозится каналомъ, который въ 20-ти миляхъ отъ того города разстояніемъ имѣется. И по сему, ежели отъ непріятелей запрещенъ и не допущенъ будетъ въ Пекинъ привозъ провіантовъ, которые тѣмъ каналомъ привозятся, тогда отъ крайней скудости и нужды въ оныхъ принужденъ будетъ сдаться, понеже съ голоду такой множественный народъ можетъ

бунтъ сочинить и воинство внутреннее осилить и не-
пріятелю городъ сдать.

ГЛАВА V.

О состояніи крѣпости въ Китайскихъ городахъ.

Во всемъ Китайскомъ государствѣ ни одного порядочно построеннаго города не имѣется, но едва не вся фигураю четырехугольные, треугольные, или въ квадратъ двоедлинномъ состоятъ. Стѣны ихъ съ лица кирпичныя, а въ срединѣ пещаною землею насыпаны, и потому къ стерпѣнію пушечныхъ ядеръ мало годны. Сверхъ того и мѣстоположеніе ихъ не зѣло крѣпкое, ибо Китайцы для строенія городовъ избираютъ такіа мѣста, около которыхъ могли бѣ быть пространныя поля и рѣки, не выбирая натуральныхъ крѣпостныхъ мѣстъ подѣ строеніе городовъ, и не окружая ихъ рвами и каналами, развѣ гдѣ натуральное озеро по случаю приключится.

Въ тѣхъ городахъ имѣютъ надѣ городскими воротами нѣкоторыя четырехугольныя башни, съ четырехугольными окошками, которые задѣланы досками, и на нихъ расписаны пушечныя горла, однакожъ подлиннаго извѣстія получить не могли, ежели на тѣхъ башняхъ пушки имѣются или нѣтъ, и хотя бѣ на примѣръ и были, нимало онѣ къ продолженію облежанія и ко взятію города препятствовать не могутъ, понеже регулярное войско легко можетъ на тѣхъ стѣнахъ проломъ сдѣлать, на которой ни пушекъ, ни раскатовъ не имѣется. И хотя Китайцы не малое число пушекъ имѣютъ, которыя болѣе къ басамъ, нежели къ пушкамъ причтены быть могутъ, однакожъ сіе болѣе ради степныхъ Татаръ, которые, не имѣя пушекъ, ниже вѣдая способа употребленія ихъ, въ бо-

язни и въ опасности всегда пребываютъ, нежели ради Европейскихъ войскъ, которымъ употребленіе артиллеріи весьма извѣстно.

Наибольшая часть ихъ пушекъ малаго калибра, трехъ-фунтовыхъ, такъ малы, что одинъ верблюдъ двѣ пушки носить, а хотя нѣкоторые малое число и полевыхъ пушекъ имѣютъ, или ломовыхъ, и тѣ безъ потребнаго размѣра литы и большая часть безъ станковъ. И кромѣ того малое число пушкарей годныхъ и искусныхъ къ употребленію артиллеріи въ Китайскомъ государствѣ изобрѣтается.

Бывшій императоръ Камхи угрозами принудилъ Цесарца падра Киліана Стунфа іезунта многое число пушекъ лить, который хотя многое число видомъ хорошихъ пушекъ, а къ употребленію негодныхъ сдѣлалъ, понеже съ умысла недосуша формы оныя лилъ, отъ чего многія щербинны въ оныхъ явились и болѣе двухъ или трехъ выстрѣловъ снести не могутъ.

Городъ *Квантунгъ*, или Кантонъ, яко при морѣ лежащій городъ, лучше всѣхъ прочихъ Китайскаго государства городовъ фортификованъ для прихода Европейскихъ кораблей. Не пространенъ входъ того порта и называется *Барсовый ротъ*, ибо фигуною рта сдѣланъ. Имѣетъ по сторонамъ по одной крѣпости треугольнаго древняго строенія. Въ каждой изъ тѣхъ крѣпостей имѣютъ по 25 пушекъ 18-ти фунтовыхъ, а въ близости города суть еще двѣ крѣпости, вышесказаннымъ подобныя.

Въ Пекинской столицѣ по городovýmъ стѣнамъ никакихъ пушекъ мы не видали, но можетъ быть, что они держатся въ башняхъ, построенныхъ надъ воротами. Однакожъ нѣкоторые изъ нашей свиты видѣли нѣсколько пушекъ старыхъ, ломовыхъ, въ нѣкоторой башнѣ той столицы лежащихъ.

ГЛАВА VI.

О сухопутной Китайскаго имперіи армии.

Китайское имперіумъ содержитъ болѣе мильона войскъ такихъ, которые получаютъ императорское жалованье, и хотя генерально солдатами называются, однакожь: 1-е, четверть изъ того числа къ гражданской службѣ опредѣлена бываетъ, а именно, въ коллегіяхъ и въ канцеляріяхъ статскими чинами, а иные подчиненными служителями, по слободамъ и по приходамъ старостами, и прочее. Изъ того жъ числа выключается, 2-е, четверть для разсылки въ гарнизоны и караулы улицъ по всѣмъ городамъ и большимъ дорогамъ всего имперіи, понеже по тамошнему учрежденію черезъ 5-ть лій, то есть, около трехъ верстъ Россійскихъ, разставлены для караула по всѣмъ дорогамъ отъ 4-хъ до 6-ти человекъ, саблями и сайдаками вооруженныхъ, для безопасности путешествующимъ, безъ чего за крайнею скудостію подлаго народа великій былъ бы по дорогамъ страхъ. И въ городахъ по большимъ улицамъ толикое множество людей толпится, что для свободнаго проѣзда прохожихъ зело потребно такихъ караульщиковъ употребить, какъ выше упомянуто, безъ чего легко могли бы (какъ многократно случалось) воспослѣдовать замѣшательства и междоусобная война. Изъ того жъ числа 3-я четверть едва не вся къ морской службѣ и къ императорскому дворцовому услуженію въ навигаціи употреблена бываетъ. И по сему разсудить можно, что изъ помянутаго великаго числа солдатъ одна токмо четвертая часть къ воинскому сухопутному употребленію остается всегда готова.

Напольные и старые полки, которые учреждены для внутренняго охраненія всего имперіи, которые

разставлены по гарнизонамъ, и которые во время войны во всякихъ отправленіяхъ бываютъ, на 8-мъ знаменъ раздѣлены, подъ командою 8-ми фельдмаршаловъ, а во всякомъ знамени считается по 100,000 солдатъ. Первое знамя цвѣтомъ *бѣлое*, и тѣмъ команду имѣетъ самъ Китайскій императоръ; второе *красное*; третье *черное*, четвертое *желтое*, которыми командуютъ или самые ближніе императорской фамиліи, или знатнѣйшіе изъ его фаворитовъ. Прочія жъ четыре знамени разными вышеписанными цвѣтами украшены суть и тѣми командуютъ знатнѣйшіе особы. Вся ихъ войска состоятъ изъ Никановъ, или природными Китайцами, Манжурскими и Мунгалскими Татарами, а въ Пекинской столицѣ набраны подъ всякое знамя 80 ротъ Манжуровъ, 48 ротъ Мунгаловъ и 48 ротъ Никановъ, или природныхъ Китайцевъ.

Во всѣхъ частяхъ, или восьми разныхъ цвѣтовъ знаменахъ, считается 1408 ротъ, а во всякой ротѣ на лицо по 72 человека, и того будетъ 101,376 человекъ, въ которыхъ состоитъ гарнизонъ Пекинскій.

Помянутые солдаты, кромѣ Никановъ, раздѣляются во всякой ротѣ на три части. Въ первой части суть 26 человекъ и называются *Лаери*, то есть, лейбъ-гвардія, вооружены огненнымъ оружіемъ и сайдаками; получаютъ денежнаго жалованья по 4 лана серебра на мѣсяцъ, да по 22 мѣшка пшена сорочинскаго на годъ на человека. Во второй части тако жъ суть 26 человекъ конницы, хотя ordinarily огненнымъ оружіемъ, однакожъ временемъ и сайдаками вооружены бываютъ; жалованье имъ дается по 3 лана серебра на мѣсяцъ, да по 10-ти мѣшковъ сарачинскаго пшена на человека. Въ послѣдней части токмо 20 человекъ пѣхоты имѣется, огненнымъ оружіемъ и саблями вооружены. И сіи, понеже рассылаются по всѣмъ го-

родовымъ улицамъ для караула, должны вѣсти сабли свои напередъ концомъ носить. Получаютъ по $1\frac{1}{2}$ лана серебра на мѣсяцъ и по 10-ти мѣшковъ сарачинскаго пшена на годъ.

Въ Никанскихъ ротахъ половина конницы, другая пѣхоты. Всякая рота имѣетъ своего сотника, который называется *Нюртъ зангинъ* и получаетъ по 150 лановъ и по 50 мѣшковъ сарачинскаго пшена на годъ. Надъ всякими 17-го ротами нѣкій офицеръ, чиномъ и званіемъ *Ціоланъ зангинъ*, команду имѣетъ. И такимъ чиномъ офицеровъ во всякой 3-й части Манжурскихъ войскъ по 5 человекъ, а Мунгалскихъ и Никанскихъ токмо по 3 человека имѣется.

Кромѣ сихъ вышереченныхъ надъ ротами всякой третьей части имѣется начальникъ, званіемъ *Меринъ зангинъ*; надъ симъ другой высшій начальникъ, званіемъ *Кусаджинъ*, а надъ онымъ еще иной, который по благоизволенію того государя учрежденъ бываетъ, а надъ всякою четвертою частью начальствующими опредѣляются графы, по тамошнему званію *гуны*, и сии у нихъ въ такомъ почтеніи, какъ въ Европейскихъ странахъ полные генералы. А вышеизображенные рангованные, выключая сотниковъ, имѣютъ гражданскіе и придворные чины, и по достоинству и старшинству чинами повышены бываютъ.

Если когда какая нибудь воинская экспедиція случается, тогда дается всякому солдату по 5-ти лошадей ханскихъ подъ багажъ и для всякой его нужды, притомъ и для корма, ежели ему крайняя какая нужда въ провѣантѣ случится, ибо они, какъ и прочіе Татары, не токмо лошадиное, но и собачье мясо ѣдятъ. И когда тѣ солдаты въ воинскихъ экспедиціяхъ противъ непріятеля въ отлученіи бываютъ, а фамиліи ихъ въ Пекинъ, или въ иномъ какомъ городѣ обрѣ-

таются, то изъ государственной казны дается имъ такое же число денежнаго и хлѣбнаго жалованья, какое дается мужьямъ ихъ солдатамъ, при арміи обрѣтающимся.

Ежели кто изъ солдатъ убитъ на войнѣ, или живучи дома умереть, вдовствующая жена его и дѣти половину денежнаго и хлѣбнаго жалованья получаютъ, вдова по замужество, а дѣти пока въ состояніе придутъ и на мѣсто отца своего въ полковой службѣ употреблены быть могутъ.

Понеже генеральское и штабъ-офицерское жалованье зѣло малое есть, того для они похищеніемъ государственной казны себя содержать принуждены, и ежели они въ экспедиціяхъ своихъ приказанныя имъ дѣла къ счастливому окончанію привести могутъ, никакой въ томъ розыскъ не воспослѣдуетъ. Ежели же какое нибудь несчастіе въ тѣхъ экспедиціяхъ имъ учинится, тогда не токмо виновные казнены бывають смертію, или тѣлесно наказаны съ конфискованіемъ всего имѣнія ихъ, но такожь и невинные, понеже и къ симъ причитается случившееся несчастіе тѣхъ.

Сему приличное учинили Китайцы надъ четырьмя своими верховными министрами, которые по указу ханскому со мною на границѣ трактовали и пограничный трактатъ заключили, хотя и указъ о томъ имѣли, однакожь за причину обнесены, что они караванъ Россійскій прежде окончанія границы безъ указа въ Пекинъ пропустили, и что границы съ притѣсненіемъ Мунгалскихъ подданныхъ развели. И за то перваго изъ нихъ министра, ханскаго дядю Лонготу, смертію казнили; втораго, вице-президента военной коллегіи Асханему Тулешина, и третьяго, стольника Хубиту, въ вѣчную ссылку сослали; четвертому, Цы-

рентъ вану, главному надъ Мунгальскимъ войскомъ генералу, на три года жалованье удержали. И сіе по достовѣрному извѣстію имъ случилось, изъ чего можно всякому разсудить непостоянство такихъ варваровъ и злое награжденіе.

Къ наивышшему удивленію быть имѣетъ, что по окончаніи кампаніи, въ которой имѣлись баталіи, и когда воинство назадъ возвращается, едва не всегда оставляютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ баталія была, какъ свою артиллерію и оружіе, такъ и прочіе всѣ воинскіе припасы на жертву того мѣста. И ежели потомъ новую какую экспедицію воспринять, то принуждены новую артиллерію и воинскіе всякіе новые припасы вновь приготовить. Никаны, по возвращеніи своемъ изъ арміи и прибытіи въ дома свои, могутъ продать или подарить, кому похотятъ, данное имъ для употребленія ханское оружіе, что Манжурамъ и Мунгалемъ не позволяется.

Обыкновенно есть, по представленіи императора ихъ и восшествіи на престолъ наследника, большую часть артиллеріи своей вновь, съ изображеніемъ имени новаго императора, перелить, который потомъ всякую къ оной потребную аммуницію передѣлывать повелѣваетъ.

Сначала, когда Манжуры къ обладанію Китайскаго государства намѣреніе воспріяли, тогда были они зело храбры, такъ, что одинъ изъ нихъ десяти Никанамъ противиться могъ. Но по не весьма долгомъ потомъ времени, предавъ себя лѣности и роскошамъ и оставя прежнее воинское ученіе и труды, въ такое слабое состояніе отъ того приведены, что нынѣ отъ тѣхъ Никановъ неотмѣнны суть. Наипаче нынѣшній Китайскій императоръ, будучи возбужденъ отъ неизреченной мерзкой своей жадности и лихоимства къ воз-

умноженію безчисленной своей казны, грабежемъ отнимаетъ имѣніе, какъ у вельможъ и министровъ, такъ и у другихъ подданныхъ своихъ, у которыхъ богатства какого нибудь надѣяться можетъ, и опасаясь междоусобныя войны, или замѣшательства, каково отъ братьевъ его возбуждено быть можетъ, ниже надѣясь на старыхъ солдатъ, которые, наживъ себѣ богатство во время владѣнія императоровъ дѣда и отца его, нынѣ къ охраненію того своего имѣнія паче, нежели къ полученію чести въ воинскихъ дѣйствахъ всякое свое стараніе прилагаютъ, чего ради отрѣшилъ ихъ всѣхъ отъ службы и отъ жалованья, и учредилъ быть солдатами своей арміи молодыхъ людей, едва не всѣхъ малолѣтнихъ.

Принуждены сіи безпрестанно обучатися употребленію мушкетъ, пушки и сайдака, и сіе ради двухъ причинъ: 1) чтобъ они воинскому дѣлу обучиться могли; 2) чтобъ народъ смотря около Пекинской столицы многое число вооруженныхъ его факціи солдатъ, и противная его партія опасаясь, воздержаться имѣли отъ возбужденія замѣшательствъ и бунта. И невѣроятно, сколь многое число пороху ежедневно въ такихъ экзерциціяхъ исходитъ, что кажется якобы формальныя баталіи даются. Но къ наивышшему смѣху причтено быть имѣть, что когда въ Пекинѣ Китайскіе министры для конференціи ко мнѣ быть имѣли, тогда паче другихъ дней и весьма рано изъ артиллеріи и изъ ружья палили, и тою пальбою, можетъ быть, страшать думали, какъ меня, такъ и свиту мою. По прибытіи же ихъ для конференціи и по отправленіи комплиментовъ, первый ихъ вопросъ мнѣ учиненъ былъ: какова намъ, Россіянамъ, экзерциція Китайскаго войска кажется? На что я съ похвалою имъ отвѣтствовалъ, обманывая ихъ, что ежели бы они могли та-

кимъ образомъ служить на войнѣ, какъ себя къ экзерциціямъ прилежными являютъ, то могли бы они Европейцамъ равны быть. Отъ чего возгордятся оныя министры повторили, что запрещено-де было отъ ихъ богдыхана солдатамъ часто изъ пушекъ палить, чтобы тою пальбою, какъ меня, такъ и свиту мою не утратить. Но сіе имъ отвѣтствовано, что Россіяне къ пушечному употребленію искусны и къ пальбѣ такъ привыкли, что отъ пушечнаго грома наипаче отважны и бодрѣ бывають. Потомъ, по требованію моему, обѣщали, по окончаніи государственныхъ дѣлъ, формальными своими воинскими экзерциціями меня забавить. Но по прошествіи нѣсколькихъ дней мнѣ объявили, что войска ихъ отъ такого ученія уволены и распущены. Можетъ то быть, что сіе съ умысломъ и учинено, не хотя ихъ показатъ. Но нѣкоторые изъ моей свиты сказываютъ, что хотя у Китайцовъ фитильное оружіе, однакожъ въ экзерциціяхъ искусство болѣе Турковъ имѣють. Фузеи ихъ длиннѣе нашихъ солдатскихъ, но калибромъ меньше. И хотя говорятъ что лучше Китайскаго пороха нигдѣ не находится, однакожъ мы его среднимъ причитать можемъ.

Во время войны Китайцы марши свои съ такимъ удовольствіемъ потребныхъ вещей къ содержанію своему и съ такимъ добрымъ порядкомъ воспринимають, что удивленія достойно. Наипаче въ первой схваткѣ (хотя они природою зѣло боязливы) по крайней своей возможности стараются крѣпко и бодро стоять, ибо ежели въ той первой схваткѣ счастье имъ послужитъ непріятеля своего прогнать, тогда они отчасти пободръеваются и въ надеждѣ полученія побѣды войну продолжаютъ. Ежели же случится, что они при такомъ первомъ случаѣ побѣждены будутъ, тогда безъ всякаго удержанія и остановленія такъ разбѣгутся, что

собрать ихъ невозможно будетъ, и побѣдитель можетъ едва и безъ всякаго препятствія прогрессы свои продолжать, понеже хотя бы и новая, иная Китайская армія, сильнѣе прежней, противъ того побѣдителя направлена быть могла, однакожь и сія отъ страха предшешей побѣды и урона за побѣжденную причтена быть имѣетъ, ибо и кромѣ того она не такъ скоро отважится въ баталію вступить, но потщится оборонительно поступать. Во всѣхъ націяхъ первая побѣда начатой войны не малый уронъ побѣжденному во всемъ причинить можетъ, и хотя солдаты временемъ отъ такого несчастливаго случая обробѣваютъ и торопѣютъ, однакожь случается, что потомъ не токмо въ прежнее доброе состояніе приходятъ, и съ нанящимъ разсмотрѣніемъ и добрымъ порядкомъ въ баталію вступятъ, но и отъ побѣжденных побѣдители бѣгаютъ. Сей примѣръ въ Китайцахъ участіе имѣть не можетъ, понеже ежели они однажды токмо побѣждены будутъ, безъ всякаго сомнѣнія никогда справится и въ состояніе къ полученію хотя малой побѣды себя привести не могутъ. И къ тому много содѣйствуетъ неосновательное мнѣніе, каково въ подломъ народѣ генерально имѣется, что благополучному или злему, бывшему случаю такое жъ воспослѣдованіе быть имѣетъ.

Ежели оружіе нынѣ владѣющаго Китайскаго императора какой нибудь уронъ на войнѣ получить, великое отъ того несчастіе, замѣшательство и бунтъ въ томъ государствѣ безъ сомнѣнія воспослѣдуютъ, ибо Никаны, желая прежнюю свою вольность получить и свободиться отъ жестокаго ига Манжуровъ, которые надъ ними, яко надъ своими рабами поступаютъ и имѣнія своего ихъ лишаютъ, безъ сомнѣнія, къ возбужденію бунта и къ воспріятію оружія не послѣдніе будутъ, а Манжуры желая освободиться отъ такого тирана,

который ради малаго подозрѣнія лишаетъ ихъ имѣнія и живота, тожь чинить будутъ, понеже извѣстно есть, что нынѣшняго богдыхана никто не любитъ, но генерально всѣ его боятся, а ближніе крови его, по причинѣ столь многаго кровопролитія и несмыханныхъ, насильственныхъ, жестокихъ поступковъ, въ ихъ королевской фамиліи отъ него показанныхъ, весьма его ненавидятъ. И потому при случаѣ такихъ междоусобныхъ внутреннихъ несогласій, посторонняя, какая ни была бы партія, оружіемъ своимъ легко подъ свою державу толь пространное и изобильное государство привести можетъ, наипаче, что сами Никаны лучше бы желали предать себя чужестраннымъ, которые не токмо ради славы добрыхъ ихъ поступковъ, въ почтеніи отъ нихъ содержатся, но ради показаннаго ихъ снисхожденія къ ихъ братьямъ, которые христіанскую вѣру воспріяли, нежели бы имъ болѣе пребыть подъ владѣніемъ мало отъ нихъ почитаемыхъ тѣхъ Татаръ, которые предъ симъ временемъ вассалами и подданными ихъ бывали.

Выше сего описывали мы силы сухопутныя Китайскаго государства, при семъ же описуемъ, какъ слышать могли, отъ людей, которые противъ Китайцевъ воевали, также и которые отъ Китайской арміи противъ непріятеля были. Войскъ Китайскихъ во всякой экспедиціи бываетъ болѣе двухъ долей пѣхоты. Конница имѣетъ ружья; большимъ числомъ лукъ и стрѣлы, а нѣкоторая часть съ ружьемъ фитильнымъ. Пѣхота имѣетъ первая шеренга мушкеты, другая луки со стрѣлами и щиты, третья алебарды и бердыши. Конница маршуетъ по крыламъ, попереди и назади, а въ среди пѣхота и артиллерія. Артиллеріи имѣютъ множество, токмо пушки небольшія. Мортиръ и бомбъ, или не знаютъ, или владѣть ими не умѣютъ, ибо ни

въ которой экспедиціи прежде, ни нынѣ, бомбами никакого прогресса не чинили. Войска ихъ имѣютъ въ убранствѣ, офицеры всѣ въ мундиръ шелковомъ, а солдаты въ китайчатомъ, одного цвѣта, темнолазореваго. Знаменъ и маленькихъ флажковъ имѣютъ такъ много, что удивленія достойно, и въ двое противъ Турковъ. Матеріалы и снасти для окопа лагерей, и прочіе всѣ воинскіе припасы и аммуниціи имѣютъ же множество во всякой готовности, которые возятъ болѣе на верблюдахъ и вьючныхъ лошадяхъ, нежели на тѣлѣгахъ. Лагерь скоро устанавливаютъ, и земляные окопы и деревянныя башни поспѣшно, съ такою механикою дѣлаютъ, что Европейцовъ превосходятъ, хотя совершенной фортификаціи не знаютъ. Гдѣ лагерь установить, тогда скоро себя землею окопываютъ для отпора непріятельскаго приступа. Ежели непріятель предъ ними будетъ безсильный и лагеремъ станетъ на горѣ, или при рѣкѣ, или при дефилеяхъ и прочихъ крѣпкихъ мѣстахъ, тогда трудятся окопать кругомъ его превеликій ровъ, и тутъ его обложить, дабы не могъ скоро ретирату учинить. Ежели же непріятель отъ нихъ сильнѣйшій, то сами себя лагеремъ покрываютъ, и всѣ предосторожности принимаютъ, какъ бы баталіи не дать и какъ бы къ оной безъ своей воли принуждены быть не могли. А когда ретирату чинять или наступаютъ, нѣтъ народа на свѣтъ такъ скорого. И хотя бы на одномъ мѣстѣ сто тысячъ Китайцовъ было, то въ два часа, съ превеликимъ молчаніемъ, могутъ со всею арміею декамповать.

Пикеты держатъ превеликіе, и чтобъ на нихъ нечаянно непріятелю напасть, тому случиться невозможно, понеже въ содержаніи пикетовъ, въ разбѣздѣ карауловъ, въ избраніи мѣста, не токмо Европейцамъ не уступаютъ, но и ихъ превосходятъ.

Когда достаютъ города, употребляютъ механику, дѣлая апроши, превеликія башни, которыя наполняютъ фашинами и землею, вышиною такою, чтобъ башни превосходили стѣны градскія, дабы со оныхъ изъ пушекъ и изъ ружья можно было по городскому гарнизону стрѣлять безъ прикрытія. Но ежели содержатель крѣпости человекъ храбрый, то доведется ему частыми вылазками таковыя машины жечь и раззорять. Еще же собираютъ многочисленныя фашины, которыми закрываются, и съ оными приходятъ подъ городовую стѣну, сдѣлавъ изъ фашинъ аки гору. Потомъ тѣ фашины зажигаютъ, дабы оными стѣну городовую, или иное строеніе, которое къ дефенціи присутствуетъ, сожечь.

Казацій голова Бейтонъ, по убитіи Албазинскаго комманданта Толбузина, въ осадѣ Албазина такіе ихъ замыслы храбростію пресѣкалъ: частыми вылазками не допускалъ ихъ большія машины въ совершеніе приводить; превеликія горы изъ собранныхъ фашинъ сожигалъ своимъ огнемъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ они готовили для привоза къ стѣнѣ, и оныя фашины поливалъ смолою, дабы скорѣе можно было ихъ сожечь. И такою храбростію, съ 1,200-ми человекъ, которые были у него въ осадѣ, до 60,000 Китайцовъ держалъ годъ, дождеже миръ сочинился и Албазинъ мирнымъ трактатомъ раззоренъ, хотя и въ последнее безсиліе были уже приведены. Сіе по извѣстію старыхъ казаковъ, которые подъ Албазинымъ въ осадѣ были, и отъ другихъ, съ которыми Китайцы противъ контайши воевали.

Войска Китайскія, а именно конница, которая подъ луками и стрѣлами, едва не всѣ на малыхъ лошадяхъ, но терпѣливыхъ, якобы наши Калмыцкія. Аммуниція, провьянтъ и прочее на верблюдахъ, на

ослахъ, на ишакахъ, а последнее на тѣлегахъ, и все, что къ воинскому промыслу принадлежитъ, по ихъ обыкновенію, имѣютъ въ совершенствѣ. Послушность хранятъ превеликую; воинскую стратагему никому не уступаютъ; токмо суть боязливы, тѣломъ безсильны, и какъ выше упомянуто, ежели первую баталію потеряютъ, то не умѣютъ болѣе придти въ дефенцію, ни собраніе, но бѣжать скорѣе, куда кто можетъ.

Великіе промыслы и замыслы чинятъ, чтобъ непріятельскіе табуны отогнать и непріятеля безъ лошадей и верблюдовъ оставить, въ чемъ себя вѣкторію причитаютъ. Такимъ образомъ своихъ лошадей и верблюдовъ съ превеликою опасностью при закрытіи половины числа арміи держать, дабы непріятель нечаянно, хотя чрезъ сильныя пикеты, не попалъ и лошадей ихъ не отпалъ.

И по моему мнѣнію, Китайцы на полѣ, кромѣ генеральной баталіи, имѣютъ первенство надъ всеми войсками нерегулярными, токмо несомнительно въ генеральной баталіи, хотя бы превеликое число было Китайцовъ, а нѣсколько полковъ Европейцовъ, доброю артиллеріею всегда Китайцы побѣждены быть могутъ. Также и города ихъ доставать съ небольшою трудностью можно, понеже не имѣютъ ни единого въ совершенномъ укрѣпленіи, ни доброй артиллеріи, токмо для соблюденія провѣянты, лошадей, скота и прочаго.

Въ дальнихъ маршахъ отъ Китайцовъ, за многочисленными войсками и частыми напусками, не безъ труда.

Они себя причитаютъ разумнѣйшими отъ Европейцевъ и большими обманщиками въ стратагемахъ воинскихъ, только исповѣдуютъ, что Европейцы суть бодры, сердиты и отчаянны, какъ звѣри, и что ихъ сердца огнемъ и стрѣлами утолить невозможно, но точію об-

маномъ въ ихъ маршахъ и прочемъ удержать и до баталіи не допустить.

Ея Императорскаго Величества подданныхъ пограничныхъ причитаютъ людьми пьяными, не учеными и не разумными, токмо превеликими солдатами и людьми отважными, и хотя бъ былъ одинъ полкъ Россійскій и десять ихъ, они подлинно баталіи не дадутъ, развѣ обманомъ, или что уйдти не могутъ, какъ случилось и въ моей бытности при границѣ, что войскъ при Китайскихъ министрахъ было 5,000, а за ними въ 100 верстахъ, для прикрытія комиссаровъ, еще 10,000, а у меня токмо двѣ роты Якутскаго полка солдатъ и одна рота драгуновъ, а достальные при крѣпостяхъ были оставлены, да 200 казаковъ и около 600 чловѣкъ ясачныхъ иноземцовъ, добро вооруженныхъ. И они, по истинѣ, больше боялись меня, нежели я ихъ, и такіе промыслы и обманы показывали, что удивленія достойно, и будто бы къ баталіи готовились, дабы меня испугать для выигрыша государственнаго интереса. Но я имѣлъ добрыхъ шпигуновъ, чрезъ которыхъ провѣдывалъ ихъ намѣреніе, и болѣе ихъ страшилъ Россійскихъ войскъ поступками, нежели отъ нихъ боялся, и тѣмъ государственный интересъ счастливо и благополучно окончилъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СЕКРЕТНАЯ ИНФОРМАЦІЯ

О СИЛѢ И СОСТОЯНІИ КИТАЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

(Окончаніе).

ГЛАВА VII.

О морскомъ Китайскаго имперіа военномъ флотѣ.

Морской Китайскій воинскій флотъ состоитъ около 3000 кораблей, называемыхъ *сэмпахъ*, изъ которыхъ иные величиною суть противъ Россійскихъ шнявовъ, токмо безъ килей и плоскодонные, ради плаванія по неглубокой водѣ. Тѣ корабли суть о двухъ мачтахъ и о двухъ великихъ парусахъ, изъ Индійскихъ камышей плетеныхъ; имѣютъ также два долгиѣ и толстыя весла, одно на носу, другое на кормѣ, которыми они свои корабли по желанію своему управляютъ, ибо руль развѣ мало служитъ. По вѣтру на парусахъ бѣжать скоры, а противъ вѣтра ни къ чему не угодны, ибо суть плосковаты; въ близости береговъ и каналовъ способны, понеже по неглубокимъ мѣстамъ, хотя бы на 5 пядей воды было, на нихъ плыть можно. На пространномъ и широкомъ морѣ не потребны имѣютъ, понеже Китайцы, имѣя въ употребленіи токмо одинъ компасъ, когда отъ береговъ отдаляются и ничего видѣть болѣе не могутъ, тогда въ великую

торопость впадаютъ, ибо у нихъ никакой карты объ навигаціи для употребленія при такомъ случаѣ не имѣется, ни они искусны суть высокимъ наукамъ мореплаванія и астрономіи.

Якори ихъ, изъ крѣпкаго дерева дѣланные, остры и свинцомъ налиты суть. И когда какая погода возстанетъ, тогда они броса якорь въ море, всѣ въ каютѣ запираются и оставляютъ корабль въ волю и попеченіе вѣтровъ и моря, и для того, ежели якорный канатъ порвется, или якорь держать не будетъ, случается временемъ, что съ 200 кораблей вдругъ на какой нибудь островъ, или на берегъ, вѣтромъ нанесетъ, гдѣ вовсе пропадаютъ.

Помянутые корабли такъ многочисленны трехъ ради причинъ содержать. Первая, для остереженія морскихъ береговъ отъ капаровъ и бунтовщиковъ, которые многократно возбуждались. Вторая для перевоза провіанта изъ провинціи въ провинцію въ скоромъ воинскомъ случаѣ. Третья, для прикрытія торговаго флота, который на Японскихъ островахъ между Китаемъ и Японією торгуетъ.

Тѣ ихъ корабли вооружены восьмью или десятью трехъ-фунтовыми пушками, на которыхъ по 50 или 60 человекъ экипажа, половина матрозовъ, а другая солдатъ, вооруженныхъ фитильнымъ оружіемъ, сайдаками и копьями.

Каждый корабль имѣетъ двѣ шлюпки, одну малую ради всякихъ нуждъ, другую же побольше, шести-весельную, примѣромъ брегантина; между всякими двумя веслами имѣютъ по мушкетону, или по басу, и кромѣ гребцовъ по 6-ти человекъ солдатъ и одинъ капралъ, который, сидя на руль, надъ всеми командо имѣетъ. Сказываютъ, что сіи брегантины на веслахъ зѣло скоры, и что хотя весла ихъ и длиннѣе

нашихъ, однакожь что и гребцы ихъ особое искусство въ гребль имѣеть. Такое о семъ извѣстіе сообщено намъ отъ патра Фердинанда Флорентинца, который на ихъ флотъ два мѣсяца былъ. Въ какомъ же состояніи и въ какой силѣ можетъ быть Китайскій флотъ изъ слѣдующаго разсудить можно:

Въ прошломъ 1720 году нѣкоторый Англійскій купеческій корабль, о 32 пушкахъ и 150-ти человѣкахъ экипажа, въ Кантонъ, морскую пристань, приплылъ, съ капиталомъ 200,000 ефимковъ, для покупки тамо шелковыхъ матерій и прочаго и отвоза такихъ вещей въ Индію Англійской колоніи. Сей Англичанинъ въ присутствіи губернатора контрактъ заключилъ съ знатнымъ тамошнимъ купцомъ Китайскимъ, который принявъ у Англичанина на 100,000 ефимковъ товара, обязался было такое же число денегъ Китайскими товарами ему взаимно возратить, но по недолгомъ времени тотъ Китайскій купецъ, раздѣля взятыя отъ Англичанина вещи по поламъ съ губернаторомъ и притворя себя банкротомъ, укрылся, чего для принужденъ былъ тотъ Англичанинъ на него суда просить, но по его требованію никакая справедливость ему не показана. Чего ради онъ Англичанинъ, умолча сіе, велѣлъ тотъ свой корабль нагрузить оставшими товарами и взять свои пушки и руль (обыкновенно у Китайцовъ держать пушки и руль въ крѣпости, пока чужестранные корабли въ ихъ портахъ находятся), и бывъ во всякой готовности дружескимъ образомъ съ губернаторомъ простился, и поднявъ паруса, пошелъ къ тѣмъ островамъ, которые лежатъ между Китайскою имперіею и Япономъ, гдѣ ради купчества тогда находились премногія Китайскія суда съ конвоемъ военныхъ кораблей ихъ. Онъ Англичанинъ напалъ на тѣ Китайскія купеческія суда, которые были на про-

странномъ и широкомъ морѣ съ конвоемъ 32-хъ военныхъ кораблей, взялъ изъ лучшихъ и богато-нагруженныхъ купеческихъ судовъ 2, въ которыхъ нашелъ въ золотъ и серебръ болѣе 300,000 ефимковъ, и тѣмъ досталъ онъ въ двое и болѣе того, что въ Кантонѣ обманомъ отнято было у него. По забраніи помянутого золота и серебра вручилъ онъ Китайскому купцу письмо, которымъ онъ могъ бы принудить губернатора къ платежу взятыхъ у него денегъ. Сей Китайскій купецъ, прибывъ въ Пекинъ, билъ челомъ о семъ богдыхану, который осведомясь о семъ, казнилъ смертью губернатора и похвалилъ поступокъ того Англичанина, а конфискованными губернаторскими имѣніями удовлетворялъ того раззореннаго купца. Такое извѣстіе сообщено намъ отъ патровъ іезуитовъ Пекинскихъ, и тамошніе всѣ о семъ случаѣ извѣстны.

Посему о морскихъ Китайскихъ силахъ легко разсудить можно, паче же (какъ сіе злыо явно) Китайцы, когда сильное гдѣ сопротивленіе видятъ, то они скоро обробѣваютъ, убѣгая есоры, какъ и вышепомянутое, учиненное имъ насильство забвенію предали, ибо Англійскіе купеческіе корабли и понынѣ въ область Китайскую, въ Кантонскую пристань, съ купечествомъ приходятъ, однакожь отъ нынѣ владѣющаго императора отъ части утѣснены и отягощены находятся, понеже къ прежнимъ пошлинамъ, которыхъ положено было по 10-ти процентовъ, еще по 6-ти прибавилъ, и того будетъ по 16 процентовъ, и включая къ симъ прочія протори и учиненныя имъ обиды, всего по 20 процентовъ пошлинъ платить принуждены, отъ чего при владѣніи нынѣшняго хана коммерція въ худое состояніе приведена.

Спрашивалъ я Китайскихъ министровъ: для чего купечество Европейское противъ прежняго большими

пошлинами отягчено, изъ чего ханскому величеству малое пополненіе казны быть можетъ, а Европейцамъ озлобленіе? Министры отвѣтствовали: ханское-де величество для того пошлину велѣлъ прибавить нарочно, чтобы торговые Европейцы не приходили и тѣмъ коммуникація пресѣкалась, понеже онъ ни до кого пужды не имѣеть, и съ Европейцы въ даль познаваться не желаетъ, и на что-де того лучше, чтобы всякій государь своими торгами въ своемъ государствѣ довольствовался, а въ чужое ни для чего не посылалъ, изъ чего-де кромѣ ссоры и несогласія иное послѣдовать не можетъ.

По сему видима есть несклонность Китая къ обхожденію съ окрестными государями, и что дѣлали и дѣлаютъ съ Дворомъ Россійскимъ о торгѣ и обхожденіи, все не отъ любви, но токмо отъ страха, бояся войны, какъ я могъ увидѣть изъ ихъ обхожденія.

Хотя Китайцы и имѣютъ нѣсколько тысячъ соммахъ, или кораблей воинскихъ, какъ выше я упомянулъ, токмо оный ихъ флотъ имѣеть силу и дѣйство при сущихъ берегахъ, гдѣ корабли линейные за малою водою пройти не могутъ. А ежели Китайцы своимъ флотомъ на большее море выйдутъ, гдѣ Европейскихъ, линейныхъ, добро-вооруженныхъ кораблей хотя бы нѣсколько десятковъ было, то могли бы они безъ труда многочисленный ихъ флотъ сожечь и раззорить, для причины не столько отъ боя пушечнаго, сколько отъ отниманія вѣтра, ибо Китайскій флотъ никогда не могъ бы съ совершенными кораблями вѣтра взять, понеже суть плоски и не имѣютъ киля, ни совершенной послушности рулю, и за тою причиною, или принужденъ былъ бы тотъ ихъ флотъ бѣжать по вѣтру, или остаться подъ вѣтромъ, что одно и другое не безъ опасности, и было бы всегда, кромѣ послѣдн ягоен-

счастія, въ волю флота Европейскаго дать баталію или не дать. Притомъ же Китайцы брандеровъ не имѣютъ, ниже такихъ инструментовъ, которыми могли бы издалека Европейскій флотъ зажечь. Ежели флотъ Европейскій, хотя на одномъ мѣстѣ надъ ихъ военскими кораблями промыслы сыскалъ бы, то брандерами не токмо ихъ флотъ, но и посланные многочисленныя суда ихъ по рѣкамъ и приморскимъ пристанямъ (которыхъ индѣ до 50,000 судовъ обрѣтается), могъ бы сожечь и въ конфузію привести. Имѣемъ на сіе свидѣтеля Голландскаго адмирала Балтазара, который съ 25-ю линейными кораблями болѣе 1,000 кораблей капара острова Формозы сожгъ и раззорилъ, чего Китайцы съ 2,000 своихъ кораблей безъ вспоможенія Голландцовъ учинить не могли. Токмо Европейцамъ превеликая трудность за малолѣтствомъ морскаго флота, которымъ высала могли бы Китайскіе берега завоевать, понеже у Китайцовъ на всякомъ мѣстѣ солдаты и жители суть безчисленны.

ГЛАВА VIII.

Описаніе силы подданныхъ Китайскому имперію Мунгаловъ и прочихъ кочующихъ по степямъ противъ восточныхъ странъ Сибири, при границѣ Россійскаго имперіа.

Первое, *Дауры*, которые подались къ рѣкѣ Амуру и Нерчинску, воевали въ началѣ войны между Манжурами и Китайцами для добычи Китая, и оныя своимъ войскомъ рекрутовали войско Манжурское и купно воевали съ Манжурами на Китайцовъ, живущихъ около города Науна; и они Дауры имѣютъ деревни и пашни въ землѣ своей, суть же наилучшіе и предпочтеннѣйшіе солдаты предъ Китайцами и другими Мунгалами. И сіи суть всѣ народы кочующіе около Китайской

имперіи, въ древнихъ же исторіяхъ называемы «за-
блудящіе Татары». И съ ихъ силою и вышними своими
правителями, или ханами, въ близости Нерчинска къ
озеру Далаю, около рѣки Курулюнь, и другихъ къ
тому принадлежащихъ мѣстъ, командируетъ единъ
правитель, называемый *Цыцынь-ханъ*, который по слу-
чаю нужды, соединя все свое войско, можетъ поставить
конницы, вооруженной луками и стрѣлами, 100,000,
между которыми небольшое число и съ винтовками
фитильными, что недавно пришло имъ въ обыкно-
веніе.

Второй правитель, называемый *Тушету-ханъ*, кочу-
ющій при границѣ около дистрикта Семенгинскаго, и
называется наследникомъ славнаго Тамберлана; по-
ставляетъ вооруженной конницы 30,000.

Третій правитель, называемый *Саинъ-ханъ*, соеди-
няетъ съ Качирпаномъ, отцомъ Кутухтинымъ, кочую-
щій при границѣ дистрикта Иркутскаго; поставляетъ
вооруженной конницы 25,000.

Четвертый правитель, называемый *Буде Гели*, ко-
чующій при границѣ Красноярскаго дистрикта, наслед-
никъ Алтынъ-хана и сына его Лозанъ-хана, которые
уже за 90 лѣтъ поддалися было добровольно Россій-
ской имперіи (о которыхъ пространно выше сего изъ-
яснено); поставляетъ вооруженной конницы 5,000. Сіи
суть наилучшія войска Мунгальскія, и называются
Урянхи, понеже кочуютъ у рѣки Уры, и суть маго-
метанскаго закона, прочіе же всѣ идолопоклонцы.

Пятый правитель, называемый *Цыренъ-санъ*, ко-
чующій при границѣ дистрикта Кузнецкаго, который
есть главный генералъ Мунгальскихъ войскъ, и былъ
первымъ министромъ при размежеваніи границъ пре-
шедшаго 1727 года со мною, тако же и во всѣхъ
конференціяхъ, будучи на границѣ, присутствовалъ,

онъ же и умершаго хана зять; поставляетъ противъ Контайши вооруженной конницы 5,000.

Вышеписанные Мунгалы и Дауры, во время двухъ мѣсяцовъ, соединя всѣ свои силы, могутъ поставить легко въ собраніи на поле 100,000 человекъ конницы, но не могутъ болѣе трехъ мѣсяцовъ въ полѣ простоять, за неимѣніемъ у простыхъ солдатъ жалованья, ниже провіанта, ибо всѣ питаются тѣмъ, что изъ дома своего привезутъ съ собою, а питаніе ихъ бараны, быки, лошади и звѣриныя ловли, а хлѣба не съютъ, ниже употребляютъ, но токмо при банкетахъ сорочинское пшено. Хотя же офицеры оныхъ отъ Китайцовъ и жалованье получаютъ, однакожь читатель не долженъ удивляться соединенію въ такой скорости толикаго числа войскъ, ибо сіе происходитъ отъ того, что всѣ Мунгалы по 12 лѣтахъ своего возраста садятся на коней и стрѣляютъ изъ луковъ, и стрѣльбою, какъ изъ лука, такъ и изъ фузей убиваютъ звѣрей дикихъ, которыхъ множество имѣютъ. И для того, хотя миръ или война, всегда вооружены бываютъ, между которыми небольшое число имѣютъ фузей, сирѣчь винтовки, въ подобіе нашихъ казацкихъ, у которыхъ по двѣ деревянныхъ подпорки для стрѣлянія. Когда съ коней на земь слѣзаютъ, стрѣляютъ цѣльно, и пули ихъ далече относятъ, только нескоро заряжаютъ, ибо дондеже Мунгалецъ свою винтовку зарядитъ, могутъ солдаты трижды выстрѣлить.

Вышереченные Мунгалы всѣ генерально мало склонны къ Китайцамъ, которые токмо отъ вышнихъ офицеровъ почтены суть, ибо отъ Китайцовъ получаютъ жалованье со удовольствіемъ; народъ же Мунгалскій весьма нищъ и мало склоненъ не токмо къ Китайцамъ, но и къ своимъ собственнымъ офицерамъ (что происходитъ отъ вывоза ими великаго числа ско-

тины для употребленія въ войну противъ Контайши, который еще противствуетъ), завидуя Мунгаламъ, или Братскимъ, Россійскимъ подданнымъ, понеже оныя въ Россійскую сторону кромѣ ясака ничего данаго не платятъ, и хотя нынѣшній Китайскій ханъ хановъ ихъ и офицеровъ снабждаетъ частыми подарками, однакожь они болѣе склонны къ Россіи, нежели къ Китаю. А въ прошломъ году обносился разговоръ, якобы Китайскій ханъ обещалъ изъ казны построить въ Мунгалскихъ земляхъ четыре великіе монастыря, сирѣчь кумирни; для почтенія идоловъ ихъ, и наибольшій изъ оныхъ храмовъ долженъ служить ради обители Кутухтиной, который есть мѣсто высшаго патріарха надъ всею закономъ ихъ, только принимаетъ чинъ отъ Далай-Ламы (какъ объ оныхъ описано пространно въ нижеслѣдующихъ главахъ). Сии Мунгалы въ бытность мою на границѣ, во время частыхъ конференцій и большаго спора между мною и Китайскими министрами, сомнѣвались быть войнѣ отъ стороны Россійской, и видя непостоянство Китайскихъ министровъ, все офицерство Мунгалское соединилось въ Ургѣ и держали великій совѣтъ, подъ видомъ для избранія Кутухты, токмо же подлинное во ономъ совѣтѣ было дѣло, что ежели бы между Россіянами и Китайцами война началась, съ которой стороны имъ себя надлежало бы содержать? И тако заключили, что во время такой войны соединять ихъ войска къ сильнѣйшей сторонѣ, а будучи же силы равны, тогда содержаться бы имъ въ нейтральствѣ, примѣчая токмо поступки военные, что ежели бы Россіяне прогнали Китайцовъ за большую Калганскую стѣну ихъ государства, тогда имъ соединиться съ Россіянами, для обогащенія обобраніемъ Китайцовъ, а наипаче въ такомъ случаѣ мня быть Россіянамъ въ союзъ съ Контайшею, великимъ непріа-

телемъ Китайцовъ и древнимъ разорителемъ Мунгалъ-цовъ. Ежели бы же Китайцы Россіянъ прогнали, то до рѣки Ангары, старой своей границы, завладѣть они трудились бы, а далѣе за дальностію не пошли. По мнѣнію моему, какъ въ оборонѣ, такъ и въ наступаніи, союзъ Контайшинъ Россіи полезенъ есть, понеже сей сосѣдъ болѣе 4000 верстъ въ длину граничитъ съ имперіею Россійскимъ, и имѣетъ своихъ силъ отъ 40 до 50 тысячъ кочующихъ Калмыковъ, которые такъ скоро наступаютъ и уступаютъ, яко звѣри полевые, и отъ Китайцовъ и Мунгаловъ лучшіе воины суть, и оружія огнестрѣльнаго имѣютъ немалое число, которое отъ Русскихъ и Шведскихъ полоняниковъ заряжать и стрѣлять лучше прочихъ степныхъ народовъ обучены. И когда Контайша будетъ съ Россіянами въ твердомъ союзѣ, то вспоможеніемъ его войскъ Казачью орду и прочихъ сосѣдовъ, которые около Сибири кочуютъ и Е. И. В. подданныхъ часто воровскими набѣгами раззоряютъ, легко можно до конца раззорить и завоевать, или и подъ Россійское владѣніе привести.

Вышереченный Мунгалскій и Даурскій совѣтъ мнѣ былъ объявленъ съ присягою отъ Мунгалскаго полковника Галдана, который есть изъ Семи Тайшей, бывшихъ прежде Россійскихъ подданныхъ, многократно въ реляціяхъ моихъ именованный, и весьма склоненъ къ Россійскимъ интересамъ, какъ во время моего посольства показалъ мнѣ истинное доказательство о своемъ добросклоненіи.

Что же надлежитъ до войны Китайцовъ съ Контайшею, хотя Китайцы и говорятъ, будто имѣютъ войскъ 200,000 противъ Контайши, но то неправда, ибо не имѣютъ болѣе 70,000, а именно : 34,000 Ки-

тайцовъ, да 36,000 Мунгальцовъ, которыми и взяли едину провинцію, принадлежащую Бухарскому хану, съ двумя городами, а именно *Туруханомъ* и *Амуканомъ*, прежде бывшими подъ Контайшиною протекціею. Тѣ города строены изъ сыраго кирпича; провинція же пашенная, гдѣ родятся хлѣбы всякаго званія, посянные Китайцами, токмо во время жатвы всегда утѣснены набѣгомъ Контайшиныхъ партій. Нынѣ сіи двѣ силы раздѣлены единою крутою, высокою и каменистою горою, называемою Алтай, у которой на одной сторонѣ обрѣтается гвардія Китайская на дефиле той горы, а на другой гвардія Контайшина, и часто отъ обихъ сторонъ посылаются партіи для набѣговъ, а никогда не доходятъ до данія генеральной баталіи, и видимо есть, что Контайша получаетъ нѣкоторые аванжажи, но не можетъ отобрать потерянные города, содержимые Китайцами съ пушками и прочею амуниціею.

По увѣдомленію выше показаннаго Галдана, также отъ патеровъ іезуитовъ, обрѣтающихся въ Пекинѣ, и другихъ достовѣрныхъ персонъ, которые объявляютъ, что Китайцы хотя имѣютъ по обыкновенію во время войны великое число войскъ, но не посылаютъ ихъ за великую стѣну Калганскую болѣе 50,000 человекъ, тщась соединить оныя съ войскомъ Мунгальскимъ для повстрѣчанія непріятеля въ Мунгаліи. Но ежели отъ непріятеля будутъ принуждены ретироваться внутрь большой стѣны, въ такомъ случаѣ болѣе 300,000 войска могутъ выйти для втораго повстрѣчанія. И когда въ толикомъ числѣ были бы побиты и разогнаны, тогда Манжуры побѣжали бы и заперлись въ городъ Пекинъ и въ другихъ главныхъ крѣпостяхъ, и болѣе бы не могли соединить войскъ для высылки въ поле, понеже Никаны, сирѣчь ста-

ринные Китайцы, будучи обижены отъ жестокаго владычя Манжуровъ, взбунтовались бы, и тако всѣ другія провинціи зачали бы воевать одна противъ другой, и по потеряніи столицы Пекина вся имперія досталась бы въ волю побѣдителя. А во оной столицѣ, кромѣ императорскаго Двора, обрѣтаются наглавынѣйшіе всѣ министры и генералитетъ, всѣ богатства и многочисленная воинская аммуниція и казна великая, приспособленная скупостію нынѣшняго Китайскаго Императора, такъ, что по объявленію достовѣрныхъ людей обрѣтается нынѣ въ публичной казнѣ въ Пекинѣ золотомъ и серебромъ болѣе 600,000 милліоновъ шкудовъ.

ГЛАВА IX.

Описаніе пограничнаго протяженія между Россійскимъ государствомъ и Китайскими подданными Мунгалы и Дауры.

Владыющимъ Китайцамъ рѣкою Амуромъ, около которой, по заключеніи Нерчинскаго мира, построили пять или до шестигородовъ, изъ которыхъ ближній подался къ Албазину, не въ большемъ разстояніи отъ Албазина, по лѣвой сторонѣ рѣки Амура, а именно Айгунъ, построенный изъ брусевъ деревянныхъ и палисадъ, стоящій на ровномъ мѣстѣ, и мнѣть быть окруженію онаго болѣе девяти верстъ, въ которомъ имѣются гарнизонъ и посадство немалое, но токмо не по нынѣшнему новому манеру построень, у котораго города на воротахъ деревянныя башни, и о семъ городѣ въ краткости токмо могъ я получить отъ Мунгалцовъ сіе малое извѣстіе. И хотя многократно о семъ спрашивалъ я коммендантовъ Нерчинскаго и прочихъ комиссаровъ, подданныхъ Россійскихъ, которымъ по должности надлежало бы о

семъ вѣдать, но оныя, давшися въ пьянство и грабежъ, отвѣтствовали, что ничего не знаютъ.

Что же принадлежитъ до земель, лежащихъ между каменными горами къ рѣкѣ Амуру и Удѣ, оставшихъ къ разграниченію впредь по трактату Нерчинскому Федора Алексѣевича, объ оныхъ земляхъ, во всю мою бытность въ Пекинѣ и на границѣ, имѣлъ я всякое прилежное стараніе въ полученіи извѣстія, но продолжительнаго изъясненія не могъ получить, ниже могъ знать состояніе тѣхъ земель, ни величину или разстояніе оныхъ, ниже о пользѣ, какову могутъ причинить Россійскому имперію, чего ради многократно писалъ къ воеводѣ Якутскому, съ требованіемъ отъ него о тѣхъ земляхъ изъяснительнаго извѣстія. Но оный, или за незнаціемъ, или не хотя въ томъ удовольствоваться, никогда должнаго извѣстія не далъ, объявляя что онъ ничего не знаетъ, а для объявленія присылалъ ко мнѣ старыхъ людей. И такіе древніе старики, отправленные безъ денегъ и безъ провіанта, едва живы доходили, и изъ оныхъ нѣкоторые съ присягою объявляли что ничего не знаютъ, а другіе доносили, что на рѣкѣ Удѣ имѣется одинъ малый острогъ, сирѣчь крѣпостца, подъ охраненіемъ 12-ти казаковъ, для прикрытія иноземцовъ, которые собираютъ ясакъ съ Якутовъ, подданныхъ Е. И. В., и оныя ходятъ за промысломъ около рѣки Уды, токмо-де по которое мѣсто ходятъ, о томъ сами не знаютъ. На концѣ же оставилъ я крѣпкіе приказы воеводѣ Иркутскому г-ну Измайлову, дабы онъ посылалъ особливыхъ людей, или служивыхъ, къ воеводѣ Якутскому Полуехтову, за таковою інформаціею, для отсылки въ государственную иностранныхъ дѣлъ Коллегію, ибо оный въ командѣ Иркутскаго воеводы, а Иркутское воеводство сляسو и расширеніемъ не

воеводство, но нарочитою губернію можетъ причтено быть.

Понеже я мню, что Китайцы впредь востребуютъ исполненія трактата Нерчинскаго и раздѣленія выше-объявленныхъ границъ, которыя токмо одна причина, что впредь могутъ пресѣчь Россійскую коммерцію съ Китаемъ, ибо Китайцы раздѣленія по силѣ Нерчинскаго трактата можетъ быть по времени требовать будутъ, того ради полученіе такого аккуратнаго извѣстія весьма требуетъ самая нужда. Читатель можетъ спросить: чего ради я того не учинилъ? Отвѣщаю: понеже не имѣлъ о томъ указа, ни совершеннаго извѣстія, и ежели бы вступилъ въ раздѣленіе вышепереченныхъ дальнихъ и неизвѣстныхъ земель, то бы и въ десять лѣтъ не окончилъ бы порученную комисію. Къ тому же, когда вступилъ бы во исканіе помянутого раздѣленія, то во истину до генеральнаго окончанія Китайцы удержали бы коммерцію, а товары въ карантинѣ на границѣ погнили бы.

Признается, что кромѣ другихъ авантажей, полезныхъ по нынѣшнему трактату, каковы имѣютъ Россійскіе подданные, есть и сей, что подданные иноземцы, Братскіе и Тунгусы, ясачные, кочующіе на границахъ въ такомъ дальнемъ разстояніи, будучи оныя границы постановленными знаками распределены и учрежденными караулами огорожены, будутъ платить ясакъ сполна, ибо прежде сего нѣкоторые годы не плачивали ни единой трети, понеже въ притѣсненіи перебѣгали съ мѣста на мѣсто, не зная ни отечества, ни границы. И когда принуждаемы были Россіянами, тогда перебѣгали въ Мунгальскія земли, а когда принуждаемы бывали отъ Мунгаловъ, тогда отбѣгали въ земли Россіянъ, чего нынѣ чинить не

могутъ, понеже раздѣленіемъ границы, частными караулами и знаками окружены. Иногда и отбѣжали бы, то по силѣ трактата не могутъ имѣть прибѣжища, но еще будутъ связанные отданы подѣ караулъ, откуда ушли. Сему уже имѣемъ примѣры, а именно, въ прошломъ 1728 году одинъ Тунгузъ, Россійскій подданный, предавъ смерти жену свою, бѣжалъ въ земли къ Мунгальцамъ, отъ которыхъ пойманъ былъ, руками назадъ связанъ и возвращенъ подѣ караулъ, и Россійскимъ Тунгусамъ отданъ, которые отдали его Нерчинскому комиссару Осипу Ипатьеву.

По заключеніи Нерчинскаго мира, прежде моего прибытія на границу многіе Китайскіе бѣглецы имѣ были выданы, но ни одинъ Россійскій подданный никогда отъ Китайцовъ и Мунгаловъ не былъ выданъ. Однакожъ, ежели Е. И. В. желаетъ содержать ненарушимо дружбу и коммерцію съ Китаемъ, то весьма нужно есть отправить изъ знатныхъ персонъ великаго характера и добраго житія, наградя его жалованьемъ и полною мочью, для житія его въ Семенгинскъ, ибо то есть мѣсто пограничное, чрезъ которое должны проходить корреспонденція и караванъ. А вышеозначенная персона была бы искусна въ поступкахъ военныхъ и въ министерствѣ, дабы могла добрымъ военнымъ поведеніемъ обучить пограничный народъ военнымъ поступкамъ, построить крѣпости таковы, каковы ему приказаны будутъ, снабдить оныя аммунициею, и мало по малу тшаться къ прибавленію пашни во оныхъ земляхъ, умножать государственную экономію, и корешпондовать съ Мунгалами, пограничными владѣтелями, и съ министрами Китайскими, по случаю, какъ по трактату установлено, что можетъ служить для всякихъ случаевъ, которые могутъ приключаться на границахъ толико дальняго разстоянія.

ГЛАВА X.

О жителяхъ Россійскихъ подданныхъ, какіе суть при границахъ и колікое число, на примѣръ, оруженныхъ, по случаю войны, можетъ противъ непріятеля на поле
стать.

По всемъ восточнымъ границамъ, принадлежащимъ Россійскому имперію, подданныхъ Е. И. В., а именно: Братскихъ, Тунгусовъ и Мунгаловъ, начиная отъ Нерчинска до Коптайшина владѣнія, будетъ около 10,000, которые платятъ ясакъ и могутъ, вооруженные луками и стрѣлами, въ поле выступить, съ прибавкою нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ недорослей и старыхъ, такожде и ламъ, сирѣчь ихъ поповъ, которые не платятъ ясака. А Россійскихъ соединенныхъ казаковъ, которые получаютъ жалованье, не мною быть отъ 5 до 6,000 человѣкъ пристойныхъ къ войнѣ. Читатель да видитъ, козкая неравность въ силахъ противъ пограничныхъ подданныхъ Китайскому имперію, однакожь разсуждается, что Россіяне и прочіе Е. И. В. подданные суть богатѣйшіе и храбрѣйшіе предъ соседями своими, тако, что ежели бы построить три крѣпости, хотя не весьма регулярныя, но полурегулярныя, а именно: одну у дистрикта Нерчинскаго, а другую въ дистриктъ Селенгинскомъ, на мѣстахъ, отъ меня выбранныхъ и чертежами изображенныхъ, или гдѣ лучше будетъ удобно (которые чертежи при ладкартъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ поданы), а третью въ дистриктъ Краснаго яра и Кузнецкаго, на рѣкѣ Абаканѣ, гдѣ надлежало бы прежде строенія осмотрѣть положеніе мѣста, и по постройкѣ вышереченныхъ крѣпостей, не токмо Россійская имперія не имѣла бы никакой опасности отъ войны соседовъ своихъ, но еще сами сосѣди возымѣли бы страхъ отъ

Россіи, и во всякомъ времени и случаѣ тицались бы не токмо содержать добрую дружбу и исполнять по силѣ трактата, но также и коммерцію, а подданные Мунгалы и Тунгусы при случаѣ войны были бы вѣрнѣйшіе, ибо когда были бы такія крѣпости, тогда могли бы ввести женъ и дѣтей своихъ во оныя для охраненія отъ полевыхъ нападокъ непріятельскихъ, а мужья же и отцы оныхъ были бы свободны отъ фамилій своихъ, и того ради могли бы следовать содержанію войны оборонительно и наступательно съ наибольшимъ куражемъ и несомнительною вѣрностью.

Видимо есть по се время, что по всемъ границамъ, даже до моего прибытія на оныя, ни единый городъ не былъ окруженъ рвами, ни палисадами, ниже рогатками, а о каменныхъ стѣнахъ и не упоминаю, ибо изстари по всемъ городамъ не бывало, кромѣ отворенной со всѣхъ сторонъ посады, а въ срединѣ малыя деревянныя крѣпостцы, съ деревянными же башнями по угламъ оныхъ. Въ такихъ крѣпостяхъ сохраняется Е. И. В. казна, провіантъ, аммуниціи, и все что есть изилучшее. Такія крѣпостцы, не будучи иною какою обороною окружены, непріятель огненною стрельбою (чему Китайцы весьма искусны) могъ бы въ моментъ сожечь, а посадъ со всеми помонить и раззорить, но нынѣ тщаніемъ моимъ многіе города рвами, палисадами и рогатками окружены.

Прежде сего у подданныхъ Братскихъ, Мунгаловъ и Тунгусовъ въ обыкновеніи бывало содержать ясачныхъ аманатовъ за арестомъ въ деревянныхъ тюрьмахъ, въ вышеозначенныхъ крѣпостяхъ, но понеже не находится тамо ни тюремъ, ниже крѣпостей, огороженныхъ каменною стѣною, того ради вышеозначенные аманаты изъ такихъ деревянныхъ тюремъ уходили, и ни единый шести мѣсяцовъ въ заключеніи

или подъ карауломъ, не сидѣлъ, на что свидѣтельствуетъ розыскъ Тобольскаго дворянина Степана Фефилова, когда по указу 1724 года слѣдовалъ онъ о принскѣ Китайскихъ перебѣжчиковъ.

Крѣпости регулярныя, или отчасти регулярныя, по мнѣнію моему, нужны суть ради слѣдующихъ причинъ: первое, для охраненія границъ и славы имперіи. Второе, для безопасности подданныхъ и для наибольшей вѣрности ясачнымъ иноземцамъ, какъ выше я изъяснилъ. Третье, для содержанія наибольшей полиціи и для умноженія, какъ съ товаровъ, такъ и съ казенныхъ кабаковъ пошлины, понеже въ отворенныхъ мѣстахъ бываютъ многіе непорядки.

Читатель можетъ сказать, что свободно о крѣпостяхъ разговаривать, но весьма трудно оныя строить и снабждать гарнизономъ, артиллеріею и аммуниціею. Отвѣщаю: при границахъ обрѣтается Якутскій пѣхотный полкъ и двѣ драгунскія роты, которые жалованье и провіантъ повсягодно берутъ, наипаче нынѣ полевое; при тѣхъ же дистриктахъ казаковъ и дворянъ немалое число, которые жалованье и провіантъ повсягодно берутъ. Изъ онаго полка хотъ 1000 человекъ въ работу опредѣлить, а изъ казаковъ хотя третью долю, 500, и того будетъ 1500 человекъ. Прибавя 500 каторжныхъ, которымъ провіантъ и жалованье давать по плакату, всего 2000 человекъ, которые въ два или въ три года пограничную крѣпость построить могутъ съ премалымъ изживеніемъ, когда добрый досмотрщикъ будетъ, ибо что имѣетъ быть въ платежъ каторжнымъ по плакату, толикое число соберется съ питья на кабакъ при строеніи, и кромѣ желѣза, которое въ самомъ ближнемъ разстояніи, инаго изживенія не понадобится, развѣ премалое число. А для литья чугунной артиллеріи находятся руды же-

лѣзныя по разнымъ мѣстамъ, неподалеку отъ мѣстъ строенія крѣпостей, и со временемъ, послать туда мастеровыхъ изъ Екатеринбурга, которые подъ командою генерала Генинга и другихъ, и съ завода Демидова, прибавя мѣдную артиллерію, которая издревле въ тѣхъ дистриктахъ обрѣтается, и тако со временемъ совершится и литье артиллеріи, когда нужда позоветъ для обороны и наступанія. А со временемъ могутъ оныя крѣпости наполнены быть другими военными припасами и аммуниціями, и хотя имперія издержитъ по 10,000 рублей въ каждый годъ для пополненія такихъ крѣпостей, которыя будутъ служить за оборону Сибири, то оное иждивеніе не велико будетъ, понеже черезъ добрую экономію паки въ казну возвратиться можетъ. И ежели коммендантъ, или вице-губернаторъ, обрѣтающійся на границахъ, какъ добрый подданный стараться будетъ, то такой убытокъ можетъ возратить пополненіемъ доходовъ, а особливо винными сборами, понеже безъ сомнѣнія все богатство пограничныхъ жителей остается въ кабакахъ. На границахъ мало провіанта обрѣтается, то откуда можно получить толикое число хлѣба для куренія вина, и ежели будетъ выжженъ хлѣбъ, то недостатокъ имѣетъ быть въ провіантѣ? Сей вопросъ истиненъ есть, однакожь находится и тому способъ, ибо около городовъ Тобольска, Енисейска и Красноярска родится хлѣбъ въ великомъ количествѣ, а вино продается въ шестеро меньшею цѣною пограничныхъ мѣстъ. А понеже при всѣхъ вышеписанныхъ городахъ суть великія рѣки, по которымъ свободно можно на границы вино перевозить, а именно на казенныхъ судахъ, которыя съ границъ казну Е. И. В. привозятъ, и такое отправленіе бываетъ чрезъ ссылочныхъ для наименьшихъ расходовъ на заплату работникамъ, ибо такіе ссылочные

повсягдно въ Сибирь посылаются, и содержаніе ихъ въ такой работѣ прибыльное государству, нежели имъ такъ жить на границахъ. А особливо, земли къ Нерчинскому и Селенгинскому изрядныя для поселенія народа и распространенія пашни. Но въ такомъ случаѣ всема нужна есть не токмо въдомая верность коммандантовъ, но и милосердіе Е. И. В. въ дачь такимъ бѣднымъ ссылочнымъ хлѣба, такожде и скота на ихъ содержаніе, и уволить ихъ отъ податей на два, или на три года, дондеже пришли бы въ состояніе сами собою содержаться и платить въ казну подати. А скотина, особливо Е. И. В. лошади, имѣются во всѣхъ дистриктахъ, которые кромѣ пользы комиссарамъ, завѣдывающимъ оныя дистрикты, Ея Величеству никакой прибыли не приносятъ, и тѣми лошадьми можно новопоселенныхъ удовлетворять.

ГЛАВА XI.

О земляхъ, гдѣ можно при сущей границѣ Россійскаго имперіи и коликое число крестьянскихъ дворовъ, начавъ отъ Нерчинска до Контайшина владѣнія, поселить.

Ежели Е. И. В. повелитъ заселить земли пограничныя, то при Нерчинскомъ дистриктѣ воздухъ посредственный, земля черная, хлѣбородная и всякимъ плодомъ изобильная. По сказкамъ тамошнихъ жителей, что отъ одного зерна ржи до 15 урождается; пеньки, льну и всего прочаго въдовольности; проса отъ одного зерна 80 родится; токмо крестьянъ немного, гдѣ мѣсто пространное на поселеніе 50,000 дворовъ крестьянскихъ. При дистриктѣ Селенгинскомъ воздухъ студенъ Нерчинскаго; земля посредственная, гдѣ родится изъ одного зерна отъ 6 до 8; при семъ дистриктѣ свободно поселить можно въ прибавку 20,000 дворовъ.

Въ дистриктъ Иркутскомъ можно свободно поселить съ 20,000 крестьянскихъ дворовъ, а земля подобна дистрикту Селенгинскому, но еще и лучше.

Въ дистриктъ Красноярскомъ, или Кузнецкомъ, къ границъ малое число земель къ пашнѣ годныхъ, ибо наполнены великими и каменистыми горами; однакожь въ трехъ или четырехъ мѣстахъ находятся ровныя мѣста, на которыхъ можно селить, и земли добрыя, а внутри границы около Красноярска земли такъ много, хотя бы нѣсколько сотъ тысячъ дворовъ поселить можно. О семъ дистриктъ лучше меня извѣстенъ господинъ комиссаръ Колычевъ, который при ономъ граничилъ. Таможе суть многія озера и рѣки, преизобильныя рыбами, что ежели бы означать званія и множество оной, то было бы многое продолженіе во описаніи, и токмо объявляю, что къ городу Селенгинску, во время осени, рѣкою Селенгою изъ Байкала прибѣгаетъ нѣкоторая рыба, называемая *омули*, величиною около полуаршина, тако въ довольномъ числѣ, что во время настоящей ловли она продается даже до гривны всякая тысяча, что бываетъ повсягодно. И сіе только описую о рыбѣ, называемой *омули*, и другихъ великихъ рыбахъ, которыхъ вездѣ довольно число имѣется, а Китайцы ловить оныхъ не умѣютъ, токмо Мунгалцы стрѣлами побиваютъ. Подданные же Е. И. В. въ рыболовлѣ Мунгалцовъ превосходятъ, и бывають случаи, что на рѣкѣ Селенгѣ въ большую вершу обѣ одну ночь болѣе 100 осетровъ, величиною въ аршинъ и въ полтора, поймываютъ, которые отъ 10 до 15 и до 20 копѣекъ по случаю продаются. Внутри же Сибири по рѣкамъ Томи и Оби такіе же и больше осетры по одной копѣйкѣ и по двѣ продаются, понеже рѣкѣ среднихъ и малыхъ въ Сибири такъ много, что ни единые географы подлин-

но не описали, и сколь оныя суть сильны и прибыточны, человеческій умъ постигнуть не можетъ, когда были бы поселены народами промышленными.

Хлѣбъ при границѣ не дешевъ, и нѣкогда пудъ ржи въ двѣ гривны, а нѣкогда до пяти, по плодосію и по доброму управленію тамошняго управителя. Добраго управителя дѣло, разумѣется, хлѣбъ пограничный не жечь, но привозить вино изъ внутреннихъ провинцій, изъ чего народу польза, а прибыли государственной на кабакахъ не убытокъ, какъ я чинить велѣлъ указомъ въ моей бытности.

Скота и лошадей на границахъ предовольно; лошади небольшія, токмо къ работѣ зѣло способны; быки посредственные, а барановъ на свѣтъ такихъ нигдѣ я не видѣлъ.

ГЛАВА XII.

О разныхъ путяхъ, которыми изъ Россійскаго имперіи въ Китайское трактовать можно, и каковы суть по которому трудности и препятствія и по которымъ можно ѣхать безъ нужды.

Первый путь, которымъ я трактовалъ и караваны трактуютъ. Отъѣзжаютъ изъ Селенгинска, переѣхавъ рѣчки Кяхту, Буру, Орхонъ, Иро, и прочія до рѣки Толы Мунгальскаго владѣнія. Травы, воды и дровъ довольно. Отъ Толы Гобейскою степью, называемою отъ Латиновъ *дезерто Само*, которою близъ сорока дней хода; дровъ и травы ничего не обрѣтается, и тотъ путь описать въ моемъ журналѣ, поданномъ въ государственную иностранныхъ дѣлъ Коллегію, который тако труденъ есть, что регулярное войско ни какимъ способомъ онымъ путемъ не могло бы пройти, а нерегулярное съ великою трудностію.

Второй путь чрезъ рѣку Курулюнь, трудностью противъ перваго пути въ полы меньше, чрезъ кото-

рый Китайцы не допускаютъ ѣздить, ни посламъ, ни же караванамъ Россійскимъ.

Третій путь, отъ дистрикта Нерчинскаго къ Науну, Даурскому городу; караваннаго хода, отъ последней Россійской границы, гдѣ нынѣ караулъ, а именно отъ вершины рѣкъ Аргуни и Хайлара, можно доѣхать въ 25 дней. По сему пути воды, дровъ и травы довольно, даже до Науна, и чрезъ сей городъ Наунъ въ прешедшее время прошелъ караванъ, подъ дирекціею бывшаго купчины Савватѣева. Но понеже тогда Россіане учинили великія продерзости въ Дауровыхъ деревняхъ, даже до преданія смерти трехъ человекъ, а многихъ и пытали, того ради тѣмъ путемъ пословъ Россійскихъ, ни каравановъ Китайцы болѣе не пропускаютъ. Городъ Наунъ построенъ на рѣкѣ Наунѣ, съ восточнаго берега, въ разстояніи 4-хъ верстъ отъ рѣки; стѣны того города четвероугольныя, сдѣланы по старинному обыкновенію, на ровномъ мѣстѣ, изъ сыраго кирпича, а всѣ дома въ городѣ и за городомъ глиняныя мазанки и изъ соломы построенныя. Въ ономъ, кромѣ жителей и посадскихъ, отъ 3-хъ до 4,000 гарнизонныхъ солдатъ, которые хотя всегда учатся стрѣлять изъ луковъ, но никогда такъ твердо не стрѣляютъ, какъ Тунгусы подданные Россійскіе, кочующіе по границѣ при Нерчинскомъ дистриктѣ. Сказываютъ, что окруженіе города Науна около 6 верстъ; на рѣкѣ же у онаго всегда бываютъ отъ 30 до 40 плоскихъ судовъ, по ихъ называемые бусы, не вооруженные, которые служатъ для исکانія жемчуговъ и перевоза людей. Рѣка Наунъ весьма глубока; шириною же около одной версты, и по сказкамъ достоверныхъ людей, которые многократно въ Наунъ ѣзживали за торговыми промыслами, по сему пути нѣтъ никакого препятія, токмо на трехъ рѣкахъ

перевозъ, а въ перевозъ Сибиряки болѣе всехъ Европейскихъ народовъ искусны. Когда бывають въ походъ, то гонятъ съ собою быковъ немалое число и ихъ убивають при рѣкѣ, и сдѣлавъ изъ тальника плетницы, якобы щлюпки, и обвивши оныя сырыми кожами, хотя была бы большая рѣка, въ два дня весь караванъ переправить могутъ. А кромѣ тѣхъ перевозовъ, хотя бы съ пушками и воинскимъ промысломъ, идти нѣтъ препятія, кромѣ одной горы, которую восемь часовъ трактовать надобно, однакожь она не весьма крута, ибо свободно торговля тѣмъ и прочія трактуютъ.

Отъ города Науна даже до длинной стѣны, откуда въѣздъ въ Китай, наибольшая часть мѣстъ поселена городами и деревнями, изобильны сѣмями, фруктами и дровами. Отъ того города Науна до Пекина караваны могутъ дойти въ четыре до пяти недѣль.

Четвертый путь, нами незнаемый, находится къ рѣкѣ Амуру рѣкою Чингаломъ, а потомъ сухимъ путемъ въ Китайскую провинцію, называемую *Леопонгъ*, которая со стороны сѣверной есть первая Китайская провинція, наполненная городами и деревнями.

Пятый путь могъ бы быть отъ Нерчинска и моремъ, спускаясь по рѣкѣ Шилкѣ въ Амуръ, Амуромъ же, всегда по водѣ, въ море Камчатское, или *Тіенсо-вое*, которымъ окружена носъ острова Корей, токмо 700 верстъ, и ежели есть моремъ проходъ, какъ несомнѣвается, то былъ бы переѣздъ въ славный Китайскій портъ, именуемый *Тунжи*. Сей путь могъ бы быть наиспособнѣйшій и надежнѣйшій для свободного вступленія и раззоренія въ Китайхъ, понеже отъ сего порта до Пекина съ 70 Россійскихъ верстъ, токмо ради такой навигаціи надлежало бы имѣть морской силъ-

ный флотъ и прежде всего искать путь морской и знать проходъ.

Шестой путь рѣка Лама, превеликая, изъ Россійскаго владѣнія впадаетъ въ море Гіеппсовое, или Камчатское, со многими другими рѣками, принадлежащими Россійскому владѣнію, на которыхъ со временемъ могли бы построиться морскіе флоты для навигаціи въ Китай и въ Японію; токмо не безъ трудности, во первыхъ, за великою стужею въ той странѣ, а второе, не вѣдаю, есть ли довольство лѣса на строеніе кораблей и прочаго, о чемъ капитанъ Берингъ можетъ дать подлинное извѣстіе.

Единъ старый человѣкъ, который близъ Якутска родился, мнѣ сказывалъ, будто на носу Камчатки, лежащемъ противъ Японскихъ острововъ, воздухъ теплый и временемъ посредственный, гдѣ не токмо довольство крѣпкаго дерева находится, но и сахаръ въ тростяхъ обрѣтается, который родится около моря, и о семъ надежно капитанъ Берингъ лучшее извѣстіе сообщить можетъ, понеже оный въ тамошній край посыланъ былъ.

ГЛАВА XIII.

О торговѣ Китайскою, какимъ образомъ торгуютъ между собою, и какъ малую охоту имѣютъ съ чужеземцами торговать, и какіе суть жестокіе обманщики во азиатскомъ дѣлѣ и словѣ.

Обыкновеніе Китайцевъ есть торговать между собою изъ провинціи въ провинцію и изъ города въ городъ. Того ради во многихъ мѣстахъ установлены пошлины, гдѣ собираютъ на хана по 5-ти со 100, и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ сбѣраются таковыя пошлины, на каналахъ и рѣкахъ построены великіе корабли, со многими каютами, расписанные разными цвѣтами и украшены малыми флагами, гдѣ имѣется гвардія.

И ежели изъ купцовъ который не заплатитъ пошлины, тотъ теряетъ товаръ, но заплатя единожды, и имѣя доказательное письмо, или ярлыкъ въ платежъ, не долженъ болѣе платить по всей имперіи.

Ни съ какимъ же государствомъ въ сосѣдствѣ ихъ не торгуютъ, ниже посылаютъ въ оныя своихъ купцовъ, кромѣ некоторыхъ острововъ, которые суть между Китаемъ и Японіею. Имѣютъ на оныхъ сильный торгъ съ Японцами; посылаютъ богатые флоты, провожаемые подъ закрытіемъ военныхъ кораблей. Изъ Японіи получаютъ наибольшую часть золота и серебра и наилучшія манифактуры, деревянныя и фарфоровыя, чистаго глянца и высокой работы, каковой Китайцы дѣлать не умѣютъ, и всѣ наилучшія галантереи, обрѣтающіяся въ Китаѣ, привезены суть изъ Японіи. Работа Японская всякой вещи предпочтена въ трое выше Китайской, и когда видима бываетъ какая вещь удивительной работы, то ее называютъ «Сіамской работы», ибо они всѣ другія иностранныя земли, наипаче Японію, называютъ Сіаомъ.

Имѣютъ торгъ въ Мунгальскихъ земляхъ, токмо не богатый, состоящій въ китайкахъ, шелкѣ, камкахъ и въ прочихъ шелковыхъ матеріяхъ, въ пшеницѣ сорочинскомъ, въ табакѣ и въ чаѣ, и сіи товары мѣняютъ на разную скотину, особливо же на лошадей, верблюдовъ, быковъ и на барановъ, которыхъ великое число пригоняютъ для расхода въ Пекинъ и въ другіе города того имперіи, а поуже Мунгальскій баранъ предпочтенъ въ трое передъ Китайскимъ, того ради вся пища ханскаго Двора состоитъ въ Мунгальскихъ баранахъ.

Торгуютъ же съ подданными Россійскими мягкою рухлядью и другими товарами, токмо не богато, и то мѣною ихъ товаровъ, не позволяя охотно вывозъ зо-

лота и серебра, хотя и не запрещено желающему купить сумму такого металла, токмо надлежитъ поступать предосторожно и запастись не отъ единого, но отъ разныхъ купцовъ, ибо хотя въ Китаѣ есть великое изобиліе сихъ двухъ металловъ, наипаче золота, которое большимъ числомъ привозится изъ Индіи и изъ Японіи, однакожь когда былъ бы вывозъ великой суммы, тогда правленіе конечно такой пропускъ воспретило бы; подобно же и вывозъ драгоцѣнныхъ камней запрещенъ.

За сорокъ лѣтъ торгъ Россійскій Китайцамъ былъ пріятенъ, а Россіянамъ весьма прибыленъ, а особливо состоявшій въ мягкой рухляди и въ рыбьихъ зубахъ, ибо въ оное время Россіяне владѣли обоими берегами рѣки Амура, а Манжуры для завоеванія Китая вооружены были, не имѣя времени ходить за ловлею соболей и другихъ драгоцѣнныхъ звѣрей. Но по установленіи Нерчинскаго мира отошли Россійскіе подданные отъ обѣихъ сторонъ рѣки Амура и утихла война въ Китаѣ, и едва не довольствуются Китайскіе подданные своею ловлею всякаго званія звѣрей. И хотя во время владѣнія умершихъ хановъ, а именно дѣда и отца нынѣ царствующаго, имѣлся тамо Россійскій мягкорухлядный торгъ и прочій прибыленъ, а наисильнѣйшій состоялъ въ соболяхъ, рысяхъ, горностахъ, куницахъ, бѣлкахъ, лисицахъ, въ рыбьихъ зубахъ, въ пернѣ и прочемъ, понеже всѣ министры и знатные персоны употребляли драгоцѣнные мѣха, также весьма почитали всякую другую Европейскую галантерею, ибо оныя министры любили богатую одежду, а старшій ханъ житіе пространное, но при нынѣ царствующемъ ханѣ торгъ Россійскій и всея Европы сталъ быть худъ. Во первыхъ, понеже владѣтель запрещаетъ богатыя одежды носить, наипаче соболи

и горностаи, кромѣ ранга вельможъ. Второе, всѣ Европейскія галантереи въ маломъ обычаѣ для употребленія и всѣ Европейскіе ему ненавистны суть, того ради повысилъ пошлину въ двухъ морскихъ пристаняхъ, а именно, въ Кантуиъ и въ Макао, отъ 10-ти, которые прежде сего плачивали, даже до 16 процентовъ, какъ выше упомянуто.

Торгъ морской токмо въ сихъ двухъ портахъ не запрещенъ Португальцамъ, Гиспанцамъ, Французамъ, Англичанамъ и Голландцамъ, которые привозятъ изъ ихъ земель малое число товаровъ, а именно: сукна наилучшія, также и мухойры, зеркала, и прочее, а наглавнѣйшее основаніе ихъ торгоу состоитъ въ серебряныхъ ефимкахъ, которые мѣняютъ на шелковыя разныя Китайскія матеріи, чай и прочіе товары Китайскіе, и отвозятъ каждый въ свои Индіи, гдѣ оныя мѣняютъ на золото въ песокъ, на слитки серебряныя, на аптекарскіе корни и травы, и на прочіе товары, съ которыми паки возвращаются въ ихъ Европейскіе порты.

Вышереченныя націи въ Китайскихъ портахъ обидимы бываютъ и не имѣютъ своихъ консуловъ и никакого преимущества, но еще притѣсненіе торгу. По-неже, когда приходятъ тако близко къ крѣпости, что можетъ достигнуть пушечное ядро, и прежде сгруза нѣкотораго числа товаровъ на берегъ, принуждены сгрузить руль и артиллерію съ половиною экипажа своего подъ караулъ Китайцамъ, а потомъ позволенъ имъ товаръ выгрузить и вольность торговать. По окончаніи торгоу и нагрузки товаровъ отходятъ паки въ море въ корабль, въ разстояніи отъ крѣпости, что пушечное ядро не можетъ достигнуть, и тогда посылаютъ для взятія изъ-за караула руля корабельнаго и принадлежащей артиллеріи.

За нѣсколько лѣтъ Франгузы въ Кантонѣ оставили
единого консула, подѣ именемъ купца, который по-
томъ, когда восхотѣлъ употреблять свои преимущества,
тогда губернаторъ велѣлъ его и всѣхъ людей при-
немъ обретающихся побить, но оный заперся въ домъ
съ приуготовленнымъ для обороны своею оружіемъ,
и того ради позволено ему было сѣсть на корабль,
въ томъ портѣ стоящій на якорѣ, и отойти въ свою
землю. И послѣ того никакого консула, ни агента
Китайцы не приняли и принимать обыкновенія не
имѣютъ.

Въ Китаѣ не находятся, ниже продаютъ другіе
каменья, токмо рубины, балей и лхонты. Но сіи весьма
малоцѣнны и малы, и когда рѣдко по случаю по-
явится нѣкоторый рубинъ, балей и нѣкоторый восточ-
ный топазъ посредственной величины и добраго цвѣта,
такимъ запрещенъ вывозъ, развѣ весьма тайно, ибо
Китайцы объявляютъ, что драгоценныя камни слу-
жать для употребленія во дворецъ императорскій. Пар-
тикулярные же люди продаютъ фальшивыя каменья,
сочиненныя изъ составовъ и прочаго, въ подобіе ис-
тиннымъ, и тако ихъ въ изрядный видъ и въ добрый
цвѣтъ приводятъ, что безъ пробы оныхъ пилюю, или
алмазомъ, первый Европейскій золотарь могъ бы об-
мануться. И удивительно есть, что въ царствующемъ,
столичномъ градѣ Пекинѣ невозможно было бы сы-
скать публично купить на 100 рублей драгоценныхъ
каменей, а которые продаются чрезъ ихъ купцовъ,
суть каменья простыя, которые находятся въ степ-
ныхъ поляхъ. Не продаются же ни изумруды, ниже
алмазы, по малое число восточнаго жемчугу посред-
ственной величины, болѣе же число мѣлкаго жемчугу,
который продается вѣсомъ, напизанный въ кистяхъ,
въ подобіе фальшиваго жемчуга, и не могу подлинно

объявить фальшивый ли оный или истинный есть, и для инаго употребленія, кромѣ шитья, годенъ ли; наши же Европейцы объявляютъ и доказываютъ быть добрымъ, а единъ Китаецъ, мой пріятель, обнадѣжилъ меня быть оному фальшивому: учиненъ де оный изъ нѣкотораго смѣшенія, сбитаго съ другимъ плохимъ жемчугомъ, и тако изрядно смѣшанъ, что сами Китайцы обманываются, и хотя молотомъ разбиваемъ бываетъ, однакожъ видъ имѣетъ добраго жемчуга. Еще же есть у нихъ половинчатый жемчугъ, сочиненный изъ бѣлаго смѣшенія, подобный доброму жемчугу, или раковинѣ, величиною съ половиною пшеничнаго зерна, или гороховины, и продается по счету тысячами, изъ которыхъ многое число приходитъ въ Россію для употребленія женамъ подлаго народа и дѣвицамъ, для украшенія ихъ головныхъ уборовъ.

Также продаютъ бѣлую мѣдь, подобную серебру, изъ которой дѣлаютъ посуду и прочее не худой работы, и многократно обманываютъ и продаютъ оную за серебряную.

Подобную же продаютъ мѣдь желтую, тако изрядно фальшификовану, что цветомъ и вѣсомъ умѣютъ тую сравнивать противъ золота, и по виду всякій Европейскій серебряникъ могъ бы обмануться и взять за истинное золото, и невозможно познать, токмо сплавленіемъ въ огонь умяетъ въ вѣсъ своемъ и терлетъ цвѣтъ, а потомъ претворяется въ мѣдь, худѣйшую нашей.

Золото въ Китаехъ не дорого, изъ котораго наибольшая прибыль въ вывозъ въ Россію, но сей металлъ не охотно на Россійскій товаръ мѣняють, а болѣе продаютъ на серебро.

Нынѣшній ханъ запретилъ вывозъ мѣди желтой, изъ которой куется монета, называемую *пессы*, съ ды-

рою въ срединѣ, нанизывая оныя сотнями и тысячами на толстыя нитки для способнѣйшаго считанія. И нынѣ оными монетами платитъ наибольшую часть жалованья войскамъ своимъ, и за великою скупостью отбираетъ золото и серебро въ казну. И такая мѣдная монета ходитъ въ подломъ народъ безъ трудности, будучи тако легка, что въ цѣну нашего рубля пойдетъ около 600 вышереченныхъ гіессовъ, которые кованы изъ простой мѣди, а въ вѣсъ придется всякій пудъ около четырехъ рублей, и онымъ я учинилъ пробу, которую со мною привезъ. Что принадлежитъ до золота и серебра, такихъ металловъ обрѣтается въ Китаехъ зѣло много, въ чемъ Китайское и богатство состоитъ, въ которыхъ суть многія пробы, а наилучшая проба состоитъ въ ханскомъ золотѣ и серебрѣ, и оное выше отъ 5-ти до 6-ти процентовъ другихъ пробъ. Иной же монеты, учиненной ниже установленной пробы, ни золоту, ни серебру не имѣютъ. Китайцы тако суть искусны, что безъ пробы, токмо по притыканію къ камню познавають цѣну, и въ семъ металлѣ великіе суть обманщики. Всякій же человекъ торгующій, даже до мѣлочнаго товара, носитъ вѣски и ножницы въ карманъ; ножницы употребляетъ для стриженія золота и серебра, а вѣски для вѣса оныхъ, и какъ въ вѣсѣ, такъ и въ прочемъ во всемъ никогда праведно не поступаютъ, и стараются какъ неправедно взвѣсить и тѣмъ другъ друга обмануть, и между ними нѣтъ на то запрещенія, ни стыда. Другъ другу не имѣютъ они никакого кредита и никто ни кому денегъ заемъ не даетъ, понеже заемныя письма на ихъ судѣ не имѣютъ никакого дѣйства.

А для пользы всенародной и прибыли ханской въ стольныхъ городахъ держатъ пребогатыя лавки, которыя могутъ сравняться Европейскимъ банкирамъ,

и въ оныхъ содержатъ великое число золота и серебра ханскаго; въ сихъ лавкахъ даются заклады, платится по одному проценту на мѣсяцъ, токмо закладъ имѣеть быть въ двое противъ взятаго серебра, и ежели во время 6-ти мѣсяцовъ тотъ закладъ не выкупится, или не перемѣнится закладное письмо, то уже закладъ пропасть и банкиръ продаетъ его по соизволенію и въ авантажъ хану, и какъ сказываютъ, что изъ такихъ доходовъ въ имперіи Китайской собирается повсягодно нѣсколько милліоновъ сфинковъ въ казенную прибыль, а банкиру изъ того приходитъ по одному проценту. Того ради всякая изъ оныхъ лавокъ платитъ найма болѣе другихъ, и на тѣхъ лавкахъ ставятъ въ знакъ малое желтое знамя, съ надписаніемъ золотыхъ словъ, которые значать: *Лавка пріема закладовъ*.

И когда министры Китайскіе мнѣ выговаривали, чего ради Россійскій императоръ торгуетъ и посылаетъ караваны, ибо де великіе владѣтели не должны торговать, я имъ отвѣтствовалъ: «А чего ради Китайскій ханъ торгуетъ въ лавкахъ пріема закладовъ, ибо въ томъ состоитъ влщій стыдъ, нежели въ посылкѣ каравана?» Они отвѣтствовали, что де то чинится не для корысти владѣтелю, но ради способности народа. Я имъ пакъ отвѣтствовалъ, что все тотъ же и есть торгъ.

Хотя Китайцы кованой монеты серебряной, ни золотой, ниже мѣдной, кромѣ гіессовъ (о которыхъ выше упомянуто), не пмѣють, однакожь употребляютъ имена будто вымышленныхъ монетъ. Во первыхъ, называется *ланъ*, въ которомъ вѣсу Русскихъ $8\frac{1}{2}$ золотниковъ; во всякомъ *ланъ* считается 10 *чиновъ*, а въ чинѣ 10 *фуновъ*, и такимъ образомъ, именуя будто бы монету, рѣжутъ золото и серебро ножницами

въ куски, и отвѣшиваютъ оное, исчисляя помянутые ланы и прочее на вѣскахъ, въ чемъ тако скоры суть и хитры, что удивленія достойно.

ГЛАВА XIV.

О непосылкѣ ни къ кому пословъ изъ Китайскаго имперіи.

Китайское обыкновеніе пословъ и посланниковъ ни къ кому не посылать, и ихъ императоръ въ равности не имѣетъ обыкновенія писать ни единому potentату, а ежели писать грамату имперіальную, въ такомъ случаѣ пишутъ съ верху на низъ, хотя бы къ Римскому цесарю, или къ Россійскому императору, или королю Французскому писали, и токмо посылаютъ пословъ и посланниковъ своихъ къ Тангутамъ, гдѣ живетъ великій Далай-Лама, ихъ архипатріархъ, или папа, и всѣхъ идоиспокоиснозъ, обрѣтающихся во всѣхъ Азіатскихъ странахъ, духовный начальникъ. Изъ земли онаго и другихъ владѣтелей, сосѣдствующихъ съ Индіями, подряжаютъ многіе миллионы мѣшковъ со пшеномъ сорочинскимъ, для перевоза онаго въ Китай во время, когда въ Китаѣ бываетъ недородіе, и оное платятъ казенными деньгами, а потомъ его раздаютъ за милостыню по провинціямъ, претерпѣвающимъ гладъ и другія нужды. Такую добродѣтель творилъ отецъ нынѣ владѣющаго хана, который въ иной годъ издерживалъ изъ казны для пользы народа отъ 16-ти до 20 миллионъ ефимковъ, и въ твореніи такихъ добродѣтелей никогда въ Китаѣ не бывалъ владѣтель толико милостивый, который говаривалъ за пословицу, что «то не была милостыня, но заемная дача подданнымъ своимъ, ибо де живучи оныя возвращали чрезъ подати свѣише заемной дачи, умираючи же пропали бы капиталъ и прибыль.»

И того ради отъ всего Китая былъ почтенъ, яко богъ, благотворящій живущимъ на земли.

Нынѣ же царствующій ханъ тако скупъ, что ни въ какой нуждѣ, которую народъ ни претерпѣвалъ бы, никогда не вспоминаетъ, но еще обираетъ, нищимъ же милостыню никогда не подаетъ, говоря, что «нищій милостыни есть безумецъ и отъ Бога небеснаго забыть, и лучше бы умеръ, нежели просьбою милость нажилъ, дабы худой примѣръ другимъ не казать, ибо де подданные должны содержаться трудами своими, и платить дани своему владѣтелю, яко божеству земному, которому все подлежитъ.»

ГЛАВА XV.

Которыхъ государей Европейскихъ и Азіятскихъ Китайцы почитаютъ, и отъ кого имѣютъ большее опасеніе.

Царей Индійскихъ, сирѣчь, Могола, мало почитаютъ и говорятъ, что Индійцы не суть люди, но золотыя мухи, и съ ними торго, ни обхожденія никакого не имѣютъ.

Пегу, или по Европейски Сіамъ, мало почитаютъ, понеже государство противъ ихъ не сильно; токмо посламя ихъ чинятъ учтивость, для того, когда въ Китаехъ бываетъ неурожае, то отъ нихъ по нѣскольку тысячъ милліоновъ сорочинскаго пшена за деньги получаютъ, которымъ безхлѣбородныя провинціи Китайскія прокармливаютъ.

Тангуты, гдѣ Далай-Лама идолаторскаго закона резиденцію имѣетъ въ ихъ сосѣдствѣ, почитаютъ же.

Персы и Турки мало почитаютъ, называя Персіановъ людьми непостоянными и Китайскаго государства бунтовщиками, понеже Чингисъ-Ханъ, бывшій древній Китайскій императоръ, Персією владѣлъ, и Китайцы говорятъ, ежели бы не были въ дальномъ

разстояніи и не мѣшалъ Контайша, то они ихъ по старому въ подданство скоро привели бы.

О *Турецкомъ султанѣ* хотя и слышатъ, но малое почтеніе имѣютъ, называя Турковъ *бѣлогловцы* и ни къ чему неуготными; всѣ-де они сердиты и злоумышленны, яко львы, и не политичны, яко разбойники.

Между Европейскими государи *короля Французскаго* и *Римскаго цесаря* почитаютъ, что имъ 'отъ патеровъ іезуитовъ внушено.

Е. И. В. *Всероссійскаго Императора* почитаютъ за храбрость его подданныхъ и пространность Россійскаго имперіа, опасаясь, какъ Россіяне Сибирь, такъ дальнее мѣсто, завладѣли, дабы и на Китай съ войною не пошли. И говорятъ, что государь Россійскій и ханъ Китайскій въ величествѣ равны и въ дружбѣ имѣютъ вѣчно пребывать, дабы другъ другу не досадить.

Никакую республику, или посполиту, не почитаютъ и говорятъ: ежели бы они были-де люди умные и состояніа добраго, то единъ монархъ, а не множество у нихъ владѣлъ, изъ чего никакого добра, ни пользы государству произойдти не можетъ.

ГЛАВА XVI.

О *чужестранныхъ послахъ*, какъ оныхъ въ *Китайскомъ* государствѣ принимаютъ, и какъ на *государственныя* грамоты гордо отвѣтствуютъ.

Пословъ и посланниковъ въ Китайхъ прежде сего когда допускали къ хану на аудіенцію, принуждены они бывали кланяться предъ залю трижды по трижды ханскому столу, которой посреди залы поставленъ бывалъ, покрытъ желтою камкою, а потомъ грамоту на оный столъ положить, и болѣе того нѣкоторые хана и не видали, но съ министры конферовали, и на грамоты ежели отвѣтъ получали, то получали съ такимъ

гордымъ стилемъ, въ которыхъ писали съ верха на низъ, якобы своимъ подданнымъ. А нѣкогда чужестранныхъ государей грамоты запечатанныя, не распечатавъ, назадъ отсылали и не отвѣтствовали. Такъ слѣдовало не токмо съ Россійскимъ посланникомъ Спафаріемъ, но и съ Европейцы, изъ которыхъ одного Португальскаго посла въ тюрьмѣ уморили.

Сія гордая церемонія въ бытность Россійскаго посланника г-на Измайлова отчасти пресѣклась, который старому хану вручилъ государственную грамоту, и удостоился мѣсто противъ ихъ генераловъ-поручиковъ въ ханской залѣ получить, и отъ хана многія прерогативы чрезвычайно и отменно отъ его предсessorовъ ему показаны. Однакожь, за несклонностью Двора Китайскаго, кромѣ пропуска одного каравана, ничего иного къ пользѣ Россійской онъ не окончилъ, письмо изъ трибунала малосклонное получилъ и съ тѣмъ былъ принужденъ возвратиться.

Я болѣе почтеніемъ г-на Измайлова принятъ былъ, и мѣсто передъ ханскимъ престоломъ въ третьихъ отъ тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ получить удостоился, грамоту государственную самому хану, сѣдѣющему на престолѣ, вручилъ, и все положенное на мнѣ Е. И. В. дѣло благополучно въ Пекинѣ, а пограничное на границѣ окончилъ, какъ въ генеральномъ трактатѣ заключено, и въ реляціяхъ моихъ, также и въ статейномъ спискѣ подробно изъяснено.

ГЛАВА XVII.

Какого чина люди въ почтеніи суть между Китайцами

Первое, люди ученые философій и прочихъ высокихъ наукъ и совершеннѣйшаго разума, суть препочтеннѣйшіе, о которыхъ разсуждаютъ, что Богъ небесный черезъ заступленіе идоловъ допустилъ того че-

ловѣка къ такой высокой наукѣ, которая до божества природы и разсужденія твердаго человѣческаго житія касается.

Второе, въ гражданскомъ правительствѣ искусныхъ людей почитаютъ, разсуждая, что они отъ небеснаго Бога чрезъ заступленіе идоловъ искушены и обучены для покоя царства, для расправы народа, и для правосудія и добраго расположенія дѣлъ государственныхъ, и которые праведно поступаютъ, тѣ въ ханскіе доброжелатели и гражданскіе украсители и народа содержатели причтены быть могутъ.

Третье, почтеніе имѣютъ къ людямъ воинскимъ, хотя ихъ меньше вышеозначенныхъ двухъ ранговъ почитаютъ, и говорятъ, что люди военные суть нужны для гвардіи государя и осторожности государства, и которые праведно и храбро государю и государству служатъ, оные суть земному награжденію и чести достойны, хотя Богъ небесный и идола имъ воздаянія за убійство никакого не дадутъ, ибо убійцы всякимъ образомъ богамъ и идоламъ мерзки суть.

Четвертое, почтеніе имѣютъ къ земледѣльцамъ, причитая, что оные суть люди добрые, труждаются приискивать плодоносіемъ прокормленіе народу, что Богу небесному и идоламъ зело угодно, и ежели бы сего четвертаго ранга не было, то прочіе съ голода померли бы. Слѣдуя такому смиренію, самъ ханъ единожды въ годъ преоблачается въ платьѣ земледѣльское, сохою пашетъ нѣкоторую часть вертограда, сѣетъ, и потомъ, когда отъ него поспѣянный хлѣбъ поспѣетъ, самъ жнетъ, и изъ того хлѣба идоламъ, наипаче Юпитеру, отъ своихъ трудовъ приносить, гдѣ весь его сиклится и кровные сродники присутствуютъ.

Пятое, почтены суть художники, купцы и прочіе люди ремесленные и всякимъ художествомъ украшенные, которыхъ причитають, яко людей нужныхъ для сочиненія художества, для торговыхъ промысловъ и прочаго обхожденія, понеже-де оныя отъ Бога небеснаго созданы и отъ идоловъ произведены, дабы могли своими промыслами не токмо себя, но и ближнихъ прокормить и государство пополнять, не озлобляя никого, безъ грабежа и насильства другъ другу.

Шестое, во всѣхъ церемоніяхъ идолослужителей, сирѣчь ихъ ламъ, или духовниковъ, имѣють въ почтеніи, и оныя никакихъ податей не платятъ и желтаго цвѣта платье носить могутъ, что прочимъ поданнымъ подъ смертною казнью запрещено. Однакожь сіи идолослужители ни въ какомъ собраніи между господами мѣста не имѣють, и говорятъ: они-де суть люди служащіе Богу небесному и идоламъ, которые имъ честь даютъ, а между челоѣчки чести и прерогативовъ по челоѣчеству не могутъ требовать, и что ханъ ихъ жалуетъ, то яко богъ земной, а не яко челоѣкъ, ибо они отъ челоѣчества отдалены суть.

ГЛАВА XVIII.

О Китайскомъ бракѣ, или женитьбѣ, который въ краткихъ церемоніяхъ состоитъ.

Когда женихъ сыщетъ невѣсту, то ежели изъ благородныхъ, договорясь съ родителями, или родственники, о приданомъ, сговорятъ свадьбу, въ которой весьма мало церемоній употребляютъ; токмо изъ родственниковъ нѣсколько соберется, посада дѣвицу въ носилки, цвѣтками и прочимъ украшенныя, привезутъ на дворъ къ жениху и въ воротахъ встрѣтитъ ихъ женихъ. Тогда отецъ, или мать, или въ небытность родителей ближній сродникъ, посадитъ изъ носилокъ,

или изъ одноколки, невесту, и взявъ за руку отдастъ жениху, выговоря такое слово: *Даю тебѣ сію невесту въ жену, люби и почитай*, и съ тѣмъ церемонія окончится; сваты возвратятся домой, а женихъ невесту возметъ въ жену, послѣ трехъ дней сочинитъ небольшой банкетъ и накормитъ своихъ свойственниковъ и сватовъ, а тѣмъ бракъ и окончится.

Убогіе женъ покупаютъ за нѣсколько ланъ серебра, всякъ по своей мочи, и подержавъ нѣсколько времени могутъ наки жену продать другому, а себя другую купить. Полигамія, или многоженство, у Китайцовъ не заказана, и хотя бы кто 20-ть женъ имѣлъ, то не зазорливо, кромѣ того, ежели ихъ прокормить не можетъ. Всего болѣе въ ихъ обыкновеніи удивительно, что жены ихъ между собою одна другой не ревнуетъ и по выбору мужа постелю принимаютъ. Дѣти въ равномѣрно почтены бываютъ, токмо первый сынъ, или дочь, болѣе прочихъ нѣкоторые прерогативы имѣютъ.

Брачнаго благословенія ни отъ кого не принимаютъ, токмо въ полиціи запишутъ, что на примѣръ, въ которой домъ женскій полъ, или мужескій, прибыль, или умеръ, для городского извѣстія.

По истинѣ Пекинская полиція всего свѣта превосходитъ, ибо всякаго числа ремесленники имѣютъ свои инструменты, которыми по улицамъ звонятъ, и каждый по своему инструменту признается и употребляется въ домъ, гдѣ надобенъ, яко-то портной, фельдшеръ, работникъ всякаго ремесла. И не смѣетъ ни кто чужимъ голосомъ въ инструментъ звонить, но всякое ремесло своимъ, дабы граждане по звону признавать могли всякаго чина ремесленныхъ людей, до самыхъ водоносовъ.

На улицѣ у воротъ каждаго двора виситъ каменная

дощечка, на которой хозяинъ, всякіе 24 часа, долженъ нумеровать, что въ его домъ душъ убыло или прибыло. Десятскій по всемъ улицамъ такіе нумера списываетъ, записывая въ книгу, рапортуетъ сотнику той парохіи, сотникъ полковнику, а полковникъ полицмейстеру, и тако усмотрѣно бываетъ, что въ 24 часа хотя малое число людей во всемъ Пекинѣ убудетъ или прибудетъ, полиція вѣдаетъ, и потомъ понедельникно сенату рапортуетъ, сенатъ тайному верховному совету, а советъ хану, и ханъ помѣсячно такой рапортъ неотмѣнно требуетъ.

ГЛАВА XIX.

О погребеніи, съ какою церемоніею Китайцы мертвыхъ погребаютъ.

Нигдѣ на свѣтѣ меньше церемоній въ сочетаніи брака не бываетъ, какъ у Китайцевъ, а напротивъ въ погребеніи превеликая помпа и иждивеніе, отъ котораго многіе въ послѣднее изобожество приходятъ.

Когда кто умретъ, то, во первыхъ, должны его сродники купить гробницу добраго художества, лаковыми красками и золотомъ расписанную, и оную разными цвѣтами украсить, и самымъ хорошимъ бѣлымъ полотномъ обвить мертваго, въ гробъ положить и закленъ, и держать въ домъ 40 дней; всю фамилію и сродниковъ въ бѣлый трауръ нарядить; предъ гробомъ умершаго разныя благоуханія и парфюмы употребить; нѣсколько ламъ для молитвы призвать, и дневно и поочно мертваго караулить со множествомъ свѣчъ, когда ламы отправляютъ молитву, въ такомъ надѣяніи, что хотя бы и грѣшныи были, то идола его отъ грѣховъ освободятъ и душу его Богу небесному, а не Ермыхану, сирѣчь Люциферу, предадутъ. И такимъ образомъ, каждый по своей силѣ, 40 дней

мертвого въ гробъ держать, а потомъ съ великою помпою, на публичныхъ носилкахъ, за городомъ въ своихъ кладбищахъ погребаютъ, гдѣ и ламъ богатою рукою дарятъ. И ежели кто надъ мертвымъ такой церемоніи не отправитъ, тотъ свою фамилію въ вѣчное безчестіе и порицаніе предастъ.

ГЛАВА XX.

Описаніе Далай-Ламы, всей Азіи идолаторскаго верховнаго жреца.

Сего Далай-Ламу содержатъ Китайцы въ великомъ почтеніи, яко Римляне папу Римскаго, называя его верховнымъ архипастыремъ, посланнымъ отъ небеснаго Бога для содержанія скипетровъ царскихъ и иждовъ всякаго званія по своимъ прерогативамъ. И онъ между цари меньше только Китайскаго хана почитается, а между духовными особами болѣе всѣхъ боговъ, кромѣ небеснаго, по силѣ котораго умираетъ и перерождается, и паки, яко животворящій, никогда умереть не можетъ, но на время отходить въ советъ съ идолами на небо и паки возвращается для правосудія на землю. И хотя разумные видятъ въ томъ существенно ложь, однакожь покрываютъ оную мерзкою политикою и обманомъ. Всякъ Далай-Ламу въ превеликомъ почтеніи имѣетъ, и подъ командою его около 100,000 войскъ Китайскихъ и Тангутскихъ обрѣтается, командируемыхъ семью генералами, или ханами, и оныхъ три посылается отъ хана Китайскаго для караула, а четыре суть подданные его природные.

ГЛАВА XXI.

Описаніе идолаторскаго, Мунгалскаго и прочихъ народовъ верховнаго жреца Кутухты.

Сей Кутухта поставляется съ благословенною грамотою отъ вышеупомянутаго Далай-Ламы, и между Мунга-

лами зѣло почтень, якобы верховный патріархъ идолаторскаго закона, о которомъ Кутухтъ суевѣрствуютъ, что будто и онъ перерождается, и имѣють онаго въ такихъ же прерогативахъ, какъ и Далай-Ламу, но токмо не можетъ оный переродиться, ни чинъ получить безъ благословенія и граматы Далай-Ламиной.

Мунгалы, когда умретъ Кутухта, собирають многочисленную казну и посылають пословъ своихъ къ Далай-Ламѣ, съ прошеніемъ, дабы благословилъ, чтобъ ихъ Кутухта переродился. Далай-Лама, получа богатство, даетъ имъ грамату, за печатью, которую повелитъ распечатать при собраніи всего начальства, и кто въ оной назначенъ, тотъ и переродился и Кутухтою его признавать имѣють. А больше такое счастье въ перерожденіи прилучается ханскимъ сродникамъ, или зятьямъ, а изъ убогихъ никто никогда не перерождается.

ГЛАВА XXII.

Милліе о невчинаніи за малую причину съ Китайскимъ имперіемъ и ихъ подданными войны безъ дальняго предувѣдомленія и сильнѣйшаго къ тому предуготовленія.

Ежели бы Россійское имперіумъ безъ дальняго предувѣдомленія и сильнѣйшаго приуготовленія посредственными силами съ Китайскимъ имперіемъ и ихъ подданными за какую причину намѣреніе возымѣло войну зачать, то безъ большихъ трудовъ могло бы въ нѣсколько годовъ очистить западную страну рѣки Амура, и всѣ Китайскія фортецы, которыя построены по сю сторону той рѣки Амура, также и всѣ земли, уступленныя на мирѣ Нерчинскомъ, отобрать. И въ такомъ случаѣ, когда рѣку Амуръ отъ Китайскаго владѣнія очистить, то для предковъ и большихъ про-

грессовъ впредь, та граница была бы славна и полезна. Но сіе учинить не весьма легко. Во первыхъ, что къ такой экспедиціи, по послѣдней мѣрѣ, десять регулярныхъ и толикое же число нерегулярныхъ полковъ вооружить надобно, противъ которыхъ вся сила Китайская и Мунгальская можетъ вооружиться. Второе, буде по случаю помянутую рѣку Амуръ очистить отъ владѣнія Китайскаго и удастся, то сколько изъ сего завладѣнія можетъ быть прибыли, то толикаго числа отъ такой экспедиціи учиненнаго изживенія и во сто лѣтъ не можно возвратить. При томъ же надлежало бы содержать завладѣнныя фортецы якобы сильнѣйшими гарнизоны, аммуниціею и провіантомъ для твердаго владѣнія. Таковою войною миръ нарушенъ будетъ; коммерція съ Китайскимъ государствомъ пресѣчется; Сибиряки, Всероссійскіе подданные, придутъ въ убожество и раззореніе, а Китайцы не возымѣютъ уже старанія о покоѣ, но все подъ ружьемъ, опасаясь дальнихъ прогрессовъ Россійскихъ, пребывать будутъ, изъ чего и воинскому обхожденію болѣе научатся. Того для мнѣніе мое, что съ Китайцами за малую причину отнюдь войны не вчинать, но обходиться по возможности пріятельски и содержать миръ, и трудиться умножить при границахъ коммерцію, не выключая караванной Пекинской экспедиціи до предковъ, и все прочее содержать по силѣ трактата, а самыя малыя дѣла презирать, дабы за малое дѣло въ большія ссоры и противности не войти.

ГЛАВА XXIII.

Мнѣніе, какимъ порядкомъ въ мирномъ случаѣ предуготовленіе и умноженіе при границахъ людей, денежной казны, провіанта, такожъ артиллеріи и прочихъ воинскихъ припасовъ для предковъ чинить надлежитъ, и ка-

*кимъ образомъ войну Китайскому имперію по времени
объявить будетъ пристойно.*

Ежели Божіимъ благословеніемъ Россійское имперіумъ будетъ имѣть долговременный миръ съ окрестными Европейскими государи и можетъ совокупить нѣсколько милліоновъ денегъ съ первыхъ расходовъ въ казнѣ, тогда по твердому расположенію и намѣренію, разсмотрѣвъ все пункты и противности, что отъ чего произойти можетъ, воспріять намѣреніе Китайское государство войною завладѣть можно, которое на свѣтѣ наибогатѣйшее и тѣмъ изобильнѣйшее прочихъ государствъ Азіятскихъ и Европейскихъ. Мнѣю, что не весьма трудно оное завладѣть, когда Богъ счастье свое допуститъ. Первое, что народъ Китайскій хотя и исправнѣйшій, и къ войнѣ готовѣйшій и многественный, но къ воинскому дѣлу неспособный, ибо люди подлинно не воинсты. Второе, Манжуровъ во всемъ Китайскомъ государствѣ, которые нынѣ владѣтели, не считается болѣе четырехъ милліоновъ, а Никановъ, сущихъ старыхъ Китайцовъ, 200 милліоновъ душъ, которые зело озлоблены отъ Манжурскаго жестокаго владѣнія, и когда услышали бы, или непріятеля при границахъ сильнаго, или потеряли бы хотя одну баталію воинскую, то несомнительно могла бы быть у нихъ война внутренняя и многія провинціи взбунтовались бы, какъ и прежде сего многократно чинили. Манжуры были бы принуждены силы свои раздѣлить, одиѣ по провинціямъ для содержанія войны, другія для содержанія крѣпостей сильными гарнизо-нами, а третью часть на поле противъ непріятеля вывести. Для такого къ наступленію приготовленія, по моему мнѣнію, ежелибъ Е. И. В. повелѣла построить на границъ три фортеціи, хотя семи-регулярныя, подъ видомъ для утвержденія границъ и своей опасности, и

наполнять оныя погодно артиллерією и аммуницією, провіантомъ и прочимъ, что къ такой сильной войнѣ надобно, при томъ же умножить пашню при границахъ Сибирскими изъ внутреннихъ провинцій жителями и ссылочными изъ Россіи, для умноженія провіанта, и стараться пополнять денежную казну отъ разныхъ учрежденныхъ пограничныхъ сборовъ, наипаче съ кабаковъ, прилагая прилежное тщаніе къ недопущенію въ доимки и прочіе недоборы, которое приготовленіе и умноженіе чинить повсягдно чрезъ десять лѣтъ, и когда выйдетъ въ готовности случай, то ежели будетъ возможно, вооружить 50 полковъ регулярныхъ, да 20 нерегулярныхъ, учиня притомъ союзъ съ Контайшею, объявить Китайцамъ войну, и поступать наступательно, токмо было бы провіанта къ такому предуготовленію на три года, а тако же артиллерія и прочіе воинскіе припасы въ довольствѣ. И тако надѣюсь, что всѣ Мунгальскіе жители пограничные, которыхъ болѣе 100,000 конницы, нѣчто отъ страха, а нѣчто отъ охоты, и чтобы набогатиться Китайскимъ богатствомъ, отступили бы отъ Китайскаго подданства и употребили бы войска свои противъ Китайцовъ, вкупѣ съ Русскими, о чемъ нѣкоторые ихъ начальники мнѣ склонность свою въ моей бытности показали. И такимъ порядкомъ (что все въ воли Божіей состоитъ) мню, что въ нѣсколько годовъ, безъ дальняго труда, можно Китайское имперіумъ завладѣть, а хотя бы удалось токмо что въ ихъ землю вступить, то богатствомъ и провіантомъ хотя большую армію тамошними провинціями содержать можно. Ежели же Богъ допуститъ ханскую казну завладѣть, то безчисленныя войска можно содержать. Токмо надлежитъ прежде начатія разсуждать всякіе случаи, что изъ того произойти можетъ, и безъ сильнѣйшаго пред-

уготовленія и предувѣдѣнія всѣхъ опасностей такую войну не зачинать, что и предаю твердому разсужденію Е. И. В. и высокаго министерія, а я токмо для информации отъ моего доброусердія писалъ мое мнѣніе.

При семъ же во извѣстіе прилагается о трактѣ отъ Москвы до стольнаго Китайскаго города Пекина.

Хотя въ подносимой отъ меня подданнѣйше при семъ моего тракта отъ Москвы до Пекина ландкартъ описаны сухимъ путемъ всѣ города и мѣста, подѣленны какими градусами, въ какомъ разстояніи, и какой націи жители при оныхъ обрѣтаются, о чемъ и въ журналѣ, поданномъ отъ меня въ государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ подробно изъяснено, но здѣсь о главныхъ городахъ, мѣстахъ, рѣкахъ, и о обильности оныхъ водянымъ путемъ упоминаю.

Отъ Москвы, рѣкою Москвою, до города Коломны, который въ ширину 55 градусовъ, гдѣ Москва рѣка пала въ Оку.

Окою до города Касимова, въ градусъ 54, 40 минутъ.

Отъ Касимова по той же рѣкѣ до города Мурома, въ гр. 55, 25 мин.

Отъ Мурома тою же рѣкою Окою до Нижняго Новгорода, въ гр. 56, 32 мин., гдѣ Ока кончилась и съ правой стороны пала въ Волгу, а Волга впадаетъ въ море Астраханское; ширины имѣетъ нѣгдѣ на версту, а индѣ и больше, по которой непрестанно бываетъ судовой ходъ до моря Астраханскаго.

Отъ Нижняго Волгою до города Козмодемьянска, въ гр. 56, 2 мин., гдѣ находится большимъ числомъ народъ Черемисскій; языкъ имѣютъ особый; суевѣрные и молятся дереву и всякому животному.

Отъ Козмодемьянска Волгою до города *Казани*, въ гр. 56, 20 мин.

Отъ Казани Волгою же до *Камы*, а Камою до устья *Чусовой*, чрезъ волокъ версть съ 40, на *Исетъ* рѣку, на которой въ вершинахъ *Екатеринбургъ*, въ гр. 56, 57 мин.

Изъ Исети въ *Тоболъ*, выше устья Туринскаго въ 60 верстахъ.

Изъ Тобола *Иртышемъ* до *Тобольска*. Гордоъ Тобольскъ въ гр. 58, стоитъ на правомъ берегу рѣки *Иртыша*.

Рѣка *Иртышъ* шириною будетъ больше полуверсты, быстра и глубока; теченіе имѣетъ съ полуденной стороны изъ *Контайшина* владѣнія, по которой многіе Россійскіе города. По обоимъ берегамъ суть многія села и деревни, какъ Русскія, такъ и Татарскія.

Рѣкою *Иртышемъ* до *Самарова* яма, въ гр. 63, 17 мин., откуда *Иртышъ* впадаетъ въ рѣку *Обь*.

Обь рѣка широка и глубока; лѣтнею порою по мѣстамъ разливается на версту на другую, а индѣ до 5 и 6 верстъ, а весною въ водополь (по сказкамъ тамошнихъ жителей) разливается такъ широко, якобы море, отъ 60 до 70 верстъ, что и берега не видать. И когда бываетъ такое на 70 верстъ разлитіе, тогда на трехъ пригоркахъ только можно людямъ спастись, ежели судно разобьется. Также ежели кто идучи судами въ осеннее время обмерзнетъ, то кромѣ выше-означенныхъ трехъ мѣстъ нѣтъ спасенія, ни пристанища, и гдѣ который дощаникъ во льду обмерзъ, тамо весною льдомъ ево разобьетъ. И многократно случилось, что ежели обрѣтающіеся въ немъ люди зимнею порою пѣшкомъ по льду не спаслись, то всѣ потонуть и помрутъ.

По берегамъ сей рѣки живутъ *Остяки* новокрещенные, которые не имѣютъ иныхъ промысловъ, кромѣ звѣроловли и рыболовли, звѣроловьемъ платятъ ясакъ, а рыболовьемъ питаются, и суть народы зѣло убоги. Лѣтомъ живутъ въ юртахъ берестяныхъ, а зимою въ земляныхъ кучкахъ, якобы въ норахъ дарбаганы, или сурики.

Сія рѣка такъ довольна рыбою, что за 2 копейки, или за щепотку табаку, можно купить большаго осетра въ полтора аршина. Судной ходъ по ней свободный и камней нѣтъ, и хотя мѣли пещаныя мѣстами и находятся, однакожъ суда никакого опасенія не имѣютъ. Сею рѣкою ходятъ суда до города *Нарыма*, который въ гр. 60, 59 мин., и до устья рѣки *Кети*.

Кеть рѣка, шириною сажень на 10, впадала въ *Обь*, теченіе имѣетъ великими кривизнами и во многихъ мѣстахъ песочныя насыпи и мѣли, и въ малую воду проходъ зѣло труденъ; по обѣимъ берегамъ лѣса превеликіе, мѣста болотныя, все пусто; вода пещаная, мутная и нездоровая, и рыбою не весьма довольно.

Въ помянутую рѣку *Обь* впадаетъ рѣка *Томь*, по которой живутъ Русскіе народы; шириною версты на полторы, весьма рыбою изобильна, такъ, что по сказкамъ тамошнихъ жителей, подъ городомъ *Томскомъ* въ одинъ замѣтъ невода (который величиною отъ 200 до 300 сажень длины) по 3,000 рыбъ ловятъ, а оныя рыбы нѣкоторыя по аршину, а нѣкоторыя по полуаршину, называются по Сибирски *муксуны*, и подобны форели, а продаютъ такъ дешево, что удивленія достойно.

Рѣкою *Кетью* до *Маковского острога*, въ град. 60, 3 мин., откуда начинается *Маковский волокъ*, которымъ сухопутной переправы 120 верстъ до города *Енисей-*

ска, стояща надъ рѣкою Енисеємъ, въ гр. 60; въ ономъ городѣ жители Русскіе и казаки служивые.

Рѣка *Енисей* велика, не уступаетъ ни Волгѣ, ни Томи, а Иртыша больше; рыбы довольно, хотя не такъ, какъ въ Оби; ходъ дощаничный свободенъ и безопасенъ.

Енисеємъ до рѣки *Тунгусской*, впадающей въ Енисей. Тунгуска рѣка зѣло быстра и камениста, и на мѣстахъ разливается отъ 2-хъ до 4-хъ верстъ, а больше течетъ между каменными горами, и нѣгдѣ на полверсты притѣснена каменистыми берегами, между которыми проходъ судной не безопасенъ, ибо во многихъ мѣстахъ находятся пороги, а видъ шиверы (*шиверы* разумѣются тѣ мѣста, гдѣ чрезъ большое число по ширинѣ рѣки камень и песокъ, а къ одному берегу глубоко и зѣло быстро, и въ тѣхъ мѣстахъ бываетъ опасный проѣздъ дощаниками).

По сей рѣкѣ кочуютъ *Тунгусы*, народъ идолопоклонническій и половину дичи; промышляютъ звѣрями и рыбою; богатство ихъ въ ловлѣ оленей и прочихъ звѣрей; живутъ въ глубочайшихъ лѣсахъ, въ берестяныхъ юртахъ; имѣютъ при берегахъ лодки изъ березовой коры, зѣло легки и прѣткы, на которыхъ по рѣкѣ плаваютъ и рѣку перѣзжаютъ; гребутъ на двухъ веслахъ, какъ мужики, такъ и женки, весьма скоро, и мною, что хотя бы шлюпка на восьми веслахъ гребла, ихъ не предускорила бы, а когда приходятъ къ порогамъ, или мѣстамъ труднымъ и каменистымъ, то лодочку положи на себя, переносятъ сухимъ путемъ до свободнаго мѣста, гдѣ паки положи на воду, поизываютъ. Лодки ихъ такъ хорошо сдѣланы, якобы были малеваны. Прѣзжіе дощаники, когда Тунгусовъ не озлобляютъ, то они привозятъ къ нимъ на своихъ лодкахъ для продажи всячину, наипаче рыбы

въ довольности, хотя не такъ, какъ въ прочихъ вышеозначенныхъ рѣкахъ. Ежели же проѣзжіе ихъ озлобятъ, то во всемъ трактѣ нигдѣ не покажутся.

Сіи Тунгусы, какъ женскій, такъ мужской полъ, имѣютъ рожи, или лица свои, шитыя нѣкоторыми фигурами, что у нихъ чинится обыкновенно для украшенія, вышивая во младенчествѣ шелками, и когда шелкъ сгніетъ, мажутъ нѣкоторыми травами, или сокомъ черныхъ травъ, отъ чего остаются на лицѣ шитые знаки.

Тунгусскою рѣкою до *Ангары*, которая течетъ изъ большаго озера, или моря *Байкала*. Сія рѣка шириною противъ Тунгусской, и такъ быстра, что повернуть не можно; чистотою же, что хотя въ 5 сажень глубины, можно увидѣть на днѣ серебряный гривенникъ, и вода зело здорова; рыбою посредственна, камениста и пороговъ множество, гдѣ проѣзжимъ судамъ не безъ опасности; однакожь, какъ на Тунгусской, такъ и по *Ангарѣ*, гдѣ суть пороги, тамо пребываютъ *вожи*, или штурманы тѣхъ мѣстъ, которые своимъ искусіемъ препровождаютъ казенные и прочіе дощаники, и за то получаютъ Е. И. В. погодное жалованье изъ тѣхъ воеводствъ, въ которыхъ они обрѣтаются, а съ проѣзжихъ подарки, кто что дастъ, и удивительно, что такіе *вожи* бываютъ превеликіе шумницы, и не отважатся дощаникъ препроводить, ежели не подопыютъ, упоминая, что когда подпили, то не страшно, а когда-де не подпили, то отъ страха летяція между камнями воды могли бы испугаться и судно потерять.

По сей рѣкѣ до *Братскаго острога*, гдѣ впадаетъ въ *Ангару* рѣка *Илимъ*, за каменистыми мѣстами все пусто, а отъ *Братскаго* до города *Иркутска* по обѣимъ берегамъ земли пашенныя преизрядны, и по мѣ-

стамъ обрѣтаются остроги и Рускихъ разныхъ чиновъ заимки и деревни, а между тѣмъ и кочевые народы, называемые *Братскіе*, иноземцы, и имѣютъ скота и лошадей множество.

А большее число оныхъ, какъ Тунгусской, такъ и Ангары рѣкъ огорожено каменными, превеликими горами, и на многихъ мѣстахъ обрѣтаются мраморы всякаго колера, а стѣны мѣстами такъ гладки и натуральны на подобіе стѣнъ городскихъ, якобы человѣческихъ рукъ было дѣло самою гладкою манерою, и такимъ образомъ нѣгдѣ и на 20 верстѣ протягивается, что по истинѣ удивительно. И мно ежели бы по симъ горамъ поискать съ прилежностію, всякихъ металловъ много обрѣтается.

Рѣкою Ангарою до города Иркутска въ гр. 52, 27 мин., при которомъ отъ правой стороны рѣка *Иркутъ* впадаетъ въ Ангару, шириною, на примѣръ, сажень съ 50, или больше.

Сей городъ Иркутскъ по Тобольскъ наилучшій въ Сибири и наивышшее въ немъ купечество, и имѣетъ команду надъ цѣлою провинціею, подъ которымъ въ вѣдомствѣ городъ Якутскъ, Нерчинскъ, Селенгинскъ и прочіе города, остроги и мѣста пограничныя, около 30.

Отъ Иркутска Ангарою до большаго озера, или называемаго отъ Сибиряковъ моря Байкала, изъ котораго Ангара выпала.

Сіе озеро такъ свѣтло и чисто, какъ и рѣка Ангара, шириною, по сказкамъ тамошнихъ жителей, отъ 60 до 120, длиною съ полторы тысячи верстѣ, и такъ глубоко, что на срединѣ въ 300 саженьхъ дна сыскать было невозможно; ходъ дощаниками преизрядный, хотя и бываютъ штурмы и валы великіе, но не обрѣтается ни острововъ, ни каменя, кромѣ

тѣхъ, что близъ береговъ. Пристанища не частыя и не безопасныя; дощаники строенія самаго худаго, и для такой причины многіе дощаники погодою разбивается, однакожь мало слышно, чтобы дощаникъ съ людьми потонулъ. Но когда бываютъ великіе вѣтры и штурмы, то прибываетъ дощаники къ берегамъ, гдѣ ихъ разбиваетъ, а люди получаютъ спасеніе. И для того Сибиряки, по своей старой пословицѣ, называютъ Байкаль *Святое море*, которое-де своимъ благоволеніемъ, хотя дощаники и разбиваетъ, но людей не потопляетъ. Въ семъ озерѣ находится одинъ островъ, называемый *Ольхонъ*, гдѣ жили прежде Россійскаго завладѣнія Мунгальскіе кутухты, сирѣчь начальники вѣры идолопоклоннической, а округъ сего острова около 300 верстъ.

Въ семъ озерѣ не токмо рыбъ всякихъ довольно, и отъ чистоты воды рыба вкуснѣе, нежели какъ въ прочихъ рѣкахъ, но и нерпы предовольно, которая лучше Архангелогородской, и отдается нерполовѣе и рыболовѣе наоткупъ, и тотъ сборъ собирается въ казну.

Изъ Байкала въ устьѣ *Селенги* рѣки, а Селенгою мимо города *Удинска*, въ гр. 51, 42 мин. Отъ лѣвой руки течетъ рѣка *Уда*, шириною сажень 50, и впадаетъ въ Селенгу.

Отъ *Удинска* Селенгою до города *Селенгинска*, который стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки *Селенги*, въ гр. 51, 4 мин.

Рѣка Селенга посредственна, нѣгдѣ на полверсты, а нѣгдѣ и на версту ширины, зѣло островиста и глубока, и мѣстами утесы каменные. По берегамъ живутъ Рускіе, и кочуютъ ясачные иноземцы, называемые *Братскіе*, сирѣчь Мунгалы, Всероссійскіе подданные; хлѣба и скота имѣютъ въ довольности, токмо

Фруктовъ никакихъ, кромѣ черемхи и смородины, не имѣютъ, и мню что больше отъ нерадѣнія. Рыбы такъ множество, что въ одну морду, или большую вершу, осетровъ по сту и больше попадаетъ, и сіе больше случается лѣтомъ, а въ самую осень идетъ изъ Байкала въ верхъ по Селенгѣ рѣкѣ до города Селенгинска и до Чикойской Стрѣлки некоторая рыба на подобіе Новгородской ладуги, называемая *омули*, величиною по полуаршину, въ такомъ множествѣ, что въ одинъ неводъ (хотя неводы и не весьма велики) попадаетъ тысячь по тридцати, и продаютъ тысячу по двѣ, а иногда и по одной гривнѣ. Токмо такой ловли больше двухъ недѣль не бываетъ, и какъ она рыба идетъ изъ Байкала по рѣкѣ Селенгѣ, видно что множественно, показываетъ шумъ своимъ плаваніемъ, будто шумъ воды.

Сія рѣка теченіемъ быстра и для слабыхъ береговъ теченіе перемѣняетъ всягодно, одни мѣста пескомъ засыпаетъ, а въ другихъ чрезъ цѣлыя мѣста промываетъ и теченіе имѣетъ, и наводняется болѣе осенью и лѣтомъ, когда дожди бываютъ, и прибываетъ вдругъ воды немало, отъ чего всягодно Селенгинскіе жители раззореніе терпятъ и по нѣскольку дворовъ уносятъ.

Отъ города Селенгинска рѣка Селенга протягивается около 100 верстѣ въ Россійскомъ владѣніи, а достальное въ нѣсколькихъ дняхъ хода течетъ изъ Мунгальской земли. Ходу по ней, кромѣ малыхъ лодокъ, выше Чикойской Стрѣлки не бываетъ дощаниками.

Подъ Чикойскою Стрѣлкою впадаетъ въ Селенгу рѣка Чикой, шириною сажень на 200, которая въ Русскомъ владѣніи близъ 800 верстѣ, и по оной тако же дощаники не ходятъ, кромѣ лодокъ и плотовъ.

По берегамъ той рѣки живутъ Русскіе обыватели и кочуютъ Братскіе, ясачные иноземцы.

Отъ Чикойской Стрѣлки сухимъ путемъ до рѣки *Кяхты*, гдѣ нынѣшняя граница, новопостроенная крѣпостца и торговая слобода.

Рѣчка *Кяхта* самая малая, токмо быстра и водою чиста и здорова, и запружена большими прудами для довольства тамошнему купечеству.

Отъ *Кяхты* до рѣки *Буры*, которая въ Мунгальскомъ владѣніи. Оная рѣка также малая и въ краткомъ теченіи, выпала изъ озера, называемаго *Гилла*, и впадаетъ въ рѣку *Орхонъ*.

Перебравъ помянутую рѣчку *Буру* въ бродъ, ѣхали внизъ подлѣ оной степью и спустились къ рѣкѣ *Орхону*, гдѣ кочуютъ Мунгалы.

Рѣка *Орхонъ* шириною сажень болѣе 100, глубока и рыбна, близъ *Буринскаго* устья впадаетъ въ *Селенгу*, при границахъ Россійскихъ, на которой перевозъ лодками, а когда вода мала, то и бродъ бываетъ.

Отъ рѣки *Орхона* до рѣки *Ира*, чрезъ которую перевозились на лодкахъ, а лодки для того съ собою нарочно имѣли, ибо Мунгалы дѣлать оныхъ не умѣютъ, но покупаютъ у Рускихъ; шириною та рѣка противъ *Орхона*.

Отъ рѣки *Ира* до рѣки *Шары*, которую перевзжалъ въ бродъ.

Отъ рѣки *Шары* до рѣки *Хары*, которая шириною сажень на 20, мѣстами топка, по обѣ стороны мѣста степныя и горы, впадаетъ въ *Орхонъ*, и чрезъ оную рѣчку переправились въ бродъ. По сей рѣкѣ многія кочевья Мунгальцовъ, Китайскихъ подданныхъ.

Отъ *Хары* до рѣки *Бороя*, которая хотя очень мала, токмо зѣло топка, и переправились на другую сторону въ бродъ съ немалымъ трудомъ.

Отъ рѣчки Бороя до рѣчки *Бургултай*, чрезъ которую въ бродѣ переправились.

Отъ *Бургултай* до рѣчки *Нарымъ*, а отъ *Нарыма* до рѣчки *Куй*. Сія рѣки впадаютъ въ рѣку *Толу*.

Отъ рѣки *Куй* до рѣки *Толы*, которую переезжали въ бродѣ чрезъ четыре протоки; теченіемъ быстра, по камению, а шириною протоки отъ 40 до 20 сажень, и впадаетъ въ *Орхонъ*.

Отъ рѣки *Толы* чрезъ *Гобейскую*, пещаную и каменистую степь до Китайскаго села *Толой Суммы*, не доѣзжая *Калганской* стѣны за три версты, шли 30 дней, съ великою нуждою, безъ воды, безъ травы и безъ дровъ; токмо по тракту той степи, гдѣ имѣло быть становье, выкопаны колодези, и по мѣстамъ находились маленькія озера, въ которыхъ вездѣ, какъ въ колодезяхъ, такъ и въ озерахъ, большимъ числомъ вода соленая, индѣ кислая, индѣ вонючая и тинная, но и тою за оскуднѣніемъ довольствовались съ нуждою. Срединна той степи подъ гр. 44-мъ, 25 мин.

Отъ Села *Толой Суммы*, переехавъ въ бродѣ рѣчку *Чинганъ*, до *Калганской* стѣны, окружающей до моря Китайское государство (о которой выше сего пространно описаніемъ изъяснено), и до перваго за *Калганскою* стѣною города *Чазикова*, лежащаго въ гр. 41-мъ, 3 мин. Въ ономъ городѣ живетъ большая часть воинскихъ людей, которые пасъ содержатъ.

Отъ *Чазикова* до большаго города *Сіамфу*, въ гр. 40-мъ, 38 мин.

Отъ *Сіамфу* до города *Цеза*, въ гр. 40-мъ, 35 мин.

Отъ *Цеза* до города *Джиминга*, въ гр. 40-мъ, 30 мин.

Отъ *Джиминга*, подлѣ рѣчки *Янхо*, каменистымъ мѣстомъ, до города *Поогона*, въ гр. 40-мъ, 25 мин.

Отъ Поогона, подлѣ рѣчки *Шанхо*, до города *Шачина*, въ гр. 40-мъ, 20 мин.

Отъ *Шачина* до города *Тюми*, въ гр. 40-мъ, 10 мин.

Отъ *Тюми* до города *Хоалай*, въ гр. 40-мъ, 1 мин.

Отъ *Хоалай* до города *Юлинъ*, въ гр. 40-мъ, 5 мин.

Отъ *Юлина* чрезъ шарлопы, или превысокія каменистыя горы, обведенныя каменною стѣною, которая, сказываютъ, соединяется съ первою *Калганскою* помянутою стѣною, до города *Чадю*, въ гр. 40-мъ, 10 мин.

Отъ *Чадю* чрезъ шарлопы же до маленькаго города *Бадалинь*, окруженнаго въ третьей стѣнѣ, такимъ же образомъ, какъ выше показано, въ гр. 40-мъ, 19 мин.

Отъ *Бадалина* до города *Джулингана*, въ гр. 40-мъ, 20 мин.

Отъ *Джулингана* до города *Нанко*, въ гр. 40-мъ, 25 мин., обведеннаго четвертою стѣною, какъ выше показано.

Отъ города *Нанко*, перѣхавъ въ бродъ рѣчку, которая течетъ изъ шарлоповъ, до города *Чампинжу*, въ гр. 40-мъ, 22 мин.

Отъ *Чампинжу* до города *Шаха*, въ гр. 40-мъ, 11 мин.

Отъ *Шаха*, чрезъ село *Сегоръ*, до *Пекина*, въ гр. 40-мъ, 4 минутахъ.

А по сказкамъ пограничныхъ обывателей можно пройти отъ *Селенгинска* до *Пекина* и водянымъ путемъ, слѣдующимъ съ лѣвой стороны трактомъ:

Въ *Селенгу* рѣку, ниже *Селенгинска* около 50 верстъ, не подалеку отъ *Байкала*, впадаетъ рѣка *Хилокъ*, хотя не широка, но глубока, по которой весною ходятъ дощаники и плоты, до нѣкотораго мѣста, называемаго *плотбища*; отсюда переправиться сухимъ путемъ, около

100 верстъ, до рѣки *Ингоды*, Инголою до *Онона*, Онономъ до *Шилки*, гдѣ рѣка *Нерча* впадаетъ въ *Шилку* а *Шилкою* до большой рѣки *Амура*, а *Амуромъ* до *Ламскаго моря*, а моремъ, окружа *Корейскій островъ*, около 700 верстъ, до пристани Китайской, называемой *Тунжи*, а отъ *Тунжи* до *Пекина* около 70 верстъ сухимъ путемъ.

И такимъ образомъ отъ стольнаго города *Москвы* до Китайской пристани *Тунжи* сухопутной въ трехъ мѣстахъ переправы 260, а до *Пекина* 330 верстъ.

Только не могъ я получить совершеннаго извѣстія: есть ли навигація моремъ кругомъ *Корейскаго острова* или нѣтъ? А по географическимъ картамъ, также и по сказкамъ служивыхъ казаковъ изъ старожильцовъ, которые большими лодками до носа *Корейскаго острова* въ море выходили, оная навигація быть имѣеть. И сказываютъ, что тамо около моря находятся камыши, такъ велики, якобы сосновый лѣсъ. А ходили тѣ служивые еще до разграниченія графа *Головина*, а по разграниченіи помянутая рѣка *Амуръ* осталась съ обѣихъ сторонъ въ Китайскомъ владѣніи, и *Албазинъ*, послѣдній городъ, трактатомъ раззоренъ, какъ о томъ пространно выше сего описано.